КРАТКІЙ

СБОРНИКЪ

ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ

ДЛЯ УПРАЖНЕНІЯ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

СОСТАВИЛЪ И ИЗДАЛЪ

КИРИЛЪ АНТ. САБОВЪ.

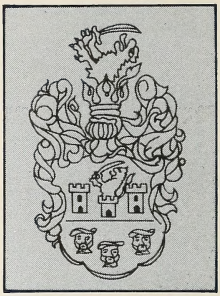
УЖГОРОДЪ.

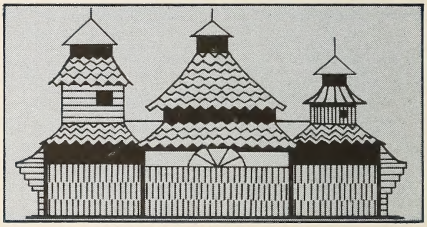
Въ типографіи вдовы Карла Егера.

1868.

EX
LIB
RIS

PAUL R. MAGOCSI





КРАТКІЙ

СБОРНИКЪ

ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ

ДЛЯ УПРАЖНЕНІЯ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

СОСТАВИЛЪ И ИЗДАЛЪ

КИРИЛЪ АНТ. САБОВЪ.

УЖГОРОДЪ.

Въ типографіи вдовы Карла Егера.

1868.

Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/kratkisbornykyzb00sabo

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Чтобъ угро-русскимъ братьямъ нашимъ, желающимъ познакомиться съ литературнымъ чисто-русскимъ слогомъ, но неимѣющимъ способа и средствъ къ тому — хотя почасти пособствовать; чтобъ тѣмъ, которые слышавъ и читавъ объ этомъ слогѣ вообразили себѣ можно неточный судъ объ немъ, подать способъ сравнить его съ туземнымъ говоромъ; да чтобъ читавшимъ и изучившимъ новѣйшія грамматики, изданныя у насъ, и дѣлающимъ попытки писать по тѣмъ грамматикамъ послужить различными образцами слога для упражненія: рѣшилъ я издать этотъ „Краткій Сборникъ избранныхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ.“

Желаніемъ моимъ было собрать здѣсь сочиненія, или отрывки сочиненій лучшихъ русскихъ писателей, но изъ тѣхъ таковыя, которыя по большей части писаны для народа, недалеко отстоятъ и отъ нашего говора начинающаго теперь развиваться токмо; — и по той причинѣ пусть извинять меня тѣ, которые надѣялись изобрѣсть въ этомъ Сборникѣ образцы

высшаго слога, или точнѣе образцы способовъ писанія всякаго рода; какъ то бываетъ въ полныхъ хрестоматіяхъ издаваемыхъ для упражненія въ языкѣ.

Наконецъ, такъ какъ у насъ употребленіе ударенія въ словахъ вслѣдствіе вліянія сосѣдственныхъ языковъ уклонилось отъ правильнаго, особенно въ нѣкоторыхъ околицахъ нашихъ: чтобъ подать способъ упражняться въ правильномъ употребленіи ударенія, намѣрялъ я статьи книги этой печатать съ акцентами; — но по-причинѣ скудныхъ нашихъ обстоятельствъ намѣреніе мое неудалось. — Нужныхъ буквъ ненаходившихся до сихъ поръ въ печатнѣ нашей не можно было дождаться; и когда они сготовленны были, тогда уже токмо нѣсколько статей таковыхъ успѣлъ я вмѣстить въ книгу.

Хотя таже Сборникъ этотъ не снабженъ всѣми надобными принадлежностями книгъ для упражненія въ языкѣ; хотя въ немъ взнайдется много недостатковъ; онъ напечатанъ даже и не по всему намѣренію моему: однако, я думаю, и при всемъ томъ, онъ сдѣлаетъ услугу въ развитіи у насъ литературнаго слога, и хотя послужитъ основаніемъ къ совершеннѣйшему подобному изданію.

Ужгородъ въ день св. верховныхъ ап. Петра и Павла. 1868.

Издатель.

УТРЕННЯЯ ПѢСНЬ.

(Изъ Камше.)

Твой первый долгъ — благодаренье
Къ Творцу! — душа вспорхнула вновь...
Господь твое услышитъ пѣнье:
Воспой ему хвалу, любовь!
Въ своей охранѣ, слабосильный,
Я легъ — и тихо, мирно спалъ;
Кто жь благодатью столь обильной
Меня хранилъ, мнѣ сонъ послалъ?
Се Ты, Господь, владыка свѣта!
Тобой мы движемся, есмы...
Се Ты, по благости совѣта,
Меня возставилъ вновь изъ тьмы!
Хвала святому Провидѣнью!
Хвала Тебѣ, Господь, Богъ силъ,
Что мнѣ еще день къ наслажденью
По тихой нощи присудилъ!
Пошли Твое благословенье,
Подаждь мнѣ путь Твой совершить,
И Самъ мнѣ даруй наставленье
Тебѣ угодное творить!
Ты будъ и впредь мой Богъ-хранитель,
Надежда вся моя, Творецъ!
Будь мнѣ въ напасти покровитель
И къ слабостямъ моимъ отецъ!
Подай мѣ сердце непорочно,

Исполненно любви къ другимъ,
Чтобъ ревностью, всегда и точно
Къ дѣламъ стремилося благимъ!
Чтобъ я, какъ сынъ благословенный,
Къ добру питалъ и правдѣ страсть,
А не страстями ослѣпленный,
Порокамъ отдался во власть.
Чтобъ трудности не опасался
Я въ нуждѣ ближнимъ помагать,
Ихъ мирнымъ счастьемъ восхищался,
Умѣлъ сердецъ ихъ цѣну знать.
Чтобъ благо жизни скоротечной
Я съ благодарностью вкусилъ,
И съ духомъ радостнымъ въ путь вѣчный
По манью Твоему вступилъ!

Бестужевъ.

ЖИТІЕ
ПРОСВѢТИТЕЛЕЙ СЛАВЯНЪ
СВ. КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ.

(Изъ Чет. Мин. 14. Февраля и 11. Мая.)

Константинъ, названный при принятіи схимы Кирилломъ, жилъ въ IX. вѣкѣ. Онъ былъ младшій сынъ богатаго и знатнаго сановника гречаскаго города Солуня. Старшему брату Кирилла, Меѳодію, греческій императоръ поручилъ управленіе славянскими племенами, жившими въ окрестности этого города. Но черезъ нѣсколько лѣтъ Меѳодій удалился отъ міра, постригся въ иноки, и поселился на горѣ Олимпѣ. Между тѣмъ Константинъ воспитывался въ родительскомъ домѣ и съ раннихъ лѣтъ ока-

зывалъ особенныя способности къ наукамъ. Когда вступилъ на греческій престолъ малолѣтній императоръ Михаилъ съ своею матерью Ѳеодорою, то Константина приняли ко двору и воспитывали вмѣстѣ съ молодымъ царемъ. Впослѣдствіи императрица Ѳеодора назначила его книгохранителемъ при храмѣ Св. Софіи; но вскорѣ онъ постригся въ иноки въ одной обители.

Кириллу было около двадцати четырехъ лѣтъ, когда пришли въ Царьградъ послы отъ Калифа, или царя Сарацинскаго. Императоръ послалъ къ Сарицанамъ, для разсужденія о вѣрѣ, Кирилла. Мудрецы и жрецы Сарацинскіе, убѣдившись, что не могутъ побѣдить его краснорѣчіемъ и ученостью, возненавидѣли его и даже покушались на его жизнь . . . но Господь сохранилъ Кирилла отъ покушеній враговъ.

По возвращеніи въ Царьградъ, Кириллъ сталъ жить съ братомъ своимъ Меѳодіемъ на горѣ Олимпѣ. Но вскорѣ греческій императоръ призвалъ Кирилла и поручилъ ему идти къ Хозарамъ, которые жили въ юго-восточной части нынѣшней Россіи, потому что они прислали къ нему пословъ и просили у него наставниковъ въ вѣрѣ. — Кириллъ уговорилъ брата своего Меѳодія сопутствовать ему, и оба прибыли въ греческій городъ Корсунь, столицу Херсониса Таврическаго (нынѣ Крымъ). Тамъ жили они довольно долго и выучились языку Хозаровъ, и только тогда отправились въ ихъ землю. Каганъ, или князь Хозарскій, увѣровалъ самъ и позволилъ креститься своимъ подданнымъ. Много Хозаровъ приняло христіан-

скую вѣру — и Кириллъ и Меѳодій, сопровождаемые благословеніями и молитвами новообращенныхъ христіанъ, отправились въ Царьградъ. Имъ предложили санъ епископскій, но они не приняли его по своему смиренію. Меѳодій назначенъ былъ игуменомъ монастыря, а Кириллъ поселился при церкви св. Апостоловъ.

Болгарскій царь Борисъ, или Богорисъ, задумалъ принять христіанскую вѣру и прислалъ въ Царьградъ просить учителей. Отправленъ былъ въ Болгарію Меѳодій. Тамъ на стѣнѣ царской палаты изобразилъ онъ страшный судъ и объяснилъ царю блаженство праведниковъ и муку грѣшниковъ. Царь, уже приготовленный словами своей сестры, христіанки, принялъ христіанскую вѣру. Вскорѣ и другіе князя славянскаго племени прислали въ Царьградъ за учителями вѣры.

Въ Моравіи и Панноніи (нынѣшней Венгріи) латинскіе и нѣмецкіе епископы проповѣдывали христіанскую вѣру; но она не распространялась въ народѣ, потому что Богослуженіе совершалось на непонятномъ ему латинскомъ языкѣ. Ростиславъ и Святополкъ, князя Моравскіе, и Коцелъ, князь Блатенскій (въ Панноніи), прислали сказать греческому императору: „народъ нашъ желаетъ держаться христіанской вѣры, но у насъ нѣтъ учителей, которые могли-бы на нашемъ языкѣ объяснять намъ законъ Божій.“ Императоръ призвалъ Кирилла и Меѳодія и предложилъ имъ отправиться въ славянскія земли. Кириллъ, не желая довольствоваться одною изустною проповѣдью, спро-

силъ императора: „народы славянскіе имѣютъли буквы?“ — „Дѣдъ мой и отецъ искали ихъ, но не нашли,“ отвѣчалъ Императоръ. „Какъже я буду проповѣдывать имъ?“ сказалъ Кириллъ. „Это все равно, что писать на водѣ. Если-же стану сочинять буквы, боюсь, какъбы не назвали меня лжеучителемъ.“ — „Богъ вразумитъ тебя,“ отвѣчалъ императоръ, „и даруетъ тебѣ помощь Свою,“ Кириллъ рѣшился изобрѣсть буквы и составить славянскую азбуку, чтобы оставить народамъ написанное слово Божіе; потому что изустное слово скоро изглаживается изъ памяти. Онъ наложилъ на себя сорокодневный постъ, и, заключившись въ свою келью съ нѣкоторыми учениками, назначенными для сопутствованія ему, занялся составленіемъ славянской азбуки. Составивъ азбуку, которая извѣстна у насъ подъ именемъ Кириллицы, онъ тотчасъ приступилъ къ переводу Евангелія на славянскій языкъ. Онъ началъ съ Евангелія Іоанна Богослова. „Искони (въ началѣ) бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово.“ Это были первыя слова Священнаго писанія, писанныя на нашемъ церковно-славянскомъ языкѣ, на которомъ мы и донынѣ читаемъ слово Божіе.

Когда это велокое дѣло было окончено, въ 862 году, самъ патріархъ со всѣмъ духовнымъ соборомъ совершилъ божественную литургію и напутственный молебенъ, въ присутствіи царя и сунклита его, — и Кириллъ, посвященный въ епископы, отправился съ братомъ и учениками въ славянскія земли. Про-

повѣдь братьевъ шла успѣшно. Въ теченіи четырехъ лѣтъ съ половиною они обходили Моравію и Паннонію, призывая народъ къ познанію Бога истиннаго, и объясняя всѣмъ законъ Господень. Князь Коцелъ самъ началъ учиться славянской грамотѣ и поручилъ Кириллу обучать пятьдесятъ молодыхъ людей. Неутомимо трудился проповѣдникъ и переложилъ на славянскій языкъ псалтырь, часть Библіи и весь церковный чинъ. Съ тѣхъ поръ богослуженіе стало совершаться на языкѣ понятномъ для всѣхъ въ славянскихъ земляхъ; между тѣмъ въ земляхъ римскаго исповѣданія и до нынѣ оно совершаетси на языкѣ латинскомъ, непонятномъ народу.

Таково начало благовѣствованія ученія Христова на славянскомъ языкѣ и начало славянской грамотности. Вручая славянамъ слово Божіе на родномъ имъ языкѣ, Кириллъ говорилъ имъ въ предисловіи къ Святому Евангелію: „Услыште, Словени вси, слово, еже кормитъ душу человѣка, слово, еже крѣпитъ сердца и умы.“

Кириллъ и Меѳодій претерпѣли много бѣдствій и гоненій. Нѣмецкіе и латинскіе епископы, проповѣдывавшіе до нихъ въ славянскихъ земляхъ, боялись потерять свое вліяніе на народъ, завидовали ихъ успѣху и возставали противъ перевода священныхъ книгъ на славянскій языкъ. Они принесли жалобу римскому папѣ на учителей славянъ. Въ то время началось уже раздѣленіе между церквами греческою и латинскою. Кириллъ и Меѳодій отпра-

вились въ Римъ. Между тѣмъ папа Николай скончался; а преемникъ его папа Адріанъ II., желая возстановить въ церкви миръ и единодушіе, не внялъ клеветамъ, взводимымъ на славянскихъ учителей и принялъ ихъ съ должнымъ уваженіемъ и почтеніемъ. Онъ взялъ изъ рукъ Кирилла славян кій переводъ священнаго писанія и освятилъ эти книги, положивъ ихъ на св. престолъ въ алтарѣ во время Богослуженія. Стараясь засвидѣтельствовать передъ всѣми равное достоинство славянскаго и латинскаго языковъ для совершенія божественной службы, Адріанъ повелѣлъ отслужить отчасти на одномъ, отчасти на другомъ языкѣ обѣдни въ церквахъ святыхъ Апостоловъ: Петра, Павла и Андрея, посѣтившаго нѣкогда славянскія земли.

Вскорѣ Кириллъ, изнуренный трудами и путешествіями, заболѣлъ тяжко и, предчувствуя близкую кончину свою, пожелалъ принять схиму. Передъ смертію онъ завѣщалъ Меѳодію не оставлять просвѣщенія Славянъ. „Братъ,— говорилъ онъ ему, — „мы съ тобою были, какъ дружная пара воловъ, воздѣлывающихъ одну ниву; и вотъ я падаю на браздѣ, рано окончивъ день свой. Ты возлюбилъ уединеніе на горѣ Олимпѣ; но молю тебя, не оставляй начатаго дѣла: ибо симъ подвигомъ ты болѣе можешь спастись.“ Потомъ, поднявъ глаза къ небу, онъ сталъ молиться о просвѣщенныхъ имъ племенахъ славянскихъ, онъ просилъ Господа: „да сохранитъ Онъ вѣрное стадо свое; да избавитъ его отъ бѣдъ и заблужденій; да соединитъ всѣхъ единомыслiемъ и единодушiемъ

во святой вѣрѣ; да наставитъ ихъ на дѣла, Ему угодныя, и на правое пониманіе святаго ученія; да защититъ ихъ силою Всемогущей десницы Своей.“ Окончивъ молитву и благословивъ всѣхъ присутствовавшихъ, лаженный учитель отошелъ ко Господу: онъ скончался 42-хъ лѣтъ отъ роду. Это было 14-го Февраля 869 года. Тѣло святаго Кирилла было похоронено въ храмѣ святаго Климента, близь мощей этого святаго.

Свято исполняя завѣщаніе своего брата, Меѳодій посвятилъ просвѣщенію Славянъ всю свою жизнь. Получивъ отъ папы Адріана письмо къ славянскимъ князямъ, онъ прибылъ въ Панноніо, гдѣ князь Коцелъ ревностно заботился о распространеніи христіанства. Нѣмецкіе епископы снова стали завидовать успѣхамъ славянскаго епископа, и досадовать на распространеніе славянскаго языка. Они изыскивали всѣ средства вредить ему, и наконецъ восторжествовали: Императоръ нѣмецкій сослалъ его въ заточеніе въ Швабліо (въ Германіи). Но папа Іоаннъ III. преемникъ Адріана, потребовалъ у него освобожденія Меѳодія. Черезъ два года онъ возвращенъ былъ изъ заточенія, и съ новою ревностію принялся за свое дѣло: проповѣдывалъ, объяснялъ слово божіе и переводилъ священныя книги на славянскій языкъ. Вскорѣ Моравы также стали просить себѣ въ епископы Меѳодія — и онъ провозглашенъ былъ епископомъ Панноніи и Моравіи. Но эти успѣхи еще болѣе возбудили вражду противъ него нѣмецкихъ епископовъ: они оклеветали

его передъ папою въ уклоненіи отъ ученія римской церкви. Папа запретилъ Меѳодію совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ и потомъ потребовалъ его въ Римъ. — Меѳодій оправдался, — и тогда папа разрѣшилъ совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ... „Мы похваляемъ письмена славянскія, изобрѣтенныя Кирилломъ," писалъ пана „и повелѣваемъ, чтобъ на семъ языкѣ возвѣщались дѣла и хвала Господа нашего Іисуса Христа, ибо слѣдуетъ славить Господа на всѣхъ языкахъ, какъ сказано въ писаніи: хвалите Господа вси языцы и восхвалите Его вси людіе: потому что тотъ же Богъ, который создалъ языки, еврейскій, греческій и латинскій, создалъ и всѣ прочіе во славу свою и похвалу."

Съ радостію приняла Меѳодія его паства: но нѣмецкіе епископы, видя, что папа оправдалъ его, обратились къ греческому императору, Василію Македонянину, и обвинили его въ сближеніи съ римскимъ престоломъ. Императоръ вызвалъ Меѳодія въ Константинополь. Епископы латинскіе торжествовали; но императоръ и патріархъ приняли епископа съ подобающею честью, — и патріархъ оставилъ у себя нѣсколько книгъ, переведенныхъ Меѳодіемъ, чтобы пользоваться ими для обращенія Болгаръ въ христіанскую вѣру. Снова Меѳодій прибылъ въ Моравію — и съ этихъ поръ нѣмецкіе епископы оставили его въ покоѣ. — Къ этому времени относится необыкновенная его дѣятельность на пользу Славянъ, обращенныхъ въ христіанство. Христіанская вѣра далеко распро-

странилась въ теченіи шестьнадцати-лѣтняго епископства Меѳодія. Онъ скончался 11. Мая 885 г. По смерти Меѳодія, Святополкъ, князь Моравскій, и нѣмецкіе епископы стали преслѣдовать его учениковъ враждебно, которые принуждены были оставить Моравію. Изгнанники нашли убѣжище въ Болгаріи, также славянской землѣ. Тамъ они усердно старались о распространеніи христіанской вѣры и продолжали переводить священныя книги.

Труды св. Кирилла и Меѳодія имѣли благотворное вліяніе на всѣ славянскія земли; первымъ имъ и наша православная Русь обязана всѣмъ, какъ духовнымъ просвѣщеніемъ, такъ и гражданскимъ. Предки наши, славяне, сначала были язычники: не вѣровали въ истиннаго Бога, и покланялись идоламъ (истуканамъ). Они приняли христіанскую вѣру при великомъ князѣ св. Владимірѣ Равноапостольномъ въ 988 году по Рождествѣ Христовѣ. Тогда священное писаніе и богослужебныя книги, переведенныя Кирилломъ и Меѳодіемъ, перенесены были и въ нашу землю, и съ того времени на славянскомъ языкѣ совершается у насъ богослуженіе и читается слово божіе. Хотя племена славянскіе и раздѣлены судьбою; но всѣ признаютъ общій источникъ своего духовнаго просвѣщенія: всѣ они съ одинокимъ чувствомъ благоговѣнія и благодарности произносятъ имена своихъ великихъ первыхъ учителей, святыхъ Кирилла и Меѳодія.

ПРИНЯТІЕ РУСЬЮ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

(988 годъ).

Великій князь Владиміръ Святославовичъ.

(Изъ „Исторіи Государства Россійскаго.“

Древній лѣтописецъ нашъ повѣствуетъ, что нетолько Христіанскіе проповѣдники, но и Магометане, вмѣстѣ съ Іудеями, обитавшими въ землѣ Козарской, или въ Тавридѣ *), присылали въ Кіевъ мудрыхъ законниковъ склонять Владиміра къ принятію вѣры своей, и что великій князь охотно выслушалъ ихъ ученіе. Случай вѣроятный: народы сосѣдственные могли желать, чтобы государь, уже славный побѣдами въ Европѣ и въ Азіи, исповѣдывалъ одного Бога съ ними, и Владиміръ могъ также — увидѣвъ, наконецъ, подобно великой бабкѣ своей **), заблужденіе язычества — искать истины въ разныхъ вѣрахъ.

Первые послы были отъ Волжскихъ или Камскихъ Болгаровъ. ***) На восточныхъ и южныхъ берегахъ каспійскаго моря уже давно господствовала вѣра магометанская, утвержденная тамъ счастливымъ оружіемъ Аравитянъ: Болгары приняли оную и хотѣли сообщить Владиміру. Описаніе Магометова рая и цвѣтущихъ гурій ****) плѣнило воображеніе сластолюбиваго князя; но обрѣзаніе казалось ему ненавистнымъ обрядомъ и запрещеніе пить вино уставомъ безразсуднымъ. — Вино, сказалъ онъ, есть веселіе для русскихъ; не можемъ быть безъ него. — Выслушавъ Іудеевъ, онъ спросилъ, гдѣ ихъ отечество? „Въ Іе-

---

*) Нынѣшній Крымъ и, вообще, земля отъ Крыма до низовьевъ Волги.

**) Святой и великой княгини Ольги.

***) Болгары Дунайскіе, то-есть, жившіе по низовью рѣки Дуная — Славянское племя; но Болгаре Волжскіе, то-есть, жившіе по Волгѣ и Камѣ, были совсѣмъ другой народъ, говорившій особымъ языкомъ, и исповѣдавшій Магометанскую вѣру.

****) Гуріи — красивѣйшія дѣвицы, назначенныя лже-пророкомъ Магометомъ въ жены праведникамъ, въ раю.

русалимѣ," отвѣтствовали проповѣдники: „но Богъ во гнѣвѣ своемъ расточилъ насъ по землямъ чужимъ." И вы, наказываемые Богомъ, дерзаете учить другихъ! сказалъ Владиміръ: — мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отечества. — Наконецъ, безъименный философъ, присланный Греками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія вѣры, разсказалъ Владиміру все содержаніе Библіи, ветхаго и новаго завѣта: исторію творенія, рая, грѣха первыхъ людей, потопа, народа избраннаго, искупленія, христіанства, а въ-заключеніе показалъ ему картину страшнаго суда, съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную муку. Пораженный симъ зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: „благо добродѣтельнымъи горе злымъ!" — Крестися, отвѣтствовалъ философъ, — и будешь въ раю съ первыми.

. . . Владиміръ отпустивъ философа съ дарами и съ великою честію, собралъ бояръ и градскихъ старцевъ, объявилъ имъ предложенія Магометанъ, Іудеевъ, Грековъ, и требовалъ ихъ совѣта. „Государь!" сказали бояре и старцы: „всякій человѣкъ хвалитъ вѣру свою; ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умныхъ людей въ разныя земли, испытать — который народъ достойнѣе поклоняется Божеству." — И великій князь отправилъ десять благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ Болгаровъ храмы скудные, моленіе унылое, лица печальныя; въ земли нѣмецкихъ католиковъ — богослуженіе съ обрядами, но, по словамъ лѣтописи, безъ всякаго величія и красоты; наконецъ прибыли въ Константинополь. „Да созерцаютъ они славу Бога нашего!" сказалъ императоръ, и . . . приказалъ вести пословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ патріархъ, облеченный въ святительскія ризы, совершалъ литургію. Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго духовенства греческаго, богатыя одежды служебныя, убранство алтарей, красота живописи, благоуханіе ѳиміама, сладостное пѣніе клироса, безмол-

віе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили Россіянъ; имъ казалось, что самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется. Возвратившись въ Кіевъ, послы говорили князю съ-презрѣніемъ о богослуженіи Магометанъ, съ-неуваженіемъ — о католическомъ и съ-восторгомъ — о Византійскомъ *), заключивъ словами: „всякій чедовѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго; такъ и мы, узнавъ вѣру Грековъ, не хотимъ иной.“ Владиміръ желалъ еще услышать мнѣніе бояръ и старцевъ. „Когда бы законъ греческій — сказали они — не былъ лучше другихъ, то бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей, не вздумала бы принять его.“ Великій князь рѣшился быть христіаниномъ.

.... Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви и священники христіанскіе: но князь пышный хотѣлъ блеска и величія при семъ важномъ дѣйствіи; одни цари греческіе и патріархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу уставы новаго богослуженія.

.... Онъ вздумалъ, такъ сказать, завоевать вѣру христіанскую и принять ея святыню рукою побѣдителя.

Собравъ многочисленное войско, великій князь пошелъ на судахъ къ греческому Херсону, котораго развалины до нынѣ видны въ Тавридѣ, близь Севастополя.

Владиміръ, остановясь въ гавани, или заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско, и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле привязанные къ вольности, Херсонцы оборонялись мужественно. Великій князь грозилъ имъ стоять три года передъ ихъ стѣнами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложенія, въ надеждѣ, можетъ быть, имѣть скорую помощь отъ Грековъ; стараясь уничто-

*) То-есть, Греческомъ. — Константинополь, или Царьградъ — назывался также и Византіею.

жать всѣ работы осаждающихъ, и сдѣлавъ тайный подкопъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, ночью уносили въ городъ ту землю, которую Россіяне сыпали передъ стѣнами, чтобы окружить оныя валомъ, по древнему обыкновенію военнаго искусства. Къ счастію, нашелся въ городѣ доброжелатель Владиміру, именемъ Анастасъ. Сей человѣкъ пустилъ къ Россіянамъ стрѣлу, съ надписью: „за вами, къ востоку, находятся колодези, дающія воду Херсонцамъ черезъ подземныя трубы; вы можете отнять ее.“ Великій князь спѣшилъ воспользоваться совѣтомъ, и велѣлъ перекопать водоводы (коихъ слѣды еще замѣтны близь нынѣшнихъ развалинъ Херсонскихъ). Тогда граждане, изнуренные жаждою, сдались Россіянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который втеченіи многихъ вѣковъ умѣлъ отражать приступы народовъ варварскихъ. Россійскій князь еще болѣе возгордился своимъ величіемъ, и черезъ пословъ объявилъ императорамъ, Василію и Константину, что онъ желаетъ быть супругомъ сестры ихъ, юной царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьметъ Константинополь.

... Анна ужаснулась: супружество съ княземъ народа, по мнѣнію Грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей жестокимъ плѣномъ и ненавистнѣе смерти.

... Горестная царевна отправилась въ Херсонъ на кораблѣ, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: тамъ народъ встрѣтилъ ее, какъ свою избавительницу, со всѣми знаками усердія и радости. Въ лѣтописи сказано, что великій князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть, что Анна убѣдила его немедленно креститься, и что онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, когда святитель возложилъ на него руку. Бояре россійскіе, удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ государемъ приняли истинную вѣру (въ церкви святаго Василія, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, гдѣ жили великій князь и невѣста его). Херсонскій митрополитъ и византійскіе пресвитеры совершили сей обрядъ торжественный, за коимъ слѣдовало обру-

ченіе и самый бракъ царевны съ Владиміромъ, благословенный для Россіи во многихъ отношеніяхъ и весьма счастливый для Константинополя; ибо великій князь, какъ вѣрный союзникъ императоровъ, немедленно отправилъ къ нимъ часть мужественной дружины своей, которая помогла Василію разбить мятежника Фоку и возстановить тишину въ имперіи.

Владиміръ отказался отъ всего завоеванія, и соорудивъ въ Херсонѣ церковь на томъ возвышеніи, куда граждане сносили изъ-подъ стѣнъ землю, возвратилъ сей городъ парямъ греческимъ, въ изъявленіе благодарности за руку сестры ихъ. Вмѣсто плѣниковъ, онъ вывель изъ Херсона однихъ іереевъ и того Анастаса, который помогъ ему овладѣть городомъ; вмѣсто дани — взялъ церковные сосуды, мощи святаго Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырехъ коней мѣдныхъ — въ знакъ любви своей къ художествамъ (сіи, можетъ быть, изящныя произведенія древняго искусства стояли въ Несторово время на площади стараго Кіева, близь нынѣшней Андреевской и Десятинной церкви.) Наставленный херсонскимъ метрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ послужило пріуготовленіемъ къ сему торжеству; одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось Перуновымъ.) Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣдней данію суевѣрія; ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди русскіе — вельможи и рабы, бѣдные и богатые, шли креститься, — и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился

толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и, по данному знаку, безчисленное множество людей вступило въ рѣку; большіе стояли въ водѣ по грудь и шею, отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ, іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился: когда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ кіевскихъ христіанами, тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца, устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: „Творецъ земли и неба! благослови сихъ добрыхъ чадъ твоихъ; дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойное святое имя Твое!“ Въ сей великій день, говоритъ лѣтописецъ, земля и небо ликовали.

Скоро знаменія вѣры христіанской, принятой государемъ, дѣтьми его, вельможами и народомъ, явились на развалинахъ мрачнаго язычества въ Россіи, и жертвенники Бога истиннаго заступили мѣсто идольскихъ требищъ. Великій князь соорудилъ въ Кіевѣ деревянную церковь святаго Василія на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, и призвалъ изъ Константинополя искусныхъ зодчихъ для строенія храма каменнаго во имя Богоматери — тамъ, гдѣ въ 983 году пострадали за вѣру благочестивый Варягъ и сынъ его. Между тѣмъ ревностные служители алтарей, священники, проповѣдывали Христа въ разныхъ частяхъ государства.

Николай Карамзинъ.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ.

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ,
И Геллеспонтская пучина,
И берегъ съ грудой горъ и скалъ

Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гиподромъ,
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И все поморіе кругомъ.
По всей пространной Византіи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.
Вотще. Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ:
И гулъ и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла.
И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: Святъ, Святъ, Святъ!
И пѣсню ту принесъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объятъ;
И церковъ тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла,
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.
Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Носись душей превыше праха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ

Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

Н. Языковъ.

СВЯТАЯ ГОРА АѲОНСКАЯ.

Восхожденіе на вершину ея.

Изъ „Писемъ Святогорца.“

Вотъ скоро ужь восемь мѣсяцевъ какъ я на Аѳонѣ, да еще не видать конца моихъ восхитительныхъ прогулокъ по его заоблачнымъ высотамъ и увлекательнымъ низменностямъ, среди цвѣтущихъ рощей и умильныхъ пустынь. Рѣшившись всмотрѣться пристальнѣе въ образъ здѣшняго подвижничества, и проникнуть въ сокровенные тайники пустынь, я думаю, если Богъ дастъ жизни и здоровья, не ранѣе отправиться въ Іерусалимъ, какъ въ августѣ или въ сентябрѣ; а теперь пока любуюсь, глядя на Святую Гору и на ея строгія обители.

Во всю мою бытность здѣсь, поразительная вершина самой главной горы, была предметомъ моихъ наблюденій и постояннаго любопытства, — мнѣ крайне хотѣлось побывать на ней; но по началу осень, а потомъ зима не давали возможности взобраться туда, по причинѣ снѣговъ и чрезвычайныхъ вихрей, бурно играющихъ въ недоступныхъ высотахъ. Наконецъ наступилъ май. Солнышко разсыпалось своими жгучими лучами; дыханіе южныхъ вѣтровъ охватило заоблачную высь Аѳона, и снѣгу — какъ не бывало!

18 Мая выступили мы изъ Русика, и, направляясь по южному склону Аѳона, прежде всего прибыли въ сосѣдственный Русику монастырь Ксиропотамъ, посвященный памяти 40 мучениковъ, и замѣчательный тѣмъ, что онъ владѣетъ безцѣннымъ сокровищемъ — значительною частью животворящаго креста Господня.

18 и 19-го дни были жаркіе и ясные, такъ что слегка-игравшій полуденный вѣтеръ не въ силахъ былъ животворить насъ своимъ тихимъ дыханіемъ. Еле-еле тащились мы другъ за другомъ по изумительнымъ высотамъ, чрезъ которыя, по большой части, вели дороги самыя узкія и каменистыя, отъ чего такъ разбились мы въ первый день, что едва могли добраться къ вечеру до Григоріата. Гостепріимство и истинно-братскій привѣтъ здѣшнихъ старцевъ вознаградилъ насъ вдвойнѣ за тяжелые труды горнаго странствія. На пути мы были въ Симопетрѣ, монастырѣ, основанномъ на отвѣсной скалѣ. Опустившись съ прибрежныхъ Симопетрскихъ высотъ въ глубокую лощину, уже при послѣднихъ лучахъ догорающаго солнца, мы у небольшаго ключа расположились съ самоваромъ, который не забыли взять на-случай и несли поочередно. 19 миновали мы монастыри Діонисіатскій и Святопавловскій. Послѣдній стоитъ при самой подошвѣ Аѳона, на одной изъ отшатнувшихся отъ него скалъ. Въ Діонисіатѣ насъ приняли съ любовью и привѣтливостію.

Въ Святопавловскій монастырь мы пришли очень рано утромъ, и приложившись къ святымъ мощамъ, по обозрѣніи мѣстности и осо-

бенно-замѣчательныхъ частей монастыря, удалились въ такъ называемый Новый Скитъ, въ намѣреніи отдохнутъ тамъ у архіепископа Ѳеодосія. Къ монастырю Святаго Павла поразительный Аѳонъ имѣетъ главную отвѣсную сторону: къ нему съ этой же западной части прижатъ Диѳонъ, по Русскому выраженію, Аѳоненокъ, или внукъ Аѳона, значительно уступающій своему сѣдому дѣду въ вышинѣ. Этотъ монастырь имѣетъ важный источникъ продовольствія отъ мрамора, который сбрасывается съ-верху тяжелыми иногда ударами каждогоднаго землетрясенія.

Преосвященнаго Ѳеодосія мы застали дома. Келейный его доложилъ о нашемъ прибытіи, и владыка пригласилъ насъ къ себѣ. Отворяется предъ нами дверь, мы вступаемъ, — и какой умилительный видъ нищеты и смиренія поразилъ насъ! Я едва могъ вѣрить, что мы у архіепископа. Представьте себѣ скромную келейку, сажени три въ длину и столько жь въ ширину, съ двумя маленькими окошечками, передающими взорамъ живописные виды прибрежья и безграничной Архипелагской дали.

По обычаю Востока, владыка принялъ насъ, сидя на постелькѣ и сложивши ноги подъ себя. Съ благоговѣніемъ подступали мы принять его благословеніе и поцѣловать святительскую руку. Онъ пригласилъ насъ сѣсть и мы размѣстились по сундукамъ, а оставшійся безъ мѣста расположился при ногахъ преосвященнаго. Послѣ обычныхъ привѣтствій, владыка хлопнулъ въ ладоши, и явившійся діаконъ началъ угощать

насъ плодама и ракою. Съ нами былъ чай и самоваръ: мы просили у владыки позволенія угостить его по-русски чаемъ, и онъ съ улыбкою изъявилъ на то свое согласіе.

Преосвященный жаловался и скорбѣлъ, что не имѣетъ собственно-архіерейской своей панагій; наконецъ, умилительно сталъ просить: „не можетъ ли кто нибудь изъ насъ достать ему изъ Россіи, хотъ бѣдную, но такую панагію, которую онъ могъ бы возлагать на себя при священнослуженіи. Жаль было видѣть владыку въ его просительномъ положеніи! Съ непритворною радостію и видимыми знаками искренней признательности, онъ поблагодарилъ одного Русскаго, который пообѣщался выслать ему изъ Кіева панагію хотъ „рублей въ пять“. Боже мой! — подумалъ я, — до чего доводитъ несчастіе, бѣдность и собственное смиреніе! О деньгахъ нечего говорить: этотъ преосвященный ихъ вовсе не имѣетъ.

Преосвященный Ѳеодосій архіепископствовалъ на островѣ Самосѣ. Тамъ онъ истощилъ все, что имѣлъ, на устройство богоугодныхъ заведеній и училища для дѣтей Греческихъ; но въ-послѣдствіи, происками завистливыхъ и неблагонамѣренныхъ людей, искавшихъ его каѳедры, онъ былъ лишенъ епархіи и, давши мѣсто враждебной сторонѣ, удалился на Святую Гору, гдѣ, въ тихомъ уединеніи и безвѣстности, кончаетъ страдальческій вѣкъ свой.

При разставаніи мы, по обыкновенію, дали на поминовеніе родныхъ, каждый по усердію, и преосвященный съ признательностію принималъ

предлагаемое, внося имена наши въ свой келейный синодикъ. Онъ такъ былъ привѣтливъ, что проводилъ насъ чрезъ весь дворъ и за ворота, гдѣ, оставшись, долго глядѣлъ намъ вслѣдъ, какъ-будто жалѣя и сѣтуя по разлукѣ съ нами.

Скитъ Святыя Анны расположенъ на значительной горной высотѣ, и по чрезвычайно-труднымъ путямъ, при необыкновенномъ жарѣ въ лѣтнее время. Насъ приняли здѣсь съ особеннымъ радушіемъ. Мы поторопились на ночь къ келіи святаго Димитрія, расположенной на уступной скалѣ Аѳона и вблизи начинающагося подъема на самый верхъ его.

Было уже очень темно, когда мы подступили къ кельѣ Святаго Димитрія. Братія этой сокровенной пустыни обласкали насъ, развели каминъ, и разговоръ сдѣлался общимъ. Изъ числа трехъ подвижниковъ, здѣсь отшельничествующихъ, насъ поразилъ своими старческими бесѣдами, отличавшимися строгою истиною и живыми убѣжденіями, престарѣлый авва Іовъ, пятьдесятъ уже лѣтъ проведшій на Святой Горѣ въ изумительныхъ опытахъ самоотверженія.

20 Мая, день нашего восхода на самую вершину Аѳона, былъ прекрасенъ. Часа три поднимались мы въ-верхъ подъ тѣнью вѣковыхъ сосенъ и другихъ деревъ сѣверной природы; тропа была чрезвычайно трудна, и, отъ наносимыхъ на нее древесныхъ листьевъ, безпрестанно скользила по ней усталая нога, такъ что въ крайнемъ изнеможеніи мы добрались наконецъ до небольшой церкви во имя Божіей

Матери. До самой вершины Аѳона ходу остается отсюда на три четверти часа; лѣсъ слѣва начинаетъ уже постепенно рѣдѣть, а справа ни кустика: камень и только! При самомъ морѣ, въ разстояніи верстъ, можетъ быть, около двѣнадцати, видны разсыпанныя по скаламъ кельи Кавсокаливскаго Скита; а гораздо лѣвѣе отъ него, на пустынныхъ равнинахъ, подъ тѣнью деревъ, живописно рисуется келья и самая пещера преподобнаго Нила.

Долго отдыхали мы у Богородичной церкви, долго любовались на восхитительную даль, и не ранѣе, какъ въ десять часовъ, начали подниматься на самую вершину Аѳона. Поразительная высота его еще такъ была далеко отъ насъ, что храмъ, красущійся на ней, казался намъ чрезвычайно малымъ; а скатъ на всѣ стороны, какъ-будто усыпаннымъ бѣлою галькою, тогда какъ цѣлые осколки мрамора лежали на немъ. Чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ труднѣе и незамѣтнѣе становилась каменистая тропа, въ безконечныхъ кривизнахъ отмѣченная по мѣстамъ только накладными грудами мрамора. Жгучее солнышко до такой степени разогрѣвало насъ, что мы рады были скинуть съ себя и послѣднюю рубашку; усталость и жажда обезсиливали насъ. Около полу-дня, послѣ тяжелыхъ усилій и крайняго изнеможенія, наконецъ ступили мы на самое темя Аѳона.

Видъ, какой открывается съ вершины Аѳона, безподобенъ. Говорятъ, что, при склонѣ солнца къ западу, отсюда можно замѣтить самый Константинополь, даль котораго, въ наше

время, терялась въ полуденномъ сумракѣ, и, съ своими сосѣдственными высотами сливаясь въ одну длинную цѣпь, тянулась въ плѣнительномъ разнообразіи по свѣтлому небосклону. Острова, горы и берега, съ неподвижными равнинами Архипелагскихъ водъ, ложились подъ взоръ нашъ во всемъ своемъ очарованіи. Величественная гора Олимпъ, на которомъ сіялъ своею подвижническою жизнію святый Іоаникій Великій, красовалась надъ Салоникскимъ Заливомъ поразительнымъ челомъ своимъ, покрытымъ еще зимними снѣгами. Всѣ высоты полуострова, или все равно — Святыя Горы, такъ поразительныя, если смотрѣть на нихъ отъ взморья, теперь казались намъ не болѣе, какъ плоскими пригорками, ничтожною возвышенностію. Разбросанные по прибрежью монастыри представлялись отсюда легкими только очертаніями бѣлизны; а отшельничьи кельи съ ихъ кипарисами — едва замѣтными темными точками. Бѣжавшій у Кавсокаливскаго прибрежья каикъ для простаго нашего глаза былъ не болѣе, какъ чуть видное, движущееся черное пятно, тогда какъ въ зрительную трубу мы замѣтили его, въ ничтожномъ объемѣ, съ двумя гребцами на немъ. Нѣсколько кораблей, съ распущенными вѣтрилами, носилось въ виду нашемъ на зыбкомъ пространствѣ Архипелагскихъ водъ.

Вершина Аѳона въ значительномъ объемѣ по скату, сложена изъ чистаго мрамора; темя ея чрезвычайно сжато и въ длинникѣ, и въ поперечникѣ, такъ что небольшая церковь заняла

почти все его пространство. Церковь воздвигнута въ честь Преображенія Господня, но когда, — этого не могъ я узнать. Длина ея, и съ притворомъ, не болѣе трехъ сажень. При ней, съ запада, устроенъ небольшой водоемъ, который отъ снѣговъ и дождей, въ наше время, былъ съ значительнымъ запасомъ холодной воды.

Мы вошли въ церковь, въ которой было чрезвычайно сыро и холодно. Стѣны церкви исчерчены углемъ, съ означеніемъ именъ приходившихъ сюда поклонниковъ, точно также, какъ и въ церкви Богородичной, подъ горою. По обычномъ поклоненія святому престолу, я озаботился высушеніемъ его покрывалъ, покровцевъ и святаго антиминса. Всѣ эти принадлежности священнослуженія я вынесъ на открытый воздухъ, — и представьте мое удивленіе, при взглядѣ на святый антиминсъ: Онъ Русскій! какими судьбами, — воскликнулъ я, — эта драгоцѣнность перенеслась съ низменностей Православнаго Сѣвера на заоблачную высь священнаго Аѳона. Съ благоговѣніемъ раскинулъ я подъ солнышкомъ, ярко и свѣтло игравшимъ, эту напрестольную святыню, и прочелъ на верху ея слѣдующую надпись: „Антимисъ, сіесть, трапеза священная на приношеніе безкровныя жертвы въ Божественной литургіи, освятися благодатію Пресвятаго и Животворящаго Духа; сего ради имѣетъ власть священнодѣйствовати во храмѣ, верху Аѳона, Преображенія Господня.“

Потиръ, дискосъ и звѣздица изъ олова; утварь ветха и очень проста; да лучшей и не нужно тамъ, гдѣ служба бываетъ только въ хра-

мовой праздникъ, 6-го Августа, когда стекаются сюда со всей горы усердные иноки, и, совершая всенощное бдѣніе и литургію, спускаются внизъ къ Богородичной церкви обѣдать, потому что на самую вершину трудно заносить съѣстные припасы, да негдѣ и готовить. Служатъ здѣсь, впрочемъ, и въ простое время приходящіе поклонники, но очень рѣдко. Исправивши все въ церкви, мы прочли въ ней акаѳистъ сладчайшему Іисусу: съ чувствомъ излили признательныя сердца наши предъ Царицею Небесною и помолились о спасеніи и мирѣ всего міра.

НАЧАЛО КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ.

(Въ 1062 году.)

Изъ „Исторіи Государства Россійскаго.“

При Изяславѣ *) былъ основанъ славный монастырь Кіевскій, и самъ Несторъ разсказываетъ достопамятныя обстоятельства сего учрежденія. Нѣкто, житель города Любеча, одушевленный Христіанскимъ усердіемъ, захотѣлъ видѣть Святую Гору, возлюбилъ житіе монаховъ Аѳонскихъ, и, постриженный въ ихъ обители, былъ названъ Антоніемъ. Игуменъ, наставивъ его въ правилахъ монастырскихъ, далъ ему благословеніе, и велѣлъ идти въ Россію, предвидя, что онъ будетъ въ нашемъ отечествѣ свѣтиломъ черноризцевъ. Антоній возвратился еще при князѣ Ярославѣ, обходилъ тогдашніе монастыри Россійскіе, и, близъ Кіева, на высокомъ берегу Днѣпровскомъ, увидѣлъ пещеру: Иларіонъ, будучи еще простымъ іереемъ Берестовскимъ, ископалъ оную собственными руками, и

*) Изяславъ Ярославичъ, великій князь Кіевскій, внукъ святого равноапостольнаго и Великаго князя Владиміра.

часто, окруженный безмолвіемъ дремучаго лѣса, молился въ ней Богу. Она стояла уже пустая: Иларіонъ, въ санѣ митрополита, пасъ церковь и жилъ въ столицѣ. Антоній плѣнился красотою сего дикаго уединенія, остался въ пещерѣ Иларіоновой и посвятилъ дни свои молитвѣ. Слухъ о пустынникѣ рѧзнесся въ окрестностяхъ: многіе люди желали видѣть святаго мужа; самъ великій князь Изяславъ приходилъ къ нему, съ своею дружиною, требовать благословенія. Двѣнадцать монаховъ, отчасти Антоніемъ постриженыхъ, выкопали тамъ подземную церковь съ кельями. Число ихъ безпрестанно умножалось: великій князь отдалъ имъ всю гору надъ пещерами, гдѣ они заложили большую церковь съ оградою. Смиренный Антоній не хотѣлъ начальсва, поручивъ новую обитель игумену Варлааму, уединился въ пещеру, однакожь не избавился отъ гоненія. Считая Антонія другомъ Всеславовымъ, *) великій князь приказалъ воинамъ ночью схватить его и вывезти изъ области Кіевской. Но добродѣтельный мужъ скоро возвратился съ честію въ любимую свою пещеру, и жилъ въ ней до самой кончины, имѣвъ удовольствіе видѣть Лавру Кіевскую въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Щедрость и набожность Ярославичей обогатилъ сей монастырь доходами и помѣстьями. Святославъ далъ 100 гривенъ, или 50 фунтовъ золота, на строеніе каменнаго великолѣпнаго храма Печерскаго, призвалъ художниковъ изъ Константинополя, и своими руками началъ копать ровъ для основанія церкви. Знаменитый Варягъ Симонъ, вельможа Всеволодовъ, подарилъ Антонію на украшеніе алтаря златую цѣпь въ 50 гривенъ и вѣнецъ драгоцѣнный, наслѣдствіе отца его, князя Варяжскаго. Святой Ѳеодосій, преемникъ Варлаамовъ, заимствовалъ отъ Цареградскаго Студійскаго Монасты-

*) Всеславъ Брячиславичъ, родственникъ великаго князя, князь Полотскій, считая себя прямымъ наслѣдникомъ престола велико-княжескаго, былъ врагомъ великаго князя Кіевскаго Изяслава, и даже нѣкоторое время сидѣлъ на его княженіи въ Кіевѣ, когда Изяславъ бѣжалъ изъ него.

ря уставъ черноризцевъ, который сдѣлался общимъ для всѣхъ монастырей Россійскихъ. Сей благочестивый игуменъ завелъ въ Кіевѣ первый домъ странноприимства, и питалъ несчастныхъ въ темницахъ. Добродѣтель Ѳеодосіева была столь уважаема, что великій князь нерѣдко приходилъ бесѣдовать съ нимъ на единѣ, оставался у него обѣдать, ѣлъ хлѣбъ, сочиво, и съ улыбкою говаривалъ, что роскошная транеза княжеская ему не такъ пріятна, какъ монастырская. Любя Изяслава, Ѳеодосій великодушно обличалъ виновнаго брата, гонителя его, въ беззаконіи. Святославъ терпѣлъ сіи укоризны, оправдывался, и когда святой мужъ входилъ въ шумный дворецъ его, гдѣ часто гремѣла музыка — органы и гусли, тогда все умолкало. Лежа на смертномъ одрѣ, Ѳеодосій благословилъ Святослава и сына его, Глѣба. — Монахи Печерскіе, возбуждаемые наставленіемъ и примѣромъ своихъ достойныхъ начальниковъ, служили ревностно Богу и человѣчеству: нѣкоторые изъ нихъ пріяли вѣнцы мучениковъ, обращая идолопоклонниковъ. Леонтій — въ Ростовѣ, Святый Кукша — въ земли Вятичей (въ Орловской или Калужской Губерніи). Самые вельможи, отказываясь отъ свѣта, искали душевнаго мира въ Печерской обители.

Николай Карамзинъ.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

Погаснулъ день: склонился міръ въ покою;
Открыли небеса
Въ безчисленныхъ свѣтилахъ надо мною
Господни чудеса.

Съ обзора солнце свелъ и въ твердь ночную
Возводитъ Богъ луну.
И шумъ прервать и суету земную
Повелѣваетъ сну.

Онъ предписалъ успокоенью время
И срокъ дневнымъ трудамъ:

Сложу жь и я съ раменъ усталыхъ бремя
И членамъ отдыхъ дамъ.

Но на отрадномъ не проструся ложѣ,
Доколѣ предъ Тобой
Не взыйдетъ гласъ моихъ хваленій, Боже,
Господь и пѣстунъ мой!

Съ одра возставъ, воззвалъ я — и моленью
Ты внялъ, Владыко силъ!
И подъ Твоею благодатной сѣнью
Я день сей совершилъ.

Отецъ Твои щедроты кто исчислитъ?
Кто взвѣсить ихъ возмогъ?
Тебѣ воздать никто да не помыслитъ,
Благій безъ мѣры Богъ?

Душѣ и тѣлу Ты готовишь яству,
Ты съ нами каждый часъ;
Какъ вѣрный пастырь охраняетъ паству
Такъ охраняешь насъ.

Ты дѣлу нашихъ рукъ успѣхъ даруешь,
Ты, преклонясь къ слезамъ,
И нашъ недугъ и нашу скорбь врачуешь,
И шлешь отраду намъ.

Внемли жь моимъ вздыханіямъ сердечнымъ,
Мольбамъ моей души:
Всѣхъ большее къ даяньямъ безконечнымъ
Творецъ мой приложи!

Омой купелію христовой крови
Меня отъ всѣхъ грѣховъ,
И на пути къ Тебѣ, отецъ любови,
Будь вождь мой и покровъ!

А всѣ свои заботы и печали
Возвергну на Тебя:
Мнѣ въ благо ихъ Твои же руки дали;
Что жь мнѣ крушить себя?

Потокъ отрадный вѣры и надежды
Ты въ перси мнѣ пролей —

И я безъ трепета закрою вѣжды
До утреннихъ лучей.

Не только для меня — ты будь защитой
Всѣхъ драгоцѣнныхъ мнѣ:
Пусть Твой народъ, рукой Твоей прикрытый,
Почіетъ въ тишинѣ!

Когда же блеску солнца ранній пѣтель
Провозгласитъ привѣтъ,
Да вспрянетъ духъ мой, радостенъ и свѣтелъ,
И бодръ, и въ мощь одѣтъ!

Ты будешь первой мыслію моею
И я, отвергнувъ страхъ,
Воздвигнусь — и съ Тобой, мой Богъ, успѣю
Во всѣхъ своихъ трудахъ.

Кюхельбекеръ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ

по вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа.

Пречистая Дѣва, посѣтивъ вышеозначенныя страны *), опять поселилась въ Іерусалимѣ и пребывала въ домѣ Іоанна Богослова на Сіонѣ. Всесильная десница Божія осѣняла и хранила ее отъ завистливой и богоубійственной синагоги жидовской, которая все не преставала враждовать противъ Сына Божія и вѣрующихъ въ Него. Озлобленные Іудеи никакъ не потерпѣли бы, чтобы Матерь Іисуса оставалась въ живыхъ, и скоро сгубили-бы Ее, если-бъ не сохраняло Пречистую особенное смотрѣніе Самого Бога, чтобъ рука невѣрныхъ не коснулась

*) Кипръ, Эфесъ, Антіохію, Аѳонскую гору.

сего одушевленнаго Кивота Божія. Такъ было и съ сыномъ Ея Христомъ, Господомъ нашимъ, въ Назаретѣ, Его отечествѣ, когда всѣ бывшіе въ синагогѣ, Іудеи разъярились и вовели было Его на вершину горы, чтобы оттуда свергнуть, но Онъ, пройдя посреди ихъ, удалился; и ненавистники не могли тогда возложить на него мучительскихъ рукъ своихъ, ни даже прикоснуться къ Нему, потому что сила Божія невидимо Его охраняла и ихъ удерживала, ибо часъ Его еще не пришелъ. Подобнымъ образомъ защищалъ Господь и Пречистую Матерь Свою, удерживая злыя козни Іудеевъ противъ Нея, и разоряя много разъ нечестивые ихъ совѣты на погубленіе Пресвятой Дѣвы. И такъ она жила въ Іерусалимѣ, какъ овца посреди волковъ, какъ лилія средь терновъ, и тѣмъ оправдывала глаголы праотца Давида, часто Ею повторяемые: „Господь просвѣщеніе мой и Спаситель мой, кого убоюся? Господь зашититель живота моего, отъ кого устрашуся? аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое; аще возстанетъ на мя брань, на Него азъ уповаю. Аще пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты, Сыне и Боже мой, со мною еси.“

По прошествіи тринадцати лѣтъ послѣ вознесенія Христова, приходилъ посѣтить Пречистую Дѣву и поклониться Ей Св. Діонисій Ареопагитъ, обращенный Св. Павломъ въ Аѳинахъ. Сильно желалъ онъ увидѣть Матерь Божію и, послѣ трехлѣтняго неразлучнаго пребыванія со своимъ учителемъ, Св. Апостоломъ Павломъ,

съ его благословенія, нарочно отправился въ Іерусалимъ, гдѣ, увидѣвъ давно желаемую, исполнился духовнаго утѣшенія, и вотъ что писалъ къ Апостолу Павлу:

„Признаюсь и исповѣдую предъ Богомъ, о славный учитель и путеводитель нашъ, что мнѣ невѣроятнымъ казалось, чтобы могло быть еще существо, такъ обильно исполненное Божественной силы и дивной благодати, кромѣ самого вышняго Бога. Никакой человѣкъ умомъ своимъ того постигнуть не можетъ, что я видѣлъ не только душевными, но и тѣлесными очами. Да! я видѣлъ собственными очами, Богообразную, и выше всѣхъ Духовъ небесныхъ святѣйшую, Матерь Христа Іисуса, Господа нашего. Я удостоился этого, по особенной благодати Божіей, по благословенію высшаго изъ Апостоловъ и по неисповѣдимой благости и милосердію самой Пресвятой Дѣвы. Еще и еще исповѣдую предъ всемогуществомъ Божіимъ, предъ благодатію Спасителя и предъ преславнымъ совершенствомъ Дѣвы Матери Его то, что когда Іоаннъ, верховный Апостолъ и и высшій Пророковъ, сіяющій въ темной жизни своей, какъ солнце на небеси, ввелъ меня предъ лице Богообразной и Пресвятой Дѣвы, то меня озарилъ не только извнѣ, но и извнутри столь великій и безмѣрный свѣтъ божественный, и кругомъ разлились столь дивные ароматы и благоуханія, что ни тѣло мое немощное, ни даже духъ мой не могли вынести столь чудныхъ знаменій и начатковъ вѣчнаго блаженства. Изнемогло сердце мое, изнемогъ духъ мой во

мнѣ отъ Ея славы и Божественной благодати. Свидѣтельствуюсь самимъ Богомъ, рожденнымъ отъ Ея дѣвической утробы, что если-бъ не были твои Божественныя наставленія и законы еще такъ свѣжи въ моей памяти и новопросвѣщенномъ умѣ, то я почелъ-бы Ее истиннымъ Богомъ и почтилъ-бы Ее поклоненіемъ, какое должно воздавать одному истинному Богу. Человѣкъ не можетъ постигнуть блаженства, чести и славы выше того блаженства, котораго я удостоился, увидя Пресвятую. Я былъ тогда совершенно счастливъ! Благодарю Всевышняго, милосердаго Бога, Тожественную Дѣву и преславнаго Апостола Іоанна и тебя, верховнаго предстоятеля и начальника церкви, за то, что ты явилъ мнѣ высочайшее изъ благодѣяній.“ Такъ пишетъ въ своемъ посланіи Св. Діонисій. Изъ сего посланія можно видѣть и понять, какую Божественную благодать имѣла въ лицѣ Своемъ Пресвятая Владычица, живши на землѣ; какъ просвѣщала Она души и какою духовною радостью услаждала сердце тѣхъ, которые удостоивались увидѣть Ее еще во плоти. Множество новопросвѣщенныхъ обоего пола стекались къ Ней отовсюду. Какъ истинная Мать, Она всѣхъ равно принимала, радовала и надѣляла Своею благодатію. Больныхъ исцѣляла, немощнымъ возвращала здравіе, печальнымъ подавала утѣшеніе, грѣшниковъ исправляла и всѣхъ утверждала въ вѣрѣ, укрѣпляла въ надеждѣ и проливала въ сердце сладость любви Божественной.

Св. Амвросій изобразилъ свойства Пресвя-

тыя Дѣвы во время земной Ея жизни слѣдующими чертами: „Она была дѣвою не только по плоти, но и по духу. Сердце Ея было полно смиренія, въ словахъ была Она Богомудренна, въ разговорахъ не скора: всегда занята чтеніемъ; въ трудахъ бодра; въ бесѣдѣ цѣломудренна, какъ-бы всегда бесѣдовала съ Богомъ, а не съ людьми. Она никого не обижала, напротивъ желала всѣмъ добра; никого не презирала, даже и самаго убогаго человѣка; ни надъ кѣмъ не смѣялась; во всемъ видѣла только добро. Изъ устъ Ея излетали только слова благодати, а въ дѣлахъ видѣлись скромность и дѣвственность. Ея наружный образъ показывалъ внутреннее совершенство, выражая незлобіе и милосердіе.“ — У Епифанія и Никифора также есть описаніе Ея красоты душевной и тѣлесной. Вотъ какъ они Ее описываютъ: „Въ каждомъ дѣлѣ Она была исполнена кроткой важности и постоянна. Говорила очень мало, только о нужномъ, и слова Ея были сладостны; охотно выслушивала другихъ и отдавала всякому должное почтеніе. Въ своихъ бесѣдахъ Она сохраняла всегда благоприличіе, никогда не смѣялась и не приходила въ возмущеніе. Обхожденіе Ея было кроткое и безъ гнѣва. Ростъ Ея былъ средній, цвѣтъ лица, какъ цвѣтъ зерна пшеничнаго; волосы свѣтлорусые, очи ясныя, взоръ острый, зѣницы подобны плоду масличному, брови немного наклоненныя и темныя, носъ не короткій; уста подобныя цвѣту розы и сладкословесныя; лице продолговатое, также и пальцы продолговатые. Въ ней не было никакой

гордости, а простота безъ малѣйшаго притворства; не было никакой изнѣженности, а во всемъ совершенное смиреніе. Ея одежды были простыя и невыкрашенныя, чему доказательствомъ служитъ Ея покрывало, которое и до нынѣ сохраняется. Однимъ словомъ, во всѣхъ дѣлахъ Ея божественно сіяла преизобильная благодать.“ — Такъ Епифаній и Никифоръ описали Ея тѣлесный образъ и духовныя свойства, коими Она облечена была на землѣ.

Живя въ домѣ Іоанна Богослова, Пречистая Дѣва часто посѣщала мѣста, освященныя стопами и кровію Ея любезнѣйшаго Сына. Часто ходила и въ Виѳлеемъ, гдѣ Онъ неизреченно родился отъ Нея, сохранивъ Ея дѣвство невредимо. А всего болѣе любила уединятся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ претерпѣлъ вольную страсть, и обливала ихъ слезами материнской любви, говоря: „Здѣсь любезнѣйшій Сынъ мой былъ мучимъ; здѣсь вѣнчали Его вѣнцемъ терновымъ; здѣсь изнемогъ Онъ подъ крестомъ, а здѣсь былъ распятъ.“ Но при гробѣ Его сердце Ея исполнялось несказаннымъ веселіемъ, и Она со слезами радостными говорила: „Здѣсь Его погребли, и въ третій день Онъ воскресъ!“ Пишутъ также, что нѣкоторые изъ ненавистниковъ іудейскихъ донесли архіереямъ и книжникамъ, что Марія, Матерь Іисуса, ходитъ каждый день на Голгоѳу, и предъ гробомъ, въ которомъ положенъ былъ Іисусъ, преклоняетъ колѣна, плачетъ и воскуряетъ благовонный ѳиміамъ. Архіереи и книжники тотчасъ приставили стражу, чтобъ никто изъ христіанъ не

смѣлъ подходити къ Святому гробу. Изъ этого можно видѣть, что еще въ то время началось у христіанъ благочестивое обыкновеніе посѣщать святыя мѣста и покланяться на нихъ Христу, пострадавшему за насъ вольною страстію. Путь и примѣръ этого обычая показала намъ, первая, Богородица, которой послѣдовали и другіе святые мужи и жены. Архіереи и книжники, дышавшіе ненавистью и убійствомъ, приставили, какъ сказано выше, стражу ко гробу, чтобъ никого туда не пускать, а самую Матерь Христа убить. Но Богъ ослѣпилъ очи стражей: они не видали ни Пресвятой Дѣвы, которая, по своему обыкновенію, все продолжала приходить ко гробу, ни тѣхъ женъ, которыя прихаживали съ Нею. Долго стоявшіе у гроба стражи донесли наконецъ архіереямъ и книжникамъ, и даже клятвою потвердили, что они никого приходящаго ко гробу не видали. Часто также приходила Владычица на гору Елеонскую, съ которой Христосъ вознесся, и, преклоняя тамъ колѣна, лобызала стопы Христовы, отъ которыхъ слѣдъ остался выпечатаннымъ на камнѣ. Съ какимъ плачемъ молила Она Сына и Бога Своего, чтобъ онъ взялъ Ее къ Себѣ! Пламеннѣе Св. Павла желала Она отрѣшиться отъ тѣла и жить со Христомъ. Какъ часто она повтаряла слова Давида: „Когда пріиду, и явлюся лицу Божію! быша слезы моя мнѣ хлѣбъ день и нощь!“ Какъ часто взывала: „Когда узрю прелюбезнаго моего Сына, когда пріиду къ Нему, сидящаго одесную Бога Отца? Когда предстану престолу славы Его? Когда насы-

щуся Его лицезрѣніемъ? О, пресладкій мой Сыне и Боже! Время ущедрити Сіона, время помиловати мя, Матерь Твою, въ плачевной міра сего юдоли, доселѣ безъ зрѣнія пресвятаго Твоего лица сѣтующую: изведи уже, аки изъ темницы, отъ тѣла душу мою! Имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже, да насыщуся, внегда явитмися слава Твоя!"

Пресвятая Дѣва иногда долго оставалась на горѣ Елеонской, за тѣмъ, что на ней находилось селеніе Геѳсиманія и тутъ-же на подгорьѣ небольшой участокъ Зеведеевъ съ садами, составляющій наслѣдство Іоанна Богослова. Въ этомъ-то самомъ вертоградѣ Господь нашъ, прежде вольной Своей страсти, падая на колѣна предъ Отцемъ Своимъ, молился, и кровавый потъ капалъ съ чела Его. Послѣ, въ этомъже самомъ вертоградѣ, Его Пречистая Матерь, на томъ же мѣстѣ, гдѣ и Онъ, проливала теплыя молитвы на колѣнахъ со слезами и была утѣшена Богомъ чрезъ извѣщеніе Ангела о Ея скоромъ преставленіи. По свидѣтельству греческаго историка Георгія Кедрина, Ангелъ являлся къ Ней два раза: въ первый разъ за пятнадцать дней, въ другой за три дня до Ея успенія, и, въ этотъ разъ, принесъ Ей фаниковую вѣтвь изъ рая, которую послѣ несъ передъ гробомъ Богородицы Іоаннъ Богословъ. Нѣкоторые (какъ-то: Мелитонъ, епископъ сардійскій) пишутъ, что и Св. Іоаннъ Богословъ прежде успенія Богородицы отлучался въ Ефесъ, и оттуда, также какъ прочіе Апостолы, только

прежде другихъ, былъ восхищенъ облакомъ и принесенъ въ домъ свой. Но другіе, какъ Метефрастъ и Софроній, разсказываютъ, что Св. Іоаннъ, усыновленный Пречистою, не отлучался никогда отъ Нея и служилъ Ей, какъ почтительный сынъ своей матери, имѣя Ее въ своемъ дому до самой Ея блаженной кончины. Только на очень короткое время отлучался онъ въ окрестные города, какъ о томъ упоминается и въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, что онъ былъ съ Петромъ въ Самаріи; впрочемъ онъ оставлялъ Пречистую не иначе, какъ съ Ея благословенія, и возвращался къ Ней немедленно опять въ Іерусалимъ. Во время его отсутствія заступалъ мѣсто его служенія при Пречистой Дѣвѣ Св. Іаковъ, братъ Божій, который пребывалъ всегда въ Іерусалимѣ, на своемъ святительскомъ престолѣ. Вотъ все, что собрано и написано о жизни Пречистой Дѣвы по вознесеніи Іисуса Христа до самаго Ея успенія.

Авдотья Глинка.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА.

(Изъ „Исторіи Государства Россійскаго.“)

Въ 903 году Олегъ избралъ для Игоря супругу, сію въ нашихъ лѣтописяхъ безсмертную Ольгу, славную тогда еще однѣми прелестями женскими и благонравіемъ. Ее привезли въ Кіевъ изъ Плескова, или нынѣшняго Пскова: такъ пишетъ Несторъ. Но въ особенномъ ея житіи и въ другихъ новѣйшихъ историческихъ книгахъ сказано, что Ольга была Варяжскаго простого роду, и жила въ веси, именуемой Выбутскою, близъ Пскова, что юный Игорь, пріѣхавъ изъ Кіева, увеселялся тамъ нѣкогда звѣриною ловлею;

увидѣлъ Ольгу, говорилъ съ нею, узналъ ея разумъ, скромность, и предпочелъ сію любезную сельскую дѣвицу всѣмъ другимъ невѣстамъ.

. . . Утвердивъ внутренній порядокъ государства, *) Ольга возвратилась къ юному Святославу, въ Кіевъ, и жила тамъ нѣсколько лѣтъ въ мирномъ спокойствіи.

Ольга была язычница, — но имя Бога-Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ христіанства; могла изъ любопытства бесѣдовать съ церковными пастырями и, будучи обдарена умомъ необыкновеннымъ, увѣриться въ святости ихъ ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго свѣта, Ольга захотѣла быть христіанкою, и сама отправилась въ столицу имперіи и Вѣры Греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ. Тамъ патріархъ былъ ея наставникомъ и крестителемъ, а Константинъ Багрянородный воспріемникомъ отъ купели. Императоръ старался достойнымъ образомъ угостить княгиню народа знаменитаго, и самъ описалъ для насъ всѣ любопытныя обстоятельства ея представленія. Когда Ольга прибыла во дворецъ, за нею шли особы княжескія, ея свойственницы, многія знатныя госпожи, послы Россійскіе и купцы, обыкновенно жившіе въ Царѣградѣ. Константинъ и супруги его, окруженные придворными и вельможами, встрѣтили Ольгу, послѣ чего императоръ на-свободѣ бесѣдовалъ съ нею въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила царица. Въ сей первый день, 9 Сентября, былъ великолѣпный обѣдъ въ огромной, такъ называемой, храминѣ Юстиніановой, гдѣ императрица сидѣла на тронѣ, и гдѣ княгиня Россійская, въ знакъ почтенія къ супругѣ великаго царя, стояла до самаго того времени, какъ ей указали мѣсто за однимъ столомъ съ придворными госпожами.

---

*) По смерти мужа своего, великаго князя Игоря, умерщвленнаго съ частію дружины его Древлянами, начала управлять государствомъ — за малолѣтствомъ сына своего, Святослава.

Въ часъ обѣда играла музыка, пѣвцы славили величіе царскаго дома, и плясуны оказывали свое искусство въ пріятныхъ тѣлодвиженіяхъ. Послы Россійскіе, знатные люди Ольгины и купцы обѣдали въ другой комнатѣ; потомъ дарили гостей деньгами.

На осебенномъ золотомъ столикѣ были поставлены закуски: Ольга сѣла за него вмѣстѣ съ императорскимъ семействомъ.

Къ симъ достовѣрнымъ извѣстіямъ о бытіи Ольгиномъ въ Константинополѣ народное баснословіе прибавило, въ нашей древней лѣтописи, невѣроятную сказку, что императоръ, плѣненный ея разумомъ и красотою, предлагалъ ей руку свою и корону; но что Ольга — нареченная во святомъ крещеніи Еленою — отвергнула его предложеніе, напомнивъ воспріемнику своему о духовномъ союзѣ съ нею, который, по закону христіанскому, служилъ препятствіемъ для союза брачнаго между ними. Въ-первыхъ, Константинъ имѣлъ супругу, во вторыхъ, Ольгѣ было тогда уже не менѣе шестидесяти лѣтъ. Она могла плѣнить его умомъ своимъ, а не красотою.

Наставленная въ святыхъ правилахъ христіанства самимъ патріархомъ, Ольга возвратилась въ Кіевъ. Императоръ, по словамъ лѣтописца, отпустилъ ее съ богатыми дарами и съ именемъ дочери; но кажется, что она вообще была недовольна его пріемомъ; слѣдующее служитъ тому доказательствомъ. Скоро пріѣхали въ Кіевъ Греческіе послы, требовать, чтобы великая княгиня исполнила свое обѣщаніе, и прислала въ Грецію войско вспомогательное; хотѣли также даровъ: невольниковъ, мѣховъ драгоцѣнныхъ и воску. Ольга сказала имъ: „Когда царь вашъ постоитъ у меня на Почайнѣ столько же времени, сколько я стояла у него въ судѣ“ (гавани Константинопольской): „тогда пришлю ему дары и войско,“ — съ чѣмъ послы и возвратились къ императору. Изъ сего отвѣта должно заключить, что подозрительные Греки не скоро впустили Ольгу въ городъ, и что обыкновенная над-

менность двора Византійскаго оставила въ ея сердцѣ непріятныя впечатлѣнія.

Ольга, воспаленная усердіемъ къ новой вѣрѣ своей, спѣшила открыть сыну заблужденіе язычества; но юный, гордый Святославъ не хотѣлъ внимать ея наставленіямъ. Напрасно сія добродѣтельная мать говорила о счастіи быть христіаниномъ, о мирѣ, коимъ наслаждалась душа ея съ того времени, какъ она познала Бога истиннаго. Святославъ отвѣтствовалъ ей: „могу ли одинъ принять новый законъ, чтобы дружина моя посмѣялась надо мною?“ Напрасно Ольга представляла ему, что его примѣръ склонилъ бы весь народъ къ христіанству. Юноша былъ непоколебимъ въ своемъ мнѣніи и слѣдовалъ обрядамъ язычества; не запрещалъ никому креститься, но изъявлялъ презрѣніе къ христіанамъ и съ-досадою отвергалъ всѣ убѣжденія матери, которая, не преставая любить его нѣжно, должна была наконецъ умолкнуть и поручить Богу судьбу народа Россійскаго и сына.

Сей князь, возмужавъ, думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностію отличить себя дѣлами и возобновить славу оружія Россійскаго, столь счастливаго при Олегѣ. . . . Суровою жизнію онъ укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣлъ ни становъ, ни обоза, питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей, и самъ жарилъ его на угляхъ; презиралъ хладъ и ненастье сѣвернаго климата; не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба, войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, и сѣдло изголовьемъ. Каковъ былъ военачальникъ, таковы и воины. — Древняя лѣтопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: онъ не хотѣлъ пользоваться выгодами нечаяннаго нападенія, но всегда заранѣе объявлялъ войну народамъ, повелѣвая сказать имъ: иду на васъ!

Мирное пребываніе въ Кіевѣ скоро наскучило дѣятельному князю. Страна завоеванная всегда кажется пріятною завоевателю, и сердце героя стремилось къ берегамъ Дунайскимъ. Собравъ бояръ, онъ

— въ присутствіи Ольги — сказалъ имъ, что ему веселѣе жить въ Переяславцѣ, нежели въ Кіевѣ: „ибо въ столицѣ Болгарской,“ какъ въ средоточіи, стекаются всѣ драгоцѣнности искусства и природы: „Греки шлютъ туда золото, ткани, вино и плоды, Богемцы и Венгры серебро и коней, Россіяне мѣха, воскъ, медъ и невольниковъ.“ Огорченная мать отвѣтствовала ему, что старость и болѣзнь не замедлятъ прекратить ея жизнь. „Погреби меня“ — сказала она — „и тогда иди, куда хочешь.“ Сіи слова оказались пророчествомъ: Ольга на четвертый день скончалась.

Она запретила отправлять по себѣ языческую тризну, и была погребена христіанскимъ священникомъ на мѣстѣ, ею самою для того избранномъ. Сынъ, внуки и благодарный народъ оплакали ея кончину.

Преданіе нарекло Ольгу хитрою, церковь святою, исторія мудрою. Отмстивъ Древлянамъ, она умѣла соблюсти тишину въ странѣ своей и миръ съ чужими — до совершеннаго возраста Святославова; съ дѣятельностію великаго мужа, учреждала порядокъ въ государствѣ обширномъ и новомъ; не писала, можетъ быть, законовъ, но давала уставы, самые простые и самые нужнѣйшіе для людей въ юности гражданскихъ обществъ. Великіе князья — до временъ Ольгиныхъ — воевали: она правила государствомъ. Увѣренный въ ея мудрости, Святославъ, и въ мужескихъ лѣтахъ своихъ, оставлялъ ей, кажется, внутреннее правленіе, безпрестанно занимаясь войнами, которыя удаляли его отъ столицы. — При Ольгѣ Россія стала извѣстною и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ Европы.

Наконецъ, сдѣлавшись ревностною христіанкою, Ольга, по выраженію Нестора, денница и луна спасенія — служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра и предуготовила торжество истинной вѣры въ нашей землѣ.

Николай Карамзинъ.

НА ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТОВО.

Душа моя, ликуй и пой,
Наслѣдница небесъ:
Христосъ воскресъ, Спаситель твой
Воистину воскресъ!

Такъ! адъ предъ сильнымъ изнемогъ:
Изъ гробовыхъ веригъ,
Изъ ночи смерти сына Богъ
И съ нимъ тебя воздвигъ.

Изъ свѣта вѣчнаго Господь
Сошолъ въ жилище тьмы;
Облекся въ персть, одѣлся въ плоть,
Да не погибнемъ мы!

Неизреченная любовь
Всѣхъ таинствъ высота!
За насъ свою святую кровь
Онъ проліялъ съ креста.

Чистѣйшей кровію своей
Насъ, падшихъ, искупилъ
Отъ мукъ и гроба, изъ сѣтей
И власти темныхъ силъ.

Христосъ воскресъ, Спаситель мой
Воистину воскресъ!
Ликуй, душа: Онъ предъ тобой
Раскрылъ врата небесъ . . .

Кюхельбекеръ.

ЛОМОНОСОВЪ.

(Изъ „Исторіи русской словесности.“)

Ломоносовъ родился въ 1711 г., въ деревнѣ Денисовской, близь Холмогоръ, въ Архангельской губерніи. Отецъ его, государственный крестьянинъ, занимался рыбнымъ промысломъ. У приходскаго церковника молодой Ломоносовъ научился читать и писать. Выучивъ почти наизустъ Славянскую Грамматику, Ариѳметику Ма-

гницкаго и Псалтирь, переложенную въ стихи Симеономъ Полоцкимъ, — единственныя книги, какія находились у его учителя, онъ почувствовалъ неодолимую жажду къ образованію; но средствъ для этого не было на его родинѣ. Онъ рѣшился отправиться въ Москву, и тайно отъ отца ушелъ туда съ обозомъ рыбы. Въ Москвѣ скитался онъ нѣсколько дней, пока случайно не былъ опредѣленъ въ Заиконоспасское училище. Въ послѣдствіи онъ ѣздилъ учиться въ Кіевъ; но, не удовлетворившись тамошней схоластикой, вскорѣ воротился въ Москву. Затѣмъ, отличившись умомъ и прилежаніемъ, былъ отправленъ въ 1734 году въ С. Петербургскую Академію Наукъ. Въ Москвѣ и Кіевѣ изучалъ онъ древніе языки и церковную Словесность, а въ Петербургѣ — Математику и Естественныя науки. Чрезъ два года отослали его довершать образованіе въ Германію. Здѣсь три года учился онъ въ Марбургѣ у знаменитаго философа и математика Вольфа, ученика Лейбницева. Отсюда ѣздилъ, для практическаго изученія горныхъ наукъ и Металлургіи, въ Фрейбергъ, гдѣ пробылъ годъ. Возвратившись въ Марбургъ, Ломоносовъ женился, пришелъ въ бѣдность и попалъ въ долги. Это заставило его бѣжать въ Россію, при чемъ на дорогѣ онъ чуть-было не попался въ руки Прусскимъ вербовщикамъ. Въ Германіи Ломоносовъ основательно узналъ Нѣмецкій языкъ, и, понявъ прелесть тоническаго стихосложенія, написалъ этимъ размѣромъ Оду на взятіе Хотина, которая милостиво принята была Императрицею Анною. По прибытіи въ 1741 г.

въ Петербургъ, назначенъ сперва Адъюнктомъ, а потомъ чрезъ пять лѣтъ Профессоромъ С. Петербургской Академіи. Онъ умеръ въ чинѣ Статскаго Совѣтника въ 1765 г. Такимъ образомъ литературная дѣятельность его совершенно совпадаетъ съ царствованіемъ Елисаветы Петровны.

Ломоносовъ подражалъ преимущественно поэтамъ Нѣмецкимъ, и взялъ себѣ за образецъ молодаго поэта Гюнтера. Сравнивая Ломоносова съ его совмѣстниками, мы не должны забывать, что эти совмѣстники Словесности исключительно посвящали труды свои; Ломоносовъ же былъ Профессоромъ Химіи и Металлургіи, и занимался Литературою въ часы досуга, по влеченію творческаго своего генія и по страстной любви къ поэзіи. По содержанію лучшихъ его одъ торжественныхъ на тогдашнія происшествія можно заключать, что онъ писалъ ихъ на празднества и побѣды, по желанію своихъ благотворителей, а можетъ быть и самой Императрицы, урывая время свое отъ должностныхъ занятій. Ломоносовъ и не удовольствовался стихами: онъ написалъ прозою два Похвальныя Слова, или, лучше сказать, двѣ Лирическія Поэмы: то же паренiе, то же величіе, то же благородство чувствъ, мыслей и выраженій. Здѣсь подражалъ онъ ораторамъ Римскимъ, особенно Плинію. Онъ первый у насъ постигъ и выразилъ разность между словами языка церковнаго и народнаго, далъ каждому изъ нихъ мѣсто и силу и правилами и примѣрами. Ломоносовъ изгналъ изъ языка нашего ту непріятную пестроту, которая безобразила всѣ наши писанія отъ начала XVIII. в.

до его времени. И у него встрѣчаются иностранныя слова, но только въ сочиненіяхъ дидактическихъ, какъ принятыя выраженія науки, Если же въ другихъ его прозаическихъ сочиненіяхъ останавливаютъ насъ слова, нынѣ неупотребляемыя или одичавшія: то не ему ли мы обязаны этимъ исправленіемъ и утонченіемъ нашего вкуса? Языкъ дидактическихъ сочиненій, на пр. въ Словѣ о пользѣ Химіи, простъ, ясенъ, приличенъ своему предмету и пріятенъ. Слога собственно тогда еще не было, если подъ этимъ словомъ разумѣемъ мы свойственное духу языка нашего словотеченіе, приличное каждому предмету и запечатлѣнное характеромъ писателя. Слогъ у Ломоносова въ письмахъ и учебныхъ сочиненіяхъ представляется подражаніемъ Нѣмецкому, а въ торжественныхъ рѣчахъ и исторіи — Латинскому. Этому научить насъ суждено было другому геніальному соотечественнику — Русскому Исторіографу. Грамматику составилъ Ломоносовъ по образцу извѣстныхъ ему Латинскихъ, Нѣмецкихъ и Славянскихъ учебниковъ того времени, и дополнилъ недостающее основательнымъ знаніемъ русскаго языка, впрочемъ не вдаваясь въ толкованія о тѣхъ предметахъ, которые Русскому извѣстны по навыку.

Разсматривая разнообразные труды Ломоносова по Исторіи и Астрономіи, Физикѣ и Химіи, металлургіи, поэзіи и Краснорѣчію, удивляемся всеобъемлющему его уму. Поэзія, при этихъ занятіяхъ, была лишь только отдохновеніемъ пріятнымъ и возвышеннымъ. Пѣснопѣвецъ,

прославляющій добродѣтельную Монархиню, былъ громкимъ органомъ народныхъ благодарныхъ чувствованій, на языкѣ, имъ самимъ установленномъ. Онъ первый постигъ, измѣрилъ и представилъ въ систематическомъ порядкѣ обширность, богатство, силу и великолѣпіе языка нашего, и показалъ вѣрные пути къ его совершенствованію обращеніемъ вниманія на языкъ Старо-Славянскій; преподанныя правила потвердилъ собственными образцами. Въ сочиненіяхъ его впервые увидѣли Русскіе богатство, пышность, великокѣпіе своего языка. Профессоръ Поповскій упоминаетъ о впечатлѣніи, какое произвела первая его ода: всѣ нашли новый языкъ, новыя слова, новые звуки; всѣ чувствовали, что они ихъ родные, и дивились, почему они прежде ихъ не знали. И это удивленіе справедливо: потому что и теперь никто не сравнялся съ Ломоносовымъ въ высокости слога, въ умѣньи сочетать Церковно-Славянскій языкъ съ Русскимъ. Какъ всѣ самобытные умы, высшіе своего вѣка, двигатель народа явился и поэтомъ, и витіею, и ученымъ. Въ его произведеніяхъ выразился новый міръ вѣдѣнія, до него не выраженный. Превосходство его и недостатки носятъ на себѣ печать возраста нашего въ половинѣ истекшаго столѣтія. Тогда духозные витіи безъ надлежащаго разбора употребляли слова Библейскаго языка и гражданскаго, пестрили проповѣди свои словами и оборотами иностранными; правила Славянской Грамматики не могли служить руководствомъ для познанія свойствъ Русскаго язы-

ка. Поэтому нужно было отдѣлить книжный языкъ и разговорный — показать, какимъ образомъ должно соединять одинъ съ другимъ, вывести правила живой Русской рѣчи: все это совершено Ломоносовымъ; имъ утверждено основаніе языка.

Въ произведеніяхъ Ломоносова выразился новый міръ вѣдѣнія, до него невыраженный; имъ положено основаніе нашему нынѣшнему языку; въ немъ проявилась воля могучаго Преобразователя, имъ же прославленнаго.

РЫБАКЪ.

Дѣйствующіе:

Василій Ѳедотычъ, рыбакъ Холмогорскій.
Ѳекла Ефимовна, жена его.
Михайло Ломоносовъ, сынъ ихъ.
Хавронья Лукишна, всеобщая кумушка.

Дѣйствіе — въ деревнѣ Денисовой, близь Холмогоръ, въ 1728 году.

Берегъ рѣки Сѣверной-Двины. — Домы и хижины рыбаковъ. — Рыболовные снаряды, сѣти и прочее.

Михайло Ломоносовъ.

Не обвиняй меня, мой родимый! Не спознался я ни-съ-кѣмъ, чиста душа моя . . . Не оставлю я твоей старости, — но отпусти меня.

Василій Ломоносовъ.

Отпустить? Куда отпустить?...

Михайло Ломоносовъ.

Самъ не знаю! Не надобны мнѣ твои деньги: твое богатство — передъ тобой оно! Есть у меня сокровища дороже твоихъ!

Василій Ломоносовъ.

Да что ты? Въ полномъ-ли умѣ?... Какія сокровища?

Михайло Ломоносовъ.

(Вынимая изъ-подъ полы платокъ, въ которомъ что-то завязано.)

Вотъ они!

Василій Ломоносовъ.

Да ужь не кладъ ли ты нашелъ?

Михайло Ломоносовъ.

Кладъ великій, драгоцѣнный кладъ!

Василій Ломоносовъ.

Ахъ, ты, радость моя неоцѣненная!... Гдѣ? Когда?... Покажи.

Михайло Ломоносовъ.

Здѣсь только малая часть тѣхъ сокровищъ, которыми могу я обладать... Нѣтъ счету имъ, нѣтъ мѣры!

Василій Ломоносовъ.

Покажи, другъ ты мой, сынъ ты мой умоленный!

(Онъ спѣшитъ развязать платокъ, жена вырываетъ у него; онъ выхватываетъ у нея.)

Хавронья Лукишна.

Такъ вотъ узнаемъ-таки, что таилось на душѣ у Михайла Васильевича! Экой счастливый, да какой умникъ, разумникъ да скромникъ!... Тише, тише, вы — этакъ.... Какъ разсыплется серебро, либо золото....

(Развязываетъ платокъ: изъ него выпадаютъ двѣ старыя книги.)

Василій Ломоносовъ.

Что это?

Θекла Ефимовна.

Книжки какія то!

Хавронья Лукишна.

Да въ книжкахъ-то нѣтъ ли чего?

Михайло Ломоносовъ.

Если ты ищешь въ нихъ серебра и злата — въ нихъ нѣтъ его!

Василій Ломоносовъ.

Да о какихъ-же ты сокровищахъ говорилъ?

Михайло Ломоносовъ.

О тѣхъ сокровищахъ, которыя „ни тля тлитъ, ни

татіе подкапываютъ“, которыя скрыты на небесахъ и о которыхъ только догадываться можетъ человѣкъ на землѣ!

Василій Ломоносовъ.

Да, вѣдь, есть же этимъ сокровищамъ имя какое-нибудь: безъ имени и овца — баранъ!

Михаило Ломоносовъ.

Имя имъ — премудрость, а ключъ къ ней — ученье?

Василій Ломоносовъ.

Что? Что? Да какой же тебѣ премудрости надо и какого ученья?... Вѣдь ты читать и писать умѣешь?

Михайло Ломоносовъ.

Знать я хочу — все знать, что только позволилъ знать человѣку Господь Богъ!

Василій Ломоносовъ.

А позволь-ка знать, сынокъ любезный, откуда набрался ты такихъ мыслей?

Михайло Ломоносовъ.

Самъ Богъ вложилъ ихъ въ душу мою.

Василій Ломоносовъ.

А для чего бы это хочешь знать такъ много?... Что, это ученье, оно накормитъ тебя хлѣбомъ?

Михайло Ломоносовъ.

Но о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ!

Василій Ломоносовъ.

Да что, Михайло, съ ума-то уже сошелъ, или только еще сходить началъ?

Хавронья Лукишна.

Ахти! Да и въ самомъ дѣлѣ не тово-воно-ли онъ?... Онъ что-то отъ писанія говорилъ, да я ужь и понять-то не умѣю.....

Василій Ломоносовъ.

Я вотъ дамъ ему писаніе, — краснобай ты этакой! Что ты мнѣ говоришь!... Какая тебѣ наука! Не изъ этихъ ли книжонокъ твоихъ начитался ты такихъ бредней? (поднимаетъ ихъ) Вотъ я тебя научу по своему!... Книги твои въ огонь.....

Михайло Ломоносовъ.

Мои книги! . . .

Василій Ломоносовъ.

Бѣсово навожденіе!

Михайло Ломоносовъ.

Отдай ихъ мнѣ.

Василій Ломоносовъ.

Въ огонь ихъ, проклятыя! Изорву въ клочки....

Михайло Ломоносовъ.

Батюшка! Ради Бога, постой, постой! . . . Дѣлай, что хочешь — отдай только ихъ мнѣ . . . .

Василій Ломоносовъ.

Нѣтъ! Нѣтъ!

Михайло Ломоносовъ. (вырывая ихъ)

Власть твоя: а я не отдамъ ихъ!

Василій Ломоносовъ.

Какъ? Ты на отца руки поднимать? — Да я тебя убью! Да я тебя прокляну! . . . Отдай мнѣ ихъ!

Михайло Ломоносовъ. (на колѣняхъ).

Бей меня — убей — не отдамъ!

Василій Ломоносовъ (отталкивая жену).

Прочь! . . . Я тебя выучу, книжника Нѣмецкаго! Ты учиться хочешь? Что ты, звѣзды что-ли считать думаешь говорунъ окаянный? Вотъ я изъ тебя дурь-то выколочу . . . . Нѣтъ-ли здѣсь дубины хорошей гдѣ-нибудь . . . . Я тебя отвожу . . . .

Михайло Ломоносовъ.

Отецъ мой! помилуй! Не заставь меня . . . . О, Господи! Удержи языкъ мой и помышленія мои . . . .

Николай Полевой.

БѢГСТВО ЛОМОНОСОВА.

Зима 1728 года на Руси была жестокая. Путешественники отмораживали себѣ лица, а волки безбоязненно приходили въ деревни распѣвать свои жа-

лобы на голодъ. Замѣтливые люди увѣряли даже, что въ эту зиму птицы на лету падали мертвыми.

. . . . . .

Въ одну лунную ночь, когда утренная заря уже боролась съ свѣтомъ потухавшаго мѣсяца, обозъ съ рыбою тянулся верстахъ въ семидесяти отъ Холмогоръ къ Москвѣ. Подлѣ одного изъ возовъ шелъ, припрыгивая и постукивая руками, закутанный въ овчинный тулупъ и въ поярковый армякъ, обозный прикащикъ.

. . . . . .

Въ это время — то бѣгомъ, то шагомъ — приблизился къ самому обозу парень, лѣтъ семнадцати, пріятный наружностью, высокій, стройный и полуокоченѣвшій отъ холода, потому-что онъ былъ одѣтъ въ одинъ нагольный тулупъ, совсѣмъ не по-дорожному. На головѣ его была ветхая шапка; на ногахъ, сверхъ онучъ, надѣты коты; онъ былъ даже не опоясанъ. Поровнявшись съ заднимъ возомъ, онъ пошелъ обыкновеннымъ шагомъ, и, какъ гусь въ чужомъ стадѣ, казалось, не смѣлъ ни къ кому обратиться. Пименъ Никитичъ (прикащикъ) оглянулся раза два, но, видя, что отъ-этого любопытству его не легче и что молодой человѣкъ не говоритъ ничего ни-съ-кѣмъ, остановился и, дождавшись того воза, подлѣ котораго шелъ новый сопутникъ, пошелъ съ нимъ рядомъ.

— „А что, братъ, тебѣ надобно?“ спросилъ онъ у молодого человѣка.

— Мнѣ?... ничего....

— „Какъ — ничего? Да куда ты идешь?“

— Коли ваша милость позволитъ, такъ иду въ Москву....

— „Въ Москву? Да кто ты таковъ? откуда?“

— Я Денисовскій крестьянинъ. Вы, чай, и батюшку моего знаете.

— „Денисовскій крестьянинъ? Мы третьяго дня изъ Денисовскаго... А какъ зовутъ отца твоего?“

— Василій Ломоносовъ. Я видѣлъ, какъ вы на-

гружали рыбу въ нашей деревнѣ и съ батюшкой моимъ говорили.

— „Ну, Василья Ломоносова я знáю. Да зачѣмъ же ты идешь въ Москву? И какъ дойдешь туда?“

— Ваша милость! позвольте мнѣ идти подлѣ вашего обоза!... Я вамъ буду служить дорогой, и въ Москвѣ готовъ работать, только позвольте идти съ вами!

— „Да ты, братъ, не ряхнулся-ли? Что тебѣ за надобность въ Москву? Отецъ что-ли послалъ? Только этому быть нельзя. Говори правду: зачѣмъ ты идешь въ Москву?“

— Да... такъ... мнѣ хочется посмотрѣть Москву.

— „Э, э, братъ, такъ ты, видно, безъ отцовскаго позволенія махнулъ!... Ты убѣжалъ отъ отца?“

— Сказать правду, такъ убѣжалъ... Но, право, я не за худымъ дѣломъ иду въ Москву.

— „А кто тебя знаетъ:“ безъ отцовскаго позволенія, на добрыя дѣла не ходятъ. Вижу, братъ, я, что ты малый — шалунъ, забулдыга. Дѣлать тебѣ въ Москвѣ ничего, — есть тамъ много вашей братьи!... Воротись-ко добромъ къ отцу, а не-то я тебя турну инымъ порядкомъ.“

— Ваша милость!... не гоните меня! Право, я заслужу вамъ!...

— „Пошелъ ты, негодяй; съ своими услугами! Да что я за сумасшедшій, что возьму съ собой въ Москву бѣглаго мальчишку!... Пошелъ!“

— Ахъ, господинъ купецъ! право, я не какой-нибудь негодникъ!

Тутъ грозный прикащикъ хотѣлъ поворотить бѣднаго мальчика назадъ толчками, — но, замѣтивъ у него подъ мышкой узелокъ, спросилъ:

— „А это что у тебя подъ мышкой?“

— Это... да это я взялъ съ собой?...

— „Вижу, что ты это взялъ съ собой, а, попросту сказать, укралъ! Да... а говори: что у тебя въ узелкѣ?“

— Господинъ купецъ! Я не укралъ этого, по-

тому-что это столько же мое, какъ моя голова. Только голову даетъ человѣку Богъ, а это мнѣ дали добрые люди.

— „Ахъ, ты, краснобай деревенскій! Видно у тебя голова-то начинена такъ-же, какъ этотъ узелъ? Да что въ немъ? чья казна, — или изъ отцовскаго сундука мошна?“

У незвакомаго парня сверкнули въ глазахъ слезы. Видно было, что не морозъ ихъ выжалъ; горе стѣснило его дыханіе. Онъ остановился и былъ такъ изумленъ словами прикащика, что въ-недоумѣніи глядѣлъ на него и не говорилъ ни слова.

Казалось, это сдѣлало впечатлѣніе на допросчика.

— „Ну? не правду ли я говорилъ, что ты воришка! Что-же ты оторопѣлъ!“

— Не оторопѣлъ, а одурѣлъ отъ твоихъ словъ, господинъ купецъ! Я воръ? я укралъ деньги, казну?... Господи, Боже мой! — Съ этими словами онъ зарыдалъ, и, бросивъ свой узелокъ къ ногамъ прикащика, сказалъ сквозь слезы:

— „На, посмотри, что я несу, и Богъ съ тобой! Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ: дойду и безъ тебя до Москвы.“

Пименъ Никитичъ поднялъ узелокъ и, развернувъ его, пробормовалъ съ-удивленіемъ:

— „Что это? книги? Да на какой прахъ ты несешь въ Москву такую дрянь? Тамъ, братъ, не дадутъ гроша за это.“

— Да я не возьму за нихъ тысячи рублей! Эти книги мнѣ дороже всего твоего обоза... Тебѣ чудно это, господинъ купецъ? Видно, что милы они мнѣ, когда я для нихъ-то оставилъ отца и родимую сторону!

— „Чудно“, сказалъ Пименъ Никитичъ. Ну, пойдемъ до первой упряжки, а тамъ увидимъ.“

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе... Наконецъ, прикащикъ заговорилъ снова:

— „Теперь вижу я, что ты не таковъ, какъ думалъ я сначала: но все-таки не догадываюсь, зачѣмъ ты идешь въ Москву.“

Въ глазахъ юноши стало свѣтло, хоть и не весело.

— Не знаю и самъ — отвѣчалъ онъ — что со мной станется въ Москвѣ. но мнѣ тошно стало жить въ нашей нелюдной сторонѣ, гдѣ не-съ-кѣмъ поговорить, какъ-бы мнѣ хотѣлось, и не-у-кого спросить, о чемъ бы подумалось. По этимъ книгамъ, которыя видѣла ваша милость, выучился я грамотѣ и ариѳметикѣ: хочется знать еще больше, а отъ кого и какъ узнаешь? Вотъ я и рѣшился идти въ Москву: тамъ, гворятъ, много людей ученыхъ, и есть училища для всякаго, кто вздумаетъ учиться. Заговорилъ я объ этомъ отцу своему, да онъ ипкакъ не могъ смекнуть, чего я хочу, — еще началъ поносить книги и книгочіевъ. Я рѣшился убѣжать, когда увидѣлъ, что съ нимъ не сговоришь... Хочу въ Москвѣ учиться.

— „Я, дружокъ, самъ человѣкъ, нехвастовски сказать, грамотный“, отвѣчалъ Пименъ Никитичъ. „Спросилъ-бы ты у меня, такъ я бы тебѣ далъ толкъ. Ну, да ужь теперь поздно: видно, такова твоя часть. Все — Богъ!“

— Богъ меня и не оставитъ! — Промолвилъ юноша съ робкою довѣренностью.

. . . . . .

Въ-это время одинъ изъ возовъ закатился въ глубокій ухабъ; лошадь затаращилась съ нимъ, и вся эта нестройная громада съ-трескомъ остановилась.

— Та-та, ай-та? закричало нѣсколько голосовъ мужицкихъ со всѣхъ сторонъ. — Э-а-та, Терехъ, Ванькъ!

... Всѣ бросились подымать лошадь и вытаскивать возъ.

Когда порядокъ былъ возстановленъ и возы пошли впередъ, прикащикъ обернулся къ юношѣ, также помогавшему другимъ во время суматохи, и, отряхивая снѣгъ съ своего армяка, сказалъ:

— „Вотъ, братъ! не пойдетъ на умъ ученость... А?“

— „Да, правда“ отвѣчалъ тотъ.

Безъ дальнѣйшихъ событій пріѣхали на мѣсто роздыха. Сѣверное нарѣчіе зашумѣло, когда извощики, а съ ними и обозный прикащикъ, сѣли за столъ и начали работать за горячими щами. Новый спутникъ ихъ, удалившись въ уголъ и вынувъ изъ кармана кусокъ самаго нероскошнаго хлѣба, хотѣлъ имъ пообѣдать. Добрая Русь не вытерпѣла этого.

Одинъ изъ мужиковъ, котораго лице уже горѣло, какъ на огну, отъ множества проглоченныхъ имъ щей, возвысилъ голосъ:

— „А что-жь ты, родимый, не поѣшь съ нами? Садись-ко, благословясь!“

Молодой человѣкъ раздумывалъ.

— „Садись, голубчикъ, садись! Отъ хлѣба-соли не отнѣкиваются,“ примолвилъ Пименъ Никитичъ.

Дѣло сладилось. Робкій юноша присоединился къ другимъ и не отсталъ отъ нихъ.

— „Ну, вотъ, оно-тко и повеселѣе!“ сказалъ одинъ изъ извощиковъ, помоляся Богу.

— „Да вотъ, ребята!“ — началъ Пименъ Никитичъ. — Малый идетъ въ Москву, Христосъ его знаетъ, зачѣмъ, а ѣсть у него нечего. . . . Возьмемъ, что-ли, его?

— „Почто нѣтъ?“ отвѣчалъ одинъ извощикъ.

— „Вѣстимо, пускай себѣ идетъ!“ примолвилъ другой.

— Да я одинъ платить за него не буду! — поспѣшилъ сказать Пименъ Никитичъ.

— „Ну, съ-обча заплатимъ!“ — проговорилъ одниъ извощикъ.

— „Съ артели заплатимъ!“ промовилъ другой. „Пожалуй, ты хоть и не плати.“

— Нѣтъ, и я съ вами! — сказалъ прикащикъ.

ЧЕРЕЗЪ-НѢСКОЛЬКО ЛѢТЪ, ИЛИ: ЧТЕНІЕ ПЕРВЫХЪ СТИХОВЪ ЛОМОНОСОВА У ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ.

Дворецъ въ Петербургѣ блисталъ огнями...

Но что дѣлалось во дворцѣ? — Тамъ былъ царскій вечеръ у императрицы Анны Іоанновны.

. . . . . .

Собраніе было многочисленное и, повидимому, веселое. Вельможи и придворные расхаживали по заламъ. Между-гѣмъ императрица облокотилась на стоявшаго подлѣ нея пажа, и взоры ея упали на камергера Корфа, который приближался съ улыбающимся видомъ.

— „А что-же баронъ!“ — сказала она: — принесли-ли вы мнѣ то сочиненіе?...

— „Приказаніе вашего величества исполнено!“ отвѣчалъ Корфъ, подавая небольшую кипку печатныхъ листочковъ.

Императрица взяла ихъ, немного откатилась на креслахъ своихъ отъ столика, за которымъ играла, и обратила рѣчь къ окружавшимъ ее.

— „Вотъ, господа, я подарю вамъ чудо. Вчера, при нашемъ новомъ торжествѣ надъ Турками, баронъ Корфъ поднесъ мнѣ стихи, написанные рыбачьимъ сыномъ....“

— „Рыбачьимъ сыномъ!...“ — воскликнуло нѣсколько голосовъ. Но въ этихъ словахъ не было выраженія, потому-что еще не знали, какое придать имъ — шутливое или торжественное. Императрица любила иногда приводить въ недоумѣніе своихъ придворныхъ шутками и загадочными словами, и они ждали объясненія

— „Да, рыбачьимъ сыномъ!“ — повторила она. „Вотъ возьмите: это стихи на взятіе Хотина и на побѣду надъ Турками... Да какіе стихи!... Такихъ не пишетъ Тредьяковскій, ни Грекъ Антіохъ Кантемиръ.“

Придворные спѣшили принимать изъ рукъ импе-

ратрицы листочки. Она сама раздала ихъ нѣкоторымъ и, отдавая остальные Корфу. сказала: „На, дай имъ всѣмъ! . . . Я нарочно велѣла Корфу напечатать ихъ больше, чтобы вы всѣ, господа, могли полюбоваться новымъ стихотворцемъ нашимъ.

Между-тѣмъ, получившіе стихотвореніе прежде другихъ — спѣшили къ свѣчамъ; старики надѣвали очки, а иные уже разбирали по складамъ: „враче... врачеб... ной... да... ли... мнѣ... воды...“ И отвсюду слышно было: „безподобно!... удивительно!... прекрасно!“

Между-тѣмъ императрица сама снова отзывалась о стихахъ Ломоносова чрезвычайно благосклонно и, наконецъ, сказала Корфу:

— „А гдѣ-бишь теперь этотъ Ломоносовъ?“

— Въ Марбургѣ, ваше величество, учится у профессора Вольфа.

— „Ну, да разскажи имъ, какъ получилъ ты эти стихи. Разскажи подробно. Это страсть-какъ любопытно, господа!“

Умы всѣхъ настроились. Корфъ, съ поклономъ къ императрицѣ началъ:

— „Ломоносовъ учится на-счетъ Академіи, щедротами всемилостивѣйшей государыни. Онъ присылаетъ ко мнѣ, какъ къ президенту Академіи, отчеты о своихъ успѣхахъ. Въ послѣдній разъ, при письмѣ и отчетѣ, я получилъ отъ него и стихи, написанные имъ, когда услышалъ онъ о преславной побѣдѣ, одержанной войсками ея императорскаго величества. Онъ говоритъ, что побѣда отозвалась въ Германіи, какъ громъ, и что онъ, въ избыткѣ чувствъ, осмѣлился воспѣть торжество Россійскаго оружія.“

— „Удивительно! превосходно!...“ начались опять восклицанія.

— „Но кто этотъ Ломоносовъ?“ спросилъ наконецъ Остерманъ *), оставшійся на своемъ мѣстѣ противъ императрицы, за карточнымъ столомъ, потому-

*) Министръ.

что подагра давала ему право меньше другихъ утомлять свои ноги, даже при императрицѣ.

— „Ломоносовъ, Холмогорскій уроженецъ, сынъ рыбака“ — отвѣчалъ Корфъ: — Въ достославное царствованіе нашей всемилостивѣйшей государыни, когда науки вмѣстѣ со всѣми другими отраслями государственнаго хозяйства....

Императрица улыбнулась; но Корфъ, нимало не смѣшавшись, продолжалъ:

— Когда все процвѣтаетъ и благоденствуетъ, и науки находятъ покровительство, Ломоносовъ пришелъ пѣшкомъ въ Москву изъ Архангельска....

— „Пѣшкомъ?“ — спросили нѣкоторые.

— Да, милостивые государи, пѣшкомъ. Въ Москвѣ, разумѣется, встрѣтилъ онъ покровительство и опредѣлился въ Духовную Академію, откуда, какъ отличнаго ученика, отправили его въ нашу Академію, Мы, для вящшаго усовершенствованія, послали его въ Марбургъ, къ профессору Вольфу, и тамъ-то онъ написалъ оду....

— „Нѣтъ, разскажи, какъ удивилъ онъ васъ своими стихами.“

— Да, ваше величество! я истинно удивился, прочитавши стихи его, и отдалъ ихъ на разсмотрѣніе господамъ Академикамъ. Они единогласно подтвердили мое мнѣніе, что стихи прекрасны и достойны воззрѣнія всемилостивѣйшей нашей государыни. Я велѣлъ напечатать ихъ, и удостоился, во вчерашній торжественный день, поднести ея величеству....

— „А я велѣла напечатать побольше этихъ листочковъ, и поздравляю васъ, господа, съ новымъ стихотворцемъ!“ — прибавила императрица.

СМЕРТЬ ЛОМОНОСОВА.

Смерть Ломоносова пробудила въ современникахъ его глубокое чувство. Спокоенъ и величественъ лежалъ предъ ними въ гробѣ Ломоносовъ.

Въ день, назначенный для погребенія, съ-утра начали сбираться въ жилище Ломоносова всѣ, знавшіе его больше или меньше. Императрица *), изъявляя участіе къ смерти человѣка, украшавшаго ея царствованіе, приказала отпустить значительную сумму на его похороны, которыя и были устроены великолѣпно. Главнымъ распорядителемъ при этомъ былъ неизмѣнный покровитель его, Шуваловъ. Слезы невольно выступили изъ глазъ Шувалова, когда онъ отдавалъ разныя приказанія вблизи гроба своего друга. Множество знатныхъ присутствовало при этомъ, и можно сказать, что все блестящее и великолѣпное, бывшее тогда въ Петербургѣ, собралось отдать послѣдній долгъ знаменитому согражданину. Наконецъ длинный поѣздъ потянулся въ Александро-Невскую Лавру.

За знатью шли многіе изъ простолюдиновъ, знакомцы Ломоносова. Иные изъ нихъ добродушно, но съ чувствомъ, изъявляли свою печаль. Между-прочимъ, мастеръ Соколовъ, которому Ломоносовъ обыкновенно заказывалъ разныя машины, воскликнулъ послѣ долгаго молчанія: „оставилъ насъ — батюшка, Михайло Васильевичъ! . . . оставилъ! . . . Отецъ былъ нашей братьи! . . . Такой головушки нескоро дождется Россія!“

Великолѣпная процессія достигла Александро-Невскаго Монастыря, и тамъ, въ дверяхъ церкви, встрѣтилъ ее митрополитъ Димитрій Сѣченовъ. „Такъ ли я думалъ встрѣтиться съ тобой?“ почти въ-слухъ сказалъ митрополитъ; но онъ затаилъ свое чувство, и началъ отправленіе службы вмѣстѣ съ Петербургскимъ архіепископомъ и со всѣмъ знатнѣйшимъ духовенствомъ.

Когда наступила минута вѣчнаго разставанія, многіе зарыдали искренно; всѣ чувствовали, что видятъ въ-послѣдній-разъ ликъ необыкновеннаго человѣка, и стенаніе сдѣлалось почти общимъ; но, при новыхъ молитвахъ и пѣніи духовенства, все смолкло . . . . Тихо опустился въ могилу гробъ Ломоносова . . . .

*) Екатерина Вторая.

И не стало его! . . . Но не все кончилось и въ здѣшней жизни для человѣка, озареннаго справедливою славою. Только послѣ смерти его начали понимать, какую потерю понесла Россія. Сама императрица грустила нѣсколько времени, и это отразилось на вельможахъ ея, которые, впрочемъ, сами уважали и любили славнаго своего современника.

Ксенофонтъ Полевой.

ПОСЛѢДНЯЯ БОРЬБА.

Надо мною буря выла,
Громъ на небѣ грохоталъ;
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.

Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ силу, въ сердцѣ жаръ.

Что погибель! Что спасенье!
Будь что будетъ — все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно.

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна;
Безконечно къ ней стремленье,
Въ ней покой и тишина!

Не грози-жъ ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой!
Биться я готовъ съ тобою, —
Но не сладишь ты со мной!

У меня въ душѣ есть сила;
У меня есть въ сердцѣ кровь;
Подъ крестомъ моя могила,
На крестѣ моя любовь!

А. Кольцовъ.

ВИѲЛЕЕМЪ.

(Изъ Хрестоматіи Шафранова.)

Сколько радостныхъ, нѣжныхъ молитвъ вылетаетъ изъ устъ поклонника, какое торжество объемлетъ сердце христіанина при видѣ того великаго мѣста, гдѣ Создатель вселенной, самъ Богъ благоизволилъ соединить Себя узами неразрывными съ слабымъ, бреннымъ человѣчествомъ, облекшись въ его плоть! И мы ли не видимъ, какъ высоко наше предназначеніе! Какое высокое мѣсто занимаетъ наша планета въ цѣпи созданія!.... Передъ самымъ подъемомъ нагору Виѳлеемскую, мы оставили въ лѣвой сторонѣ гору Давидову, гдѣ былъ его д о м ъ. Въѣхавъ въ улицы Виѳлеемскія, мы были приняты дружелюбнымъ привѣтствіемъ Арабовъ, которые почти всѣ христіане; мой драгоманъ Якубъ, родившійся въ Виѳлеемѣ, имѣлъ тутъ всѣхъ своихъ родственниковъ. Нельзя не замѣтить, при первомъ взглядѣ, гордой осанки жителей Виѳлеема.

Вскорѣ мы были передъ высокими и твердыми стѣнами монастыря, который походитъ на укрѣпленіе. Я былъ встрѣченъ съ большимъ радушіемъ Греческимъ настоятелемъ отцемъ Іоанникіемъ; принявъ первые привѣты гостепріимства, я поспѣшилъ къ святилищу.

Благовѣстная звѣзда нашего искупленія остановилась надъ тою священною точкою земнаго шара, которая накрыта этимъ зданіемъ, — такъ я думалъ, подходя съ волненіемъ въ душѣ къ храму Виѳлеемскому. Мы вступили

въ него чрезъ боковую дверь, и вошли прямо въ главный алтарь. Этотъ храмъ напоминаетъ Римскія древнія соборныя церкви. Главный алтарь основанъ надъ самымъ вертепомъ Рождества Христа Спасителя. Съ обѣихъ сторонъ алтаря сходятъ по пятнадцати мраморнымъ ступенямъ въ подземную церковь. Можно ли объяснить сладостное чувство восторга и благоговѣнія, которымъ исполняется сердце при вступленіи въ таинственный сумракъ этого святилища? Прежде нежели я могъ что-нибудь разглядѣть, я палъ ницъ на мраморный помостъ, тамъ гдѣ серебряная звѣзда, освѣщенная лампадами, означаетъ мѣсто рожденія нашего Искупителя! Изливъ чувства умилительной благодарности Спасителю, за спасеніе всего человѣчества и моей души, я прочелъ Латинскую надпись кругомъ сіяющей звѣзды: HIC DE VIRGINE MARIA JESUS CHRISTUS NATUS EST. „Здѣсь родился Іисусъ Христосъ отъ Дѣвы Маріи.“ Что можно сказать болѣе? Это мѣсто находится въ полукружномъ нишѣ. — Помостъ вертепа Рождества, образуя также полукругъ, обвѣшенъ шестнадцатью богатыми лампадами, надъ которыми мраморная доска служитъ престоломъ, гдѣ совершается литургія. Въ нишѣ, который надъ престоломъ, ставится попеременно Греками и Католиками престольный образъ Рождества Христова; но первобытная стѣна вертепа украшена была мозаическими изображеніями. Слѣды мозаики уже едва видны; можно различить отъ надписи только слово: Dominus . . . . Шесть небольшихъ образовъ Ви-

зантійской живописи вдѣланы въ рамки передъ престоломъ, въ прямую линію.

Отступя нѣсколько шаговъ отъ мѣста Рождества Спасителя, вы видите на правой сторонѣ особливую пещеру, куда сходятъ по двумъ или тремъ ступенямъ; тамъ были ясли, гдѣ покоился тотъ Младенецъ, кому небо престолъ, земля же подножіе ногъ Его, и гдѣ впервые поклонились Ему волхвы и пастыри: Мудрость и простота.

Ясли высѣчены въ природномъ камнѣ (ибо въ Іудеѣ лѣсъ довольно дорогъ), они имѣютъ видъ продолговатаго ящика, и обложены бѣлымъ мраморомъ. Это святое мѣсто, освѣщенное также, какъ и вертепъ Рождества, драгоцѣнными лампадами, служитъ престоломъ для совершенія литургіи. . . .

Въ Евангеліи отъ Св. Луки мы видимъ указаніе на скромное мѣсто Рожденія Спасителя міра: въ то время вышло отъ Кесаря Августа новелѣніе сдѣлать перепись по всей землѣ; стеченіе въ Виѳлеемѣ было необыкновенное; бѣдная гостинница приняла подъ свой кровъ Матерь Божію и Ея святаго обручника. Въ бытность ихъ тамъ наступило время родить Ей, и родила Сына своего первенца, и спеленала Его, и положила въ ясли; потому что не-было имъ мѣста въ гостинницѣ; одинъ вертепъ былъ первымъ на землѣ мѣстомъ, гдѣ видна была слава воплощеннаго Сына Божія, а другой вертепъ сдѣлался его тридневною гробницею. Во всей Палестинѣ, по причинѣ каменистаго слоя земли, пещеры входили въ составъ зданій; сверхъ того, въ

теченіе столькихъ вѣковъ, наносная земля углубила многіе памятники и зданія.

Многія другія пещеры прилегаютъ къ вертепу Рождества.....

Въ одной погребенъ блаженный Іеронимъ и двѣ ученицы его, Павлина съ дочерью своею Евстахіею. Рядомъ съ этимъ вертепомъ — другой, нѣсколько обширнѣе, куда падаетъ свѣтъ изъ одного окна: это келья блаженнаго Іеронима; здѣсь онъ перевелъ два раза Ветхій Завѣтъ на Латинскій языкъ, сначала съ Греческаго, а потомъ съ Еврейскаго. Здѣсь напрестольная картина изображаетъ его, занятаго этимъ трудомъ.

Память блаженнаго Іеронима, жившаго спустя 400 лѣтъ по Р. Х., драгоцѣнна въ исторіи Христіанской Церкви. Озаренный лучемъ вѣры, онъ оставилъ богатства, почести и блескъ Рима для дикой пустыни въ Палестинѣ, и наконецъ утвердилъ обитель свою возлѣ вертепа Рождества Спасителя міра....

Когда, по приглашенію Папы, онъ опять посѣтилъ Римъ, ничто не могло уже привлечь его сердца къ великолѣпной столицѣ, послѣ небесныхъ утѣшеній созерцательной жизни отшельника, -- и онъ поспѣшилъ возвратиться къ спасительному для него вертепу. Связанныя съ нимъ узами святой дружбы, Римлянка Павлина и дочь ея Евстахія, принадлежавшія славнымъ домамъ Сципіоновъ и Гракховъ, отплыли вслѣдъ за нимъ въ Палестину, и совершa поклоненія Святымъ мѣстамъ, заключились въ подземную обитель Виѳлеемскую: тутъ онѣ употребили вмѣ-

стѣ съ Іеронимомъ всѣ ихъ мірскія стяжанія на бѣдныхъ и отшельниковъ. Назыдаемыя святымъ мужемъ, онѣ перешли въ вѣчность; трогательная картина усопшихъ, матери и дочери, видна надъ ихъ общею гробницею. Самъ Іеронимъ начерталъ надгробную надъ ихъ прахомъ, и тутъ же опочилъ на 82-мъ году отъ рожденія. Тѣло блаженнаго Іеронома было въ послѣдствіи перенесено въ Римъ. Безпрестанная борьба его съ мірскими воспоминаніями поразительно выражена въ одномъ изъ его посланій. Самымъ труднымъ его подвигомъ было побѣдить страсть свою къ древнимъ классикамъ, твореніями которыхъ онъ услаждался почти съ дѣтства. Его назидательныя признанія утѣшительны для человѣка, обуреваемаго соблазнами.

„Я разскажу тебѣ о моихъ несчастіяхъ, пишетъ онъ къ Евстахіи: когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ я разстался съ родительскимъ домомъ, съ родными, съ друзьями, и что еще труднѣе, съ роскошью жизни — для благъ небесныхъ, и безпрестанно борясь, достигъ Іерусалима: я не могъ разстаться съ моею библіотекою, которую я пріобрѣлъ большими стараніями и трудами. И такъ я несчастный послѣ чтенія Цицерона постился. Послѣ ночи, проведенной безъ сна, послѣ слезъ, которыя вырывались изъ глубины сердца моего отъ воспоминанія прошедшихъ грѣховъ моихъ, я бралъ въ руки Плавта. Когда же, пришедъ въ себя, я начиналъ читать Пророковъ, то слогъ ихъ мнѣ казался грубъ и непріятенъ, и хотя отъ слѣпоты глазъ моихъ я не видѣлъ свѣта, я

осуждалъ не глаза мои, — а солнце. Между тѣмъ какъ древній змій такимъ образомъ надо мной надѣвался, — въ половинѣ четыредесятницы, жестокая лихорадка проникла въ составъ моего изнеможеннаго тѣла; лишась совершенно покоя, я такъ изнемогъ, что кожа едва облекала мои кости. Я видѣлъ уже близость моей кончины; почти все тѣло мое охладѣло, и жизненный жаръ трепеталъ только въ груди моей... Вдругъ я перенесенъ былъ духомъ передъ судилище Судій, гдѣ былъ такой свѣтъ и такой блескъ отъ всего окружающаго, что я, упавъ ницъ на землю, не смѣлъ взглянуть. На вопросъ: кто я? — отвѣтствовалъ, что я Христіанинъ. „Лжешь,“ возразилъ тотъ, кто предсѣдалъ въ судѣ, „ты Цицеронянинъ, а не Христіанинъ: гдѣ сокровище твое, тамъ и сердце твое!“ Тутъ я обомлѣлъ, и посреди жестокихъ ударовъ совѣсти, мучительнѣйшихъ пламени огненнаго, я страдалъ, припоминая самъ въ себѣ этотъ стихъ: „Во адѣ, кто исповѣстся тебѣ.“ И я началъ восклицать: „Помилуй мя, Боже! Помилуй мя!“ — Послѣ этого видѣнія Іеронимъ отрекся отъ всего мірскаго и предался изученію Святой Библіи.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Дней моихъ еще весною
Отчій домъ покинулъ я;
Все забыто было мною —
И семейство и друзья!

Въ ризѣ странника убогой,
Съ дѣтской въ сердцѣ простотой,
Я пошелъ путемъ-дорогой —
Вѣра былъ вожатый мой.

И въ надеждѣ, въ увѣреньѣ
Путь казался недалекъ.
Странникъ — слышалось — терпѣнье!
Прямо, прямо на востокъ!

Ты увидишь храмъ чудесной,
Ты въ святилище войдешь;
Тамъ нетлѣнности небесной
Все земное обрѣтешь!

Утро вечеромъ смѣнялось,
Вечеръ утру уступалъ;
Неизвѣстное скрывалось,
Я искалъ — не обрѣталъ.

Тамъ встрѣчались водъ пучины,
Тамъ высокихъ горъ хребты —
Я взбирался на стремнины,
Чрезъ потоки стлалъ мосты.

Вдругъ рѣка передо мною:
Водъ склоненье на востокъ!
Вижу зыблемый струею
Подлѣ берега челнокъ.

Я въ надеждѣ, я въ смятеньѣ
Предаю себя волнамъ —
Счастье вижу въ отдаленьѣ!
Все, что мило, мнится, тамъ!

Ахъ! въ безвѣстномъ океанѣ
Очутился мой челнокъ!
День по прежнему въ туманѣ!
Брегъ невидимъ и далекъ!

И во-вѣки надо мною
Не сольется, какъ поднесь,
Небо свѣтлое съ землею!
Тамъ не будетъ вѣчно здѣсь.

Жуковскій.

РАЗОРЕНІЕ КІЕВА БАТЫЕМЪ.

Уже Батый давно слышалъ о русской древней столицѣ днѣпровской, ея церковныхъ сокровищахъ и богатствѣ людей торговыхъ. Она славилась не только въ Византійской имперіи и въ Германіи, но и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ восточныхъ: ибо арабскіе историки и географы говорятъ объ ней въ своихъ твореніяхъ. Внукъ Чингисхана, именемъ Мангу, былъ посланъ осмотрѣть Кіевъ: увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра, и, по словамъ лѣтописцевъ, не могъ надивиться красотѣ онаго. Живописное положеніе города на крутомъ берегу величественной рѣки, блестящія главы многихъ храмовъ, въ густой зелени садовъ, — высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художествомъ византійскимъ въ счастливые дни великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу не отважился идти за Днѣпръ; сталъ на Трубежѣ, у городка Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ), и хотѣлъ лестію склонить жителей столицы къ подданству. Битва на Калкѣ, на Сити, — пепелъ Рязани, Владиміра, Чернигова и столь многихъ иныхъ городовъ свидѣтельствовали грозную силу Моголовъ; дальнѣйшее упорство казалось безполезнымъ; но честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка. Кіевляне все еще съ гордостію именовали себя старшими и благороднѣйшими сынами Руси: имъ-ли было смиренно преклонить выю и требовать цѣпей, когда другіе Русскіе, гнушаясь уничиженіемъ, охотно гибли въ битвахъ? Кіевляне умертвили пословъ Мангу-хана и кровію ихъ запечатлѣли свой обѣтъ не при-

нимать мира постыднаго. Народъ былъ смѣлѣе князя: Михаилъ Всеволодовичъ, предвидя месть Татаръ, бѣжалъ въ Венгрію, въ слѣдъ за сыномъ своимъ. Внукъ Давида Смоленскаго, Ростиславъ Мстиславичъ, хотѣлъ овладѣть престоломъ кіевскимъ: но знаменитый Даніилъ Галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ Моголовъ: видѣлъ, что храбрость малочисленныхъ войскъ не одолѣетъ столь великой силы, и рѣшился, подобно Михаилу, ѣхать къ королю венгерскому, тогда славному богатствомъ и могуществомъ, въ надеждѣ склонить его къ ревностному содѣйствію противъ сихъ жестокихъ варваровъ. Надлежало оставить въ столицѣ вождя искуснаго и мужественнаго: князь не ошибся въ выборѣ, поручивъ оную боярину Димитрію.

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрипъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ вельблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ. — Димитрій бодрствовалъ и распоряжалъ хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ Татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами монгольскими; что знатнѣйшіе изъ нихъ суть: Гаюкъ (сынъ великаго хана), Мангу, Байдаръ (внуки Чингисхановы), Одру, Каданъ, Судай-Багадуръ, побѣдитель Ніучей Китайскихъ, и Бастырь, завоеватель казанской Болгаріи и княженія суздальскаго. Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася приступомъ къ вратамъ лятскимъ, къ коимъ примыкали дебри: тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и Кіевляне стали грудью противъ своихъ враговъ. Начался бой ужасный: „стрѣлы омрачили воздухъ; копья трещали и ломались;“ мертвыхъ, издыхающихъ попирали ногами. Долго остервененіе не уступало силѣ; но Та-

тары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины русскіе не теряли бодрости; отступили къ церкви Десятинной, и, ночью укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля; а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города; однакожъ не было слова о переговорахъ; никто не думалъ молить Батыя о пощадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ Моголы отдыхали на развалинахъ стѣны: утромъ возобновили оное, и сломили бренную ограду Русскихъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ Св. Владиміра, и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ воеводѣ русскому: „дарую тебѣ жизнь!“ Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества.

Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія, нѣкогда знаменитая столица, мать градовъ русскихъ, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины; въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для Русскихъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости Св. Владиміра? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы русскихъ древнихъ князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ-бы въ знакъ того,

что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и мудрѣйшая... Первое великолѣпное зданіе греческаго зодчества на Руси, храмъ Десятинный былъ сокрушенъ до основанія: послѣ, изъ развалинъ онаго, воздвигли новый, и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго. — Лавра Печерская имѣла туже участь. Благочестивые иноки и граждане, усердные къ святынѣ сего мѣста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его: Моголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища, и, снявъ златокованный крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими. Если вѣрить лѣтописцамъ XVII вѣка, то первобытное строеніе Лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они-же повѣствуютъ, что нѣкоторые иноки печерскіе укрылись отъ меча Батыева и жили въ лѣсахъ; что среди развалинъ монастыря уцѣлѣлъ одинъ малый придѣлъ, куда сіи пустынники собирались иногда отправлять службу божественную, извѣщаемые о томъ унылымъ и протяжнымъ звономъ колокола.

Состояніе Руси было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы русскіе, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большой части народа, прибавляютъ: „Батый какъ лютый звѣрь пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе князья русскіе пали въ битвахъ; другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ, искали заступниковъ между иновѣрными, и не находили; славились прежде богатствомъ, и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ глазами растоптанныхъ конями татарскими. Жены боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшенныя златыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженныя толпою слугъ, сдѣлались рабами варваровъ, носили воду для ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣлыя руки свои опаляли надъ очагомъ,

готовя пищу невѣрнымъ... Живые завидовали спокойствію мертвыхъ.“ Однимъ словомъ, Русь испытала тогда всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою Имперіею отъ временъ Ѳеодосія Великаго до седьмаго вѣка, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области. Варвары дѣйствуютъ по однимъ правиламъ, и разинствуютъ между собою только въ силѣ.

Карамзинъ.

ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

Куда мнѣ головушку склонить?
Покинутъ я и сиръ:
Хотѣлъ-бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ;
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Сады веселыхъ богачей
И нивы ихъ кругомъ...
Моя-жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь;
Моя печаль въ тиши;
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать:
Богъ помочь! отъ души.

О щедрый Богъ, не вовсе-жъ я
Тобою позабыть;
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтаремъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна;
Любуюсь на зарю,
И, слыша благовѣсть, съ Тобой,
Создатель, говорю.
И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я;
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

Жуковскій.

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ И ХЛАДНОКРОВНЫЙ.

Эрастъ и Леонидъ учились въ одномъ пансіонѣ и рано сдѣлались друзьями. Первый могъ назваться красавцемъ: второй обращалъ на себя вниманіе людей отмѣнно умнымъ лицемъ. Въ первомъ, съ самаго младенчества обнаруживалась рѣдкая чувствительность; второй, казалось, родился благоразумнымъ. Эрастъ удивлялъ своимъ понятіемъ, Леонидъ прилежаніемъ. Казалось, что первый не учится, а только воспоминаетъ старое; второй же никогда не забывалъ того, что узналъ однажды. Первый, отъ излишней надежности на себя откладывая всякое дѣло до послѣдней минуты, иногда не выучивалъ урока: второй зналъ его всегда заблаговременно, все еще твердилъ и не вѣрилъ своей памяти. Эрастъ дѣлалъ иногда маленькія проказы, ссорился съ товарищами и не рѣдко заслуживалъ наказаніе; но всѣ его любили. Леонидъ велъ себя тихо, примѣрно и не оскорблялъ никого, но его только хвалили. Одного считали искреннимъ, добродушнымъ: таковъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Другаго подозрѣ-

вали въ хитрости и даже въ лукавствѣ: но онъ былъ только остороженъ. Ихъ взаимная дружба казалась чудною: столь были они несходны характерами! Но сія дружба основывалась на самомъ различіи свойствъ. Эрастъ имѣлъ нужду въ благоразуміи, Леонидъ въ живости мыслей, которая для его души имѣла прелесть удивительнаго. Чувствутельность одного требовала сообщенія; равнодушіе и холодность другаго искали занятія. Когда сердце и воображеніе пылаютъ въ человѣкѣ, онъ любитъ говорить; когда душа безъ дѣйствія, онъ слушаетъ съ удовольствіемъ. Эрастъ еще въ дѣтствѣ плѣнялся романами, поэзіею, а въ исторіи болѣе всего любилъ чрезвычайности, примѣры геройства и великодушія. Леонидъ не понималъ, какъ можно заниматься небылицами, то есть романами! Стихотворство казалось ему трудною и безполезною игрою ума, а стихотворцы людьми, которые хотятъ прытко бѣгать въ кандалахъ. Онъ читалъ исторію съ великою прилежностію, но единственно для того, чтобы знать ее; не для внутренняго наслажденія, но какъ вокабулы или грамматику. Мудрено ли, что мнѣнія друзей о герояхъ ея были несогласны? Эрастъ превозносилъ до небесъ великодушіе и храбрость Александра: Леонидъ называлъ его отважнымъ безумцемъ. Первый говорилъ: онъ побѣдилъ вселенную! Второй отвѣтствовалъ: не зная, для чего! Эрастъ обожалъ Катона, добродѣтельнаго самоубійцу: Леонидъ считалъ его помѣшаннымъ гордецомъ. Эрастъ восхищался бурными временами греческой и римской сво-

боды: Леонидъ думалъ, что свобода есть зло, когда она не даетъ людямъ жить спокойно. Эрастъ вѣрилъ въ исторіи всему чрезвычайному: Леонидъ сомнѣвался во всемъ, что не было согласно съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей. Одинъ спрашивался съ воображеніемъ пылкимъ, а другой съ флегматическимъ своимъ характеромъ.

Какъ мнѣнія, такъ и поступки нашихъ друзей были различны. Однажды домъ, гдѣ они учились и жили, загорѣлся ночью: Эрастъ вскочилъ съ постели неодѣтый, разбудилъ Леонида и другихъ пансіонеровъ, тушилъ огонь, спасалъ драгоцѣнныя вещи своего профессора и не думалъ о собственныхъ. Домъ сгорѣлъ, и Эрастъ, обнимая друга, сказалъ съ великодушнымъ чувствомъ: „я всего лишился; но въ общихъ бѣдствіяхъ хорошо забывать себя“ . . . „Очень дурно,“ отвѣчалъ Леонидъ съ хладнокровіемъ: „человѣкъ созданъ думать сперва о „себѣ, а такъ о другихъ; иначе нельзя стоять „свѣту. Хорошо, что мнѣ удалось поправить „твою безразсудность: я спасъ и сундуки и „книги наши.“ Такъ Леонидъ мыслилъ и поступалъ на шестнадцатомъ году жизни. — Въ другой разъ они шли по берегу рѣки: въ глазахъ ихъ мальчикъ упалъ съ мосту. Эрастъ ахнулъ и бросился въ воду. Леонидъ хотѣлъ удержать его, но не успѣлъ; однакожъ не потерялъ головы, даже не закричалъ, а только изо всей силы пустился бѣжать къ рыбакамъ, которые вдали расправляли сѣти, — бросилъ имъ рубль и велѣлъ спасти Эраста, который уже тонулъ.

Рыбаки чрезъ пять минуть вытащили его вмѣстѣ съ мальчикомъ. Леонидъ бранилъ своего друга: называлъ глупцемъ, безумнымъ; однакожъ плакалъ... Рѣдкая чувствительность холодныхъ людей бываетъ тѣмъ замѣтнѣе и трогательнѣе. Эрастъ цѣловалъ его и восклицалъ: я жертвовалъ собою для спасенія человѣка, обязанъ жизнію другу и вижу слезы его: какое счастіе!

Они въ одно время оставили пансіонъ и вмѣстѣ отправились въ армію. Эрастъ твердилъ: надобно искать славы! Леонидъ говорилъ: долгъ велитъ служить дворянину... Первый бросался въ опасности — другой шелъ, куда посылали его. Первый, отъ излишней запальчивости, скоро попался въ плѣнъ къ непріятелю; другой заслужилъ имя хладнокровнаго, благоразумнаго офицера, и крестъ Георгія при концѣ войны. Миръ освободилъ Эраста... Какъ искренно радовался онъ возвышенію друга, который далеко опередилъ его въ чинахъ воинскихъ! Ни малѣйшая тѣнь зависти не омрачила его добраго, чистаго сердца, — Оба вмѣстѣ перешли они въ гражданскую службу. Леонидъ занялъ мѣсто совсѣмъ не блестящее и трудное: Эрастъ вступилъ въ канцелярію знатнѣйшаго вельможи, надѣясь своими талантами заслужить его вниманіе и скоро играть великую роль въ государствѣ. Но для успѣховъ честолюбія нужны гибкость, постоянство, холодность, терпѣніе: Эрастъ же не имѣлъ ни котораго изъ сихъ необходимыхъ свойствъ. Онъ писалъ хорошо; но, вручая бумагу министру, гордымъ взоромъ не просилъ

снисходительнаго одобренія, а требовалъ справедливой хвалы; не боялся досадить ему: боялся только предъ нимъ унизится. „Пусть онъ знаетъ — говорилъ Эрастъ Леониду — что я служу государству, а не ему, и соглашаюсь на время трудиться въ неизвѣстности, чтобы стать нѣкогда на ту степень, которая достойна благороднаго честолюбія, и на которой дѣла мои будутъ славны въ отечествѣ!....“ Любезный другъ! отвѣчалъ Леонидъ: никакіе таланты не возвысятъ человѣка въ государствѣ безъ угожденія людямъ; если не хочешь служить имъ, то они не дадутъ тебѣ способа служить и самому отечеству. Не презирай нижнихъ ступеней лѣстницы: онѣ ведутъ къ верхней. Искусный честолюбецъ только изрѣдка взглядываетъ на отдаленную цѣль свою, но безпрестанно смотритъ себѣ подъ ноги, чтобы идти къ ней вѣрно и не оступиться.... Сей медленный, благоразумный ходъ не могъ нравиться пылкому Эрасту. Иногда онъ работалъ съ удивительнымъ прилежаніемъ; иногда, утомленный дѣлами, искалъ отдохновенія въ свѣтскихъ разсѣяніяхъ. Но сей опасный, мнимый отдыхъ мало по малу обратился для него въ главное дѣло жизни. Эрастъ былъ молодъ, прекрасенъ, уменъ и богатъ: сколько правъ наслаждаться свѣтомъ! Онъ сократилъ вечера для работы, чтобы продлить ихъ для удовольствій общество. Къ чести его скажемъ, что онъ, забывая должность, стыдился внутренно своей неисправности; однакожъ не хотѣлъ сносить ни малѣйшихъ выговоровъ, и всякій разъ отвѣчалъ на нихъ требованіемъ отставки. Ми-

нистръ его былъ человѣкъ добрый и разсудительный, но человѣкъ: онъ вышелъ изъ терпѣнія — и Эрастъ сдѣлался наконецъ свободнымъ, то есть празднымъ.

„Поздравъ меня съ любезною вольностію!“ сказалъ онъ Леониду, вбѣжавъ въ кабинетъ къ нему: „мнѣ запретили быть полезнымъ государству: никто не запретитъ мнѣ быть счастливымъ.“ Леонидъ пожалъ плечами, и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ другу: „жалѣю о тебѣ! Человѣку въ двадцать пять лѣтъ не позволено жить для одного удовольствія.“

Карамзинъ.

СКУПОЙ.

Лицо его (Плюшкина) не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки еще не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ, или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, подвязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстухъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣ-

тилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ; ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяща слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другаго столько хлѣба зерномъ, мукою и, просто, въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда неупотреблявшейся, — ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свой хозяйственные запасы и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкольники, куда бабы кладутъ свои мочки, и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему — старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, — все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. „Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту!“ говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ,

послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору — шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все конечно: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ на бюро, или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ, былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости! Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо,, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражалась въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ видѣнъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостью было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка, славилась хлѣбосольствомъ; на встрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя Француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ, или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яица, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ

хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе.

Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и, чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ-будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ остались только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту: мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ замѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ея не выпилъ, да гдѣ лежало перышко, или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ

собирался по прежнему: столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія; но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слова: добродѣтель и рѣдкія свойства души можно съ успѣхомъ замѣнить словами: экономія и порядокъ; и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, можно бы было привести иную, личшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы, ибо зубовъ не было, — что именно, неизвѣстно, но, вѣроятно, смыслъ былъ таковъ: „А побралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ!“ Но такъ какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу, что скряга не въ силахъ преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятнѣе: „Прошу покорнѣйше садиться! Я давненько не вижу гостей,“ сказалъ онъ, „да признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то упущенія . . . . да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у

меня низкая, прескверная, и труба то совсѣмъ развалилась — начнешь топить, еще пожару надѣлаешь.“

„Вонъ оно какъ!“ подумалъ про-себя Чичиковъ: „хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ вотрушку, да ломоть бараньяго бока.“

„И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ!“ продолжалъ Плюшкинъ. „Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ .... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по-міру!“

„Мнѣ, однакоже, сказывали,“ скромно замѣтилъ Чичиковъ, „что у васъ болѣе тысячи душъ.“

„А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ: видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ баютъ — тысячи душъ, а подитка сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный кушъ мужиковъ.“

Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: „Эй, Прошка!“ Черезъ минуту было слышно, кто-то вбѣжалъ въ-попыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій призываемый въ барскіе покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время, и особенно, когда по утрамъ начинаются

маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

„Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа! сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лицо Прошки. „Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что-нибудь положить — мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ, скажи, чего?“ Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. „Поставь самоваръ, — слышишь? да вотъ возьми ключь, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, *) — что бы подала его къ чаю!... Постой, куда же ты? дурачина! эхва, дурачина!... Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется?... Ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху, чай, испортился, такъ пусть соскоблитъ его ножомъ да крохъ не бросаетъ; а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую; не то — я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! попробуй-ка пойти въ кладовую, и я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть. — Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять,“ продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ, могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду! Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на до-

---

*) Дочь Плюшкина.

отѣ — не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: Здѣсь погребенъ человѣкъ; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

Гоголь.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремля, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой старый воинъ,
Закаленъ въ бою:
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь, будетъ время,
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя,
И возмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью....
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой;
Провожать тебя я выду —
Ты махнешь рукой . . . .
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю . . . .
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою . . . .
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки баю.

Лермонтовъ.

ПЕТРЪ I.

(Изъ Хрестоматіи Галахова.)

Императоръ Петръ I. былъ феноменъ своего вѣка. Физическія и нравственныя его свойства, добродѣтели и недостатки, занятія его по дѣламъ государственнымъ и частнымъ, которымъ

онъ посвящалъ часы досуга, все въ немъ являетъ что-то необыкновенное, носитъ на себѣ отпечатокъ какого-то неизъяснимаго величія, безпокойной, никогда неустающей дѣятельности, которыя не могутъ не возбудить удивленія.

Начинаю описаніемъ его наружности. Петръ Первый былъ слишкомъ 2 аршинъ 11 вершковъ, и столько отличался ростомъ отъ другихъ, что во время пребыванія его въ Голландіи, въ Заандамѣ, жены корабельщиковъ, работавшихъ на тамошней верфи, унимали дѣтей своихъ отъ шалостей, грозя гнѣвомъ высокаго плотника изъ Московіи. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лице круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, королемъ польскимъ, въ биржѣ въ 1701 году, онъ велѣлъ подать себѣ штуку сукна, и, бросивъ вверхъ, кортикомъ прорубилъ оную на воздухѣ. Въ другой разъ, сидя съ нимъ-же за ужиномъ, онъ свертывалъ въ трубку по двѣ серебряныя тарелки вдругъ, и потомъ между ладонями сплющилъ большую серебряную же чашу. Въ Амстердамѣ, въ 1697 году, въ довольно сильный вѣтеръ, останавливалъ рукою мельничныя крылья, чтобъ лучше разсмотрѣть механизмъ нѣкоторыхъ частей. Походка его, обыкновенно скорая, дѣлалась еще скорѣе, когда онъ занятъ былъ какою-нибудь мыслію или увле-

кался разговоромъ. Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся въ то время при россійскомъ дворѣ, а именно цесарскій посолъ графъ Кинскій, довольно толстый мужчина, говаривалъ, что онъ согласится лучше выдержать нѣсколько сраженій, нежели пробыть у царя два часа на переговорахъ; ибо долженъ былъ, при всей тучности тѣла, бѣгать за нимъ во все это время.

Петръ любилъ веселиться въ обществахъ, на праздникахъ, которые давались ему въ честь; любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность; но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣтомъ черный бархатный картузъ или треугольная поярковая шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Серикова, тафтяные камзолъ и нижнее платье, цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными или стальными пряжками. Зимою тотъ же нарядъ, кромѣ того, что вмѣсто бархатнаго картуза носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ, вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой изъ красной матеріи, въ коемъ переднія полы подбиты были соболями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ, и, вмѣсто кожаныхъ башмаковъ, родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ. Царь не охотно разставался съ сею простотою, и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ въ молодость Людовика XV. пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ составляли отличительную

черту людей лучшаго общества. Пріѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ: ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій, съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣрѣ прежняго своего парика, такъ что онъ едва только прикрывалъ волосы. Нарядъ его, состоящій изъ кафтана безъ галуновъ, манишки безъ манжетъ, короткаго парика, шляпы безъ перьевъ и черной кожаной портупеи черезъ плечо, до того отличался отъ прочихъ, что, спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда его изъ Франціи, оный вошелъ у Парижанъ въ моду подъ названіемъ: habit du tzar. Были однакожъ дни, въ которые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностію: такъ напримѣръ, при спускахъ кораблей, Петръ встрѣчалъ гостей, всходившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ, шитомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи императрицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродетуровый кафтанъ, шитый серебромъ самою Государынею. Когда она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руки, и, взглянувъ на шитье, тряхнулъ имъ, отъ чего нѣсколько канители осыпалось на полъ: „Смотри, Катенька,“ сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки, „слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, — а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата.“

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до его собственности; и могъ-ли онъ жить расточительно, имѣя для

своихъ расходовъ не болѣе 969 душъ въ новгородской губерніи? Въ первое путешествіе свое по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито съ небольшою свитою въ Нимвегенъ, онъ остановился въ трактирѣ и потребовалъ ужинать. Ему дали 12 яицъ, сыру, масла и двѣ бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщикъ, вѣроятно узнавъ, кто былъ его гость, запросилъ сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему Шепелеву заплатить сіи деньги, но не могъ забыть этой издержки, и, угощая въ Петербургѣ пріѣзжавшихъ на судахъ Голландцевъ, всякій разъ почти съ упреками напоминалъ имъ о корыстолюбіи нимвегенскаго трактирщика. „Мнѣ мотать не изъ чего“, говаривалъ онъ въ другое время; жалованья заслуженнаго у меня немного, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно: я долженъ отдать въ нихъ отчетъ Богу.“ Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самымъ заплатанныхъ, и чулкахъ, штопанныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье, и въ 1723 году давалъ персидскому послу Измаилъ-Бегу отпускную аудіенцію въ томъ самомъ голубомъ кафтанѣ, съ серебряными нашивками по борту, въ которомъ 1717 года явился въ первый разъ къ французскому королю Людовику XV.

Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной выкрашенной въ красную краску одноколкѣ, на низкихъ колесахъ, парою; зимою въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя деньщиками — однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ. Одинъ

только разъ 25 мая 1723 года удивилъ онъ петербургскихъ жителей необыкновенною пышностію. Увидѣли его окруженнаго отрядомъ гвардіи, въ выложенномъ краснымъ бархатомъ длинномъ фаэтонѣ тогдашняго вкуса, цугомъ, съ лакеями позади въ ливреѣ. Онъ поѣхалъ за городъ на встрѣчу князю Гр. Ѳед. Долгорукову и графу А. Г. Головкину, которые, пробывъ около 15 лѣтъ въ званіи посланниковъ при разныхъ иностранныхъ дворахъ, возвращались въ Россію просвѣщенными Европейцами. Петръ, остановившись въ 4-хъ верстахъ отъ города, ждалъ ихъ около четверти часа. Когда они подъѣхали, посадилъ къ себѣ въ фаэтонъ, провезъ по главнымъ улицамъ столицы во дворецъ, куда созваны были знатнѣйшія особы, и тутъ передъ всѣми изъявилъ имъ свое благоволеніе, принесъ новую дань уваженія ихъ познаніямъ и утонченной образованности.

Та-же простота, какую наблюдалъ царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи. Указомъ отъ 30-го декабря 1701 года обыкновеніе предковъ повергаться на землю или падать на колѣни при встрѣчѣ съ царствующими особами было замѣнено поклономъ. Бывало, если на улицѣ кто-нибудь изъ проходящихъ, поклонившись, останавливался передъ Государемъ, онъ подходилъ къ нему, и, взявъ за кафтанъ, спрашивалъ: „чего ты?“ и если тотъ отвѣчалъ ему, что остановился изъ уваженія къ его особѣ: „эхъ, братъ,“ продолжалъ Петръ, ударивъ его по головѣ: „у тебя свои дѣла, у меня мои; ступай своей дорогой.“

Въ Петербургѣ Царь былъ тоже, что отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, при чемъ родильницамъ давалъ на зубокъ, при поцѣлуѣ въ голову, по рублю серебромъ; пировалъ съ другими; плясалъ на свадьбѣ у такого-то, и ходилъ за гробомъ у инаго. Случалось-ли ему имѣть къ кому-нибудь дѣло, вельможѣ, купцу или ремесленнику, онъ часто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ дубинки, отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ; приказывалъ подавать себѣ тоже, что подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ чиновъ. Онъ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ, въ немногихъ словахъ говорилъ много, и любилъ изъясняться аллегоріями. Считалъ Эзопа однимъ изъ величайшихъ философовъ въ свѣтѣ и часто въ отвѣтъ на длинныя разсужденія прочитывалъ одну изъ его басенъ. Отправляясь въ походъ противъ Турокъ въ 1711 году, просилъ онъ содѣйствія у римскаго императора Карла VI, который подавалъ въ томъ надежду царю, но не обѣщалъ ничего положительнаго. Когда походъ подъ Прутомъ былъ конченъ, императорскій посолъ встрѣтилъ Петра въ одномъ мѣстечкѣ въ Польшѣ, поздравляя его отъ имени своего государя съ тѣмъ, что онъ такъ счастливо избавился отъ опасности. Петръ, выслушавъ посланника весьма хладнокровно, спро-

силъ у него, знаетъ ли онъ по латини? и послѣ утвердительнаго отвѣта, взявъ со стола Эзопа, пріискалъ ему басню о Козлѣ и Лисицѣ, сошедшихся у колодца, подалъ ее посланнику, и, сказалъ ему: „теперь желаю вамъ доброй ночи“, вышелъ изъ комнаты. Часто видали его на улицахъ идущимъ подъ руку съ честнымъ фабрикантомъ или иноземнымъ матросомъ, — иногда бродящимъ въ толпѣ, прислушиваясь къ молвѣ народной.

Но обращаясь открыто со всѣми, онъ того-же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто вздумалъ-бы въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ позволить себѣ малѣйшую ложь. „За признаніе прощеніе; за утайку нѣтъ помилованія“, повторялъ онъ часто, „лучше грѣхъ явный, нежели тайный.“

Онъ любилъ правду даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы другому показаться оскорбительною. „Князь Яковъ въ сенатѣ,“ отзывался онъ о Долгорукомъ, „прямой помощникъ. Онъ судитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ; безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лице.“

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, царь жилъ лѣтомъ во дворцѣ лѣтняго сада, зимою въ Зимнемъ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Эрмитажъ. Онъ ложился въ 10 часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ три утра, и ходилъ часъ по комнатѣ; читалъ въ это время С.-Петербургскія вѣдомости, которымъ иногда самъ держалъ корректуру, или пересматривалъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣлан-

ные по его повелѣнію. Петръ зналъ хорошо по латини, по нѣмецки и по голландски, и понималъ французскій языкъ, хотя и не могъ на немъ изъясняться. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотренною самымъ Государемъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и кофе, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся, съ тростію въ одной и записною книжкою въ другой рукѣ, смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, или въ Адмиралтейство. Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Петербургъ бранденбургскому посланнику фонъ Принцу пріемную аудіенцію въ 4 часа утра. Аудіенція сія была вѣрно единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, не полагая, чтобъ Государь вставалъ такъ рано, думалъ, что не опоздаетъ, явившись во дворцѣ въ пять; но уже не засталъ Петра. Онъ былъ на верфи и работалъ на марсѣ какого-то военнаго корабля. Фонъ Принцъ, имѣвшій важныя порученія и не могшій вступить въ переговоры съ русскими министрами, не видавъ царя, принужденъ былъ отправиться въ слѣдъ за нимъ въ Адмиралтейство. „Пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ въ аудіенц-залѣ", сказалъ Петръ, когда ему доложили о пріѣздѣ. Посланникъ принужденъ былъ по веревочной лѣстницѣ взобраться на гротъ-мачту и Государь, сѣвъ на бревно, принялъ отъ него вѣрющую грамоту и обыкновенныя при

подобныхъ случаяхъ привѣтствія, подъ открытымъ небомъ, на корабельномъ марсѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ сенатъ или которую-нибудь изъ коллегій, и оставался тамъ до одинадцати; слушалъ дѣла и споры сенаторовъ, излагалъ свои мнѣнія, надписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при семъ случаѣ достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ-бы сдѣлать въ четыре. За то Государь умѣлъ и беречь время. Это примѣтно въ его разговорахъ, указахъ, письмахъ и во всемъ, что выходило изъ подъ его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣе многословія. 6 марта 1711 года, отправляясь въ Прутскій походъ, написалъ онъ о совершенно разныхъ предметахъ 32 собственноручныхъ указа въ сенатъ, изъ коихъ ни одинъ не занималъ болѣе четырехъ строкъ. Въ 11 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ сената, при чемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудни назначенно было для пріема просителей. Государь давалъ имъ аудіенцію въ средней галлереѣ лѣтняго сада, построенной на берегу Невы, или въ хорошую погоду въ главной аллеѣ. Туда могъ приходить всякій — и богатый и неимущій, и знатный вельможа и человѣкъ простага званія. Петръ отбиралъ у просителей просьбы, выслушивалъ ихъ жалобы и немедленно давалъ свои рѣшенія. Въ 12 часовъ ворота лѣтняго сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ

своемъ семействѣ. Чтобъ кушанья не простывали, столовая его была обыкновенно рядомъ съ кухнею; поваръ передавалъ въ первую блюда прямо изъ печи, черезъ окошечко, всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой редисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка въ кисломъ соусѣ, который приправлялся лукомъ съ огурцами или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ. Мозельскія, венгерскія вина и вино эрмитажъ предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ. У прибора его клались всегда — деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ, вилка съ зелеными костяными черенками; и дежурному деньщику вмѣнялось въ обязанность носить ихъ съ собою и класть предъ царемъ, если даже ему случалось обѣдать въ гостяхъ.

Петръ не терпѣлъ многочисленной услуги, и вообще называлъ лакеевъ шпіонами, которые худо слышатъ, а еще хуже разсказываютъ слышанное. Дежурный деньщикъ служилъ Государю, императрицѣ и великимъ княжнамъ. Онъ находился при царѣ безотлучно днемъ и ночью: былъ довѣренною его особою, и занималъ мѣсто камердинера, адъютанта, секретаря. Вообще Петръ ѣлъ мало, не былъ разборчивъ въ пищѣ, и не терпѣлъ причудъ въ другихъ.

Откушавъ, обыкновенно читалъ голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашемъ, съ означеніемъ что должно переводить въ С.-Петербургскія вѣдомости; потомъ уходилъ на свою яхту, стоявшую передъ дворцемъ,

ложился тутъ и отдыхалъ часъ или два. Иногда во время торжественныхъ обѣдовъ, онъ для этого вставалъ изъ-за стола, приказавъ однакожъ гостямъ не расходиться прежде его возвращенія. Въ четыре часа уходилъ онъ въ токарную или въ кабинетъ; сюда приходили къ нему по дѣламъ: канцлеръ графъ Головинъ, вицеканцлеръ баронъ Шафировъ и Т. С. Остерманъ, генералъ-прокуроръ Ягушинскій, генералъ-фельдцейгмейстеръ графъ Брюсъ, графъ П. А. Толстой, сенаторъ Я. Ѳ. Долгорукій, князь Меншиковъ, генералъ-полицмейстеръ Девіеръ, или другой кто-нибудь изъ его министровъ. Одни только — князь Ромодановскій и фельдмаршалъ Шереметевъ могли входить безъ доклада; ихъ однихъ Государь всегда провожалъ до двери кабинета; всѣ прочіе, даже сама императрица Екатерина Алексѣевна, должны были напередъ сказаться. Окончивъ дѣла государственныя, Петръ развертывалъ свою записную книжку, въ которой отмѣчалъ все, что ему приходило въ тотъ день на мысль, и удостовѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время дня посвящалъ собственнымъ занятіямъ.

Ничто не поселитъ въ насъ столько уваженія къ памяти Петра, сколько сіи занятія, предпринимаемыя безъ свидѣтелей, или иногда въ мирномъ кругу немногихъ, искренно преданныхъ царю особъ, раздѣлявшихъ съ нимъ его труды. По дѣятельности Петра, по его любви ко всему полезному, вы можете судить, сколько занятія сіи были разнообразны: но, не смотря на это разнообразіе, всѣ имѣли одну, постоян-

ную, неизмѣнную цѣль. Хотите-ли знать ее? „Трудиться надобно, братецъ“, говорилъ Петръ Ив. Ив. Неплюеву, когда опредѣлялъ его лейтенантомъ во флотъ; „я и царь вашъ, а у меня „на рукахъ мозоли, а все для того, чтобъ по„казать вамъ примѣръ, и хотя-бъ подъ старость „увидѣть мнѣ достойныхъ изъ васъ помощни„ковъ и слугъ отечеству.“

Площадь, извѣстная нынѣ подъ именемъ Царицына луга, усажена была во время Петра деревьями въ нѣсколько аллей. Между деревьями разбросаны были небольшіе домики съ тесовыми крышками, принадлежавшіе собственно Петру. Въ одномъ изъ нихъ содержался слонъ и два льва, привезенные въ Петербургъ, въ 1714 году, изъ Персіи тамошнимъ русскимъ посланникомъ Волынскимъ; въ другомъ поставленъ былъ славный готторпскій глобусъ, имѣвшій до 14 футовъ въ діаметрѣ и подаренный Петру Первому, въ 1715 г., правителемъ герцогства голштинскаго; въ третьемъ домикѣ находились математическіе инструменты, нѣсколько минераловъ, небольшой физическій и анатомическій кабинеты. Тутъ въ одномъ углу стоялъ токарный станокъ; въ другомъ лежали мѣдныя доски, съ приборомъ для рѣзанія на мѣди и гравированія; въ третьемъ модели различныхъ машинъ; на полу разбросаны были орудія, необходимыя для плотника, столяра, слесаря. Здѣсь послѣ краткаго отдохновенія отъ дневныхъ трудовъ, Государь проводилъ почти ежедневно по нѣскольку часовъ за работою.

Море было любимою стихіею Петра. Одинъ

голландскій шкиперъ сказалъ ему, когда Государь объявилъ, что предпринимаетъ катанья по Невѣ, чтобы не забыть морскихъ эволюцій: „нѣтъ, царь, ты не забудешь: я чаю, ты и во снѣ командуешь флотомъ.“ Всѣ его дворцы въ Петербургѣ и окрестностяхъ или построены на морскомъ берегу или окружены каналами, надъ которыми онъ частію самъ трудился. Онъ утверждалъ, что морской воздухъ есть лучшее для него лекарство отъ болѣзней; и если случалось ему занемогать въ приморскомъ городѣ; то приказывалъ переносить себя на одно изъ судовъ, стоявшихъ въ гавани. Въ Петергофѣ онъ говаривалъ, что ему душно во дворцѣ и въ садахъ, и всегда ночевалъ въ Монплезирѣ, омываемомъ водами Финскаго залива. Домикъ сей, построенный на голландскій образецъ, напоминалъ ему время его молодости, его воспитанія: на стѣнахъ развѣшаны были картины работы Адама Сило, учителя его въ теоріи кораблестроенія; онѣ представляли виды голландскихъ приморскихъ городовъ, и между прочимъ на одной изображенъ былъ самъ царь на верфи ост-индской компаніи въ Амстердамѣ. Движимый сею страстію къ морю, Петръ всегда присутствовалъ при спускахъ кораблей, проводилъ по нѣсколько часовъ съ зрительною трубою въ Монплезирѣ или въ Екатерингофскомъ подзорномъ дворѣ, ожидая прибытія купеческихъ судовъ къ Петербургу, выѣзжалъ навстрѣчу тѣмъ, которые приходили къ Кронштату, и самъ, какъ искусный лоцманъ, вводилъ ихъ въ гавань, за что получалъ отъ хозяевъ по талеру или по кронѣ.

Онъ позволялъ иноземнымъ шкиперамъ свободный къ себѣ доступъ: охотно слушалъ разсказы объ ихъ путешествіяхъ, объ опасностяхъ плаванія по Балтійскому морю, и не разъ, за кружкою вина, съ глиняною трубкою въ зубахъ, проводилъ цѣлые вечера въ таковыхъ бесѣдахъ. Долго находившись въ Голландіи, Государь свелъ тамъ знакомство съ многими корабельщиками: они привозили ему въ подарокъ сыръ, императрицѣ полотно, и пряники для малолѣтныхъ Великихъ Князей Петра Петровича и Петра Алексѣевича. Царь съ своей стороны заботился о томъ, чтобъ имъ въ Петербургѣ доставить всевозможное удовольствіе.

Занимаясь утромъ на адмиралтейской верфи практикою кораблестроенія, онъ вечеромъ трудился надъ теоріею: перечитывалъ съ капитанъ-лейтнантомъ Мухановымъ составленныя симъ послѣднимъ правила навигаціи; чертилъ на бумагѣ изображенія различныхъ судовъ; сравнивалъ ихъ размѣры; вычислялъ степень сопротивленія воды и глубины, потребной для разнаго рода кораблей. Ѳ. А. Мухановъ учился въ чужихъ краяхъ, вмѣстѣ съ Петромъ, мореходному искуству, и столько успѣлъ въ ономъ, что прозванъ былъ русскимъ Голландцемъ. Петръ говаривалъ, что онъ лучше понимаетъ оснастку корабля; но въ наукахъ, которыя нужны для моряка, уступаетъ преимущество Ѳедору. Однажды, когда они перечитывали вмѣстѣ навигацію сего послѣдняго, вышелъ у нихъ споръ, который положено было рѣшить на морѣ. Мухановъ командовалъ 50 пушечнымъ фрегатомъ Арон-

дель. Въ назначенный для состязанія день приглашены были на корабль всѣ флагманы и нѣкоторые знатнѣйшіе вельможи. Русскій Голландецъ одержалъ верхъ, и Петръ въ благодарность подарилъ корабль образомъ Спаса, а въ память того, что почевалъ въ тотъ день въ каютѣ Муханова, отдалъ ему съ себя рубашку.

Я никогда не кончилъ бы, еслибы захотѣлъ исчислять всѣ роды упражненій Императора Петра I., если-бы вздумалъ подробно разсказывать, какъ онъ ткалъ въ Утрехтѣ на фабрикахъ Моллема полотно, ковалъ желѣзо на заводѣ Миллера, неподалеку отъ Истецкихъ минеральныхъ водъ, и бралъ за пудъ по алтыну, какъ работалъ у разныхъ слесарей, стекольщиковъ, и п. Довольно, если скажу, что не было науки, не было ремесла, которыми-бы онъ не занимался, или, по крайней мѣрѣ, о коихъ не имѣлъ-бы яснаго понятія. Здѣсь упомяну еще о занятіяхъ, которымъ онъ особенно посвящалъ свои досуги въ послѣдніе годы своей жизни, а именно о токарномъ искуствѣ и о вырѣзываніи на мѣди.

Токарное искуство любилъ онь столько, что въ каждомъ изъ дворцевъ своихъ имѣлъ особенную комнату съ токарнымъ станкомъ и даже возилъ его съ собою въ дорогѣ. Токарную комнату Государь называлъ мѣстомъ отдыха, и чтобъ избавиться отъ безпокойныхъ посѣтителей, прибилъ къ дверямъ слѣдующую собственноручную надпись: „кому не приказано, или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не только посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы

хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное.“ Здѣсь производились всѣ государственныя тайны; здѣсь, вручая инструкцію отправляемымъ за границу посламъ, Петръ давалъ имъ прощальный поцѣлуй въ голову; здѣсь изливалъ онъ милости на достойныхъ, и хозяйски наказывалъ виновныхъ. Если случалось кому-нибудь изъ знатнѣйшихъ вельможъ провиниться въ важномъ дѣлѣ, а особенно въ лихоимствѣ, онъ, выславъ всѣхъ изъ комнаты, призывалъ его къ себѣ, запиралъ двери и наказывалъ дубинкою изъ своихъ рукъ, говоря, что поступаетъ въ семъ случаѣ не какъ императоръ съ подданными, а какъ отецъ съ дѣтьми, которыхъ надобно исправлять. Никто не зналъ никогда о семъ исправленіи: потерпѣвшій наказаніе выходилъ изъ токарной съ веселымъ лицемъ, и Государь, который вовсе не былъ злопамятенъ, чтобъ не дать постороннимъ примѣтить происходившаго, или провожалъ исправленнаго до двери, или приглашалъ его къ себѣ, или самъ отправлялся къ нему посидѣть, и обходился съ нимъ, какъ будто-бы ничего не бывало.

Предметы для вырѣзыванія на мѣди были: Государь изображалъ на оной достопамятные случаи своего царствованія. Вообще Петръ чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ, и гордился ими, потому что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ; охотно разсказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и на морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о

томъ времени, когда онъ, въ 1716 году, командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: англійскимъ, голландскимъ, датскимъ и россійскимъ. Обыкновенно былъ онъ молчаливъ, говорилъ отрывисто, изъяснялся коротко: тутъ румянецъ выступалъ на блѣдное лице, въ глазахъ блистали радостныя слезы, слова лились рѣкою и одна мысль быстро смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, которыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечты о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи! Какъ сильно опровергалъ пристрастныя сужденія иностранцевъ, называвшихъ его жестокимъ, варваромъ! Онъ любилъ изображать себя въ видѣ каменьщика, обтесывающаго молотомъ обрубокъ мрамора, до половины обдѣланный, или кормщика, проведшаго челнъ чрезъ бурю и уже близкаго къ благополучной пристани, цѣли постоянныхъ его трудовъ и пламенныхъ желаній. Самъ изобрѣталъ и вырѣзывалъ большую часть медалей, при немъ вычеканенныхъ, и всегда составлялъ прозрачныя картины фейерверковъ, коими оканчивалъ свои праздники. Картины сіи относились къ политическимъ, происшествіямъ того времени, изображали въ иносказательномъ видѣ или побѣды россійскаго оружія, или успѣхи Русскихъ въ просвѣщеніи и гражданской образованности.

ВСТРѢЧА СЪ КАРАМЗИНЫМЪ.

Въ 1819 году, въ зимніе вечера собирались къ одному содержателю пансіона въ С.-Петербургѣ (фран-

пузскому дворянину) любители словесности, изъ находившихся въ то время въ столицѣ французскихъ путешественниковъ, чиновниковъ, нѣсколько дамъ и мужчинъ изъ высшаго класса русскаго общества. Въ семъ пансіонѣ воспитывались дѣти знатныхъ и богатыхъ людей, и потому хозяинъ имѣлъ обширный кругъ знакомства. Время на сихъ литературныхъ вечерахъ проводили чрезвычайно весело. Читали переводы съ русскаго языка и небольшія оригинальныя статьи; разговаривали, шутили и наконецъ, за ужиномъ, по древнему аѳинскому и нынѣшнему французскому обычаю, пѣли куплеты, всегда остроумные, весьма часто забавные. Присутствіе дамъ, прекрасныхъ и умныхъ, одушевляло бесѣду.

Не имѣя никакихъ притязаній на званіе французскаго автора, я, по просьбѣ хозяина и нѣкоторыхъ пріятелей, долженъ былъ писать по-французски небольшія статьи, которыя поправлялъ (въ грамматическомъ отношеніи) г-нъ Сенъ-Моръ, и самъ читалъ ихъ въ нашей бесѣдѣ. Прекрасному его чтенію я обязанъ тѣмъ, что нѣкоторыя изъ моихъ статей имѣли успѣхъ. Впрочемъ общество наше было весьма невзыскательно. Немножко ума, немножко веселости, занимательное происшествіе — и слушатели были довольны.

Однажды хозяинъ объявилъ намъ, что, въ будущее засѣданіе, одинъ извѣстный русскій чтецъ будетъ декламировать сцены изъ Мольеровой комедіи, и что нѣсколько отличныхъ русскихъ литераторовъ посѣтятъ нашу бесѣду. Я тогда только что возвратился изъ долговременнаго странствованія по Европѣ, и не зналъ въ лице ни одного русскаго литератора. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я дня собранія, и первый туда явился. По мѣрѣ появленія новыхъ лицъ въ залѣ, я спрашивалъ объ именахъ, и, къ удивленію моему, слышалъ одни звонкія имена въ адресъ-календарѣ, а не встрѣтилъ ни одного извѣстнаго въ литературѣ. Въ досадѣ, я усѣлся въ уголъ комнаты, и погрузился въ размышленія.

Вдругъ дверь въ залѣ потихоньку отворяется и входитъ человѣкъ, высокаго роста, немолодыхъ лѣтъ и прекрасной наружности. Онъ такъ тихо вошелъ, что нимало не разстроилъ чтенія, и, пробираясь за рядомъ креселъ, присѣлъ въ самомъ концѣ полукруга. Орденская звѣзда блистала на темномъ фракѣ, и еще болѣе возвышала его скромность. Другой вошелъ-бы съ шумомъ и шарканьемъ, чтобъ обратить на себя вниманіе и получить почетное мѣсто. Незнакомецъ никого не обезпокоилъ. Я смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и участіемъ. Черты его лица казались мнѣ знакомыми, но я не могъ вспомнить, гдѣ и когда я видѣлъ его. Лице его было продолговатое, чело высокое, открытое, носъ правильный, римскій. Ротъ и губы имѣли какую-то особенную пріятность и, такъ сказать, дышали добродушіемъ. Глаза небольшіе, нѣсколько сжатые, но прекраснаго разрѣза, блестѣли умомъ и живостью. Въ половину посѣдѣлые волосы зачесаны были съ боковъ на верхъ головы. Физіономія его выражала явсвенно душевную простоту и глубокую проницательность ума. Отличительныя черты его лица были двѣ большія морщины при окончаніи щекъ, по обѣимъ сторонамъ рта. Я, по невольному влеченію, искалъ его взгляда, который, казалось, говорилъ душѣ что-то сладостное, утѣшительное. На его одушевленной физіономіи живо отражались всѣ впечатлѣнія, производимыя чтеніемъ. Ни одно острое слово, ни одна счастливая мысль, ни одна удачная черта характера не ускользнули отъ его вниманія. Неудовольствіе изображалось на лицѣ, какъ облако въ чистой водѣ, когда чтецъ дошелъ до нѣкоторыхъ плоскостей, встрѣчающихся въ комедіяхъ Мольера, жертвовавшаго иногда вкусу своего современнаго партера. Я не сводилъ глазъ съ незнакомца, и размѣрялъ по его ощущеніямъ мои собственныя. Дошла очередь до моей статьи. Она была написана мною въ слѣдствіе моего спора съ Французами о нѣмецкой трагедіи, и заключала въ себѣ обозрѣніе и краткій разборъ Шиллеровыхъ драматическихъ твореній. Прежде я хладнокровно представлялъ

мои бездѣлки на судъ снисходительныхъ любителей словесности, но на этотъ разъ сердце мое забилось сильнѣе: я чувствовалъ, что въ незнакомцѣ имѣю знающаго и опытнаго судью. Во время чтенія г-на Сенъ-Мора, я съ боязнію поглядывалъ на незнакомца, и старался вычитать мой приговоръ на его лицѣ. Счастіе мнѣ благопріятствовало: я съ радостію примѣтилъ, что незнакомецъ былъ доволенъ.

Кончилось чтеніе, слушатели встали съ мѣстъ своихъ, и начался разговоръ. Съ нетерпѣніемъ подбѣжалъ я къ хозяину, чтобы спросить объ имени занимательнаго незнакомца. „Это Карамзинъ!“ — отвѣчалъ хозяинъ, и поспѣшилъ къ нему благодарить за посѣщеніе.

„Карамзинъ!“ — воскликнулъ я такъ громко, что онъ обернулся и посмотрѣлъ на меня. Вся нервическая моя система потряслась при семъ магическомъ имени, и всѣ усыпленныя воспоминанія моей юности вспорхнули въ одно время. Есть-ли одинъ грамотный человѣкъ въ Россіи, въ хижинѣ и чертогахъ, отъ береговъ Камчатки до Вислы, который-бы не зналъ имени Карамзина? Есть-ли одинъ образованный иностранецъ, который-бы не соединялъ имени Карамзина съ воспоминаніемъ о просвѣщеніи Россіи? — Я видалъ гравированный его портретъ, и теперь повѣрялъ давно знакомыя черты писателя, котораго каждая печатная строка прочтена мною по нѣскольку разъ. Съ юности моей я былъ свидѣтелемъ его успѣховъ, его славы. Я членъ того поколѣнія, въ которомъ онъ сдѣлалъ литературный переворотъ. Онъ заставилъ насъ читать русскіе журналы своимъ Московскимъ Журналомъ и Вѣстникомъ Европы; онъ своими Аонидами и Аглаей ввелъ въ обычай альманахи; онъ Письмами Русскаго Путешественника научилъ насъ описывать наши странствія легко и пріятно; онъ своими несравненными повѣстями привязалъ свѣтскихъ людей и прекрасный полъ къ русскому чтенію; онъ сотворилъ легкую, такъ сказать, общежителькую прозу; онъ первый возжегъ свѣтильникъ грамматической точности и правильности въ слогѣ,

представивъ образцы во всѣхъ родахъ; онъ познакомилъ всѣ состоянія Россіянъ съ отечественною исторіею, очистивъ ее отъ архивной пыли. — Такъ вотъ Карамзинъ! вотъ исполинъ русской словесности! Различіе въ мнѣніяхъ, на счетъ изложенія исторіи, нимало не ослабляло во мнѣ чувства уваженія къ великому мужу, и не затемняло его великихъ заслугъ и дарованій. Я смотрѣлъ на него съ такимъ-же благоговѣніемъ, какъ древніе взирали на изображеніе олицетворенной славы и заслуги. Г. Сенъ-Моръ знакомъ былъ съ Карамзинымъ. Я попросилъ Г. Сенъ-Мора представить меня великому писателю, что и было тотчасъ исполнено. — „Я согласенъ съ вами на счетъ трагедіи“, сказалъ онъ мнѣ послѣ перваго привѣтствія: „классики требуютъ слишкомъ точнаго соблюденія трехъ единствъ; романтики отвергаютъ всѣ условія искуства. Вы справедливо говорите, что надлежало-бы выбрать средину между двумя крайностями. Три единства слишкомъ стѣсняютъ кругъ дѣйствія; соединеніе отдаленныхъ эпохъ въ драмѣ развлекаетъ вниманіе, и ослабляетъ занимательность цѣлаго. Пусть появится другой Расинъ во Франціи — и онъ сдѣлаетъ переворотъ въ мнѣніяхъ, ибо людей должно убѣждать не теоріями изящнаго, а примѣрами.“ При сихъ словахъ, Карамзинъ пріятно улыбнулся и примолвилъ: „Я говорю не на счетъ вашей теоріи: говорить правду все таки надобно. Слѣдствія приходятъ послѣ.“ — Карамзинъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ на счетъ моего пребыванія за границею; но какъ ни время, ни мѣсто не позволяли распространяться въ разговорахъ, то я долженъ былъ съ горестью отстать отъ Карамзина, и уступить свое мѣсто другимъ. Я просилъ у него позволенія посѣтить его. Онъ пожалъ мнѣ руку, и сказалъ: „Въ девять часовъ вечера я пью чай въ кругу моего семейства. это время моего отдыха. Милости просимъ: я всегда буду радъ вамъ. Прошу за-просто, безъ предварительныхъ визитовъ.“

Я не преминулъ воспользоваться этимъ позволеніемъ, и чрезъ нѣсколько дней отправился къ Карам-

зину. Онъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, близъ Аничкова моста, въ домѣ г жи Муравьевой, въ верхнемъ этажѣ. Меня впустили въ залу безъ доклада. Въ первой комнатѣ, за круглымъ чайнымъ столикомъ. на которомъ стоялъ самоваръ, помѣщалось цѣлое семейство Карамзина; самъ онъ сидѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, въ полукругѣ посѣтителей. Карамзинъ встрѣтилъ меня въ половинѣ комнаты; дружески пожалъ руку; произнесъ громко мою фамилію, представляя другимъ собесѣдникамъ, и просилъ садиться. Въ его пріемахъ, обращеніи и во всѣхъ движеніяхъ соединялось глубокое познаніе свѣтскихъ приличій съ какимъ-то необыкновеннымъ добродушіемъ и простотою патріархальныхъ временъ. Каждое его слово, каждое движеніе шло прямо отъ сердца. Находясь въ обществѣ незнакомыхъ людей, въ первый разъ въ домѣ, я не чувствовалъ ни малѣйшаго смущенія и принужденія. Общество составлено было изъ людей разнаго званія и происхожденія: русскихъ первокласныхъ чиновниковъ, литераторовъ и иностранцевъ; но всѣ сіи разнородныя части спаивались въ одно цѣлое умомъ и душею хозяина. Въ обращеніи его не видно было, чтобы онъ отдавалъ кому-либо преимущество на счетъ другаго. Добродушная его вѣжливость разливалась равно на всѣхъ. Онъ говорилъ съ всякимъ однимъ тономъ, и слушалъ каждаго съ одинакимъ вниманіемъ. Люди сближались между собою — Карамзинымъ. Всѣ преимущества нисходили или возвышались на одинакую степень въ его присутствіи. Онъ былъ душею, и невидимо давалъ направленіе и располагалъ движеніями членовъ своего общества.

При воспоминаніи о бесѣдѣ Карамзина, почитаю неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о обществахъ вообще. Не только у насъ, но и во Франціи, семъ древнемъ отечествѣ общежитія, жалуются, что искуство бесѣдовать (l'art de la conversation) упало, и даже тайна онаго исчезла. Къ кому нынѣ ѣздятъ на бесѣду? Кто составляетъ общества? Знатные и богатые зовутъ гостей на обѣдъ, на вечеръ, гдѣ пресы-

щаются, играютъ въ карты, танцуютъ — но не бесѣдуютъ. Зовутъ людей знатныхъ, случайныхъ, ихъ дѣтей и родственниковъ. Въ сихъ обществахъ не требуется ни отъ хозяина, ни отъ гостей ума и познаній для поддержанія бесѣды; напротивъ того — молчаніе почитается достоинствомъ. Большіе обѣды похожи на театральныя представленія: они сухи и безжизненны. Во Франціи и въ Англіи еще умъ и дарованія составляютъ почетное качество человѣка, и отворяютъ ему входъ во всѣ общества. Но политическія пренія проглощаютъ пріятность бесѣдъ, — и умъ работаетъ, а не забавляется въ обществахъ. У насъ въ Россіи, литераторы и ученые приглашаются въ общества и занимаютъ мѣста по чинамъ, по связямъ — а не по дарованіямъ. У насъ знатные приглашаютъ литераторовъ тогда только, когда надобно посовѣтоваться съ ними въ какомъ-нибудь письменномъ дѣлѣ, точно такъ, какъ призываютъ медика во время недуга. Захочетъ ли литераторъ и ученый, съ умомъ, съ дарованіемъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, добиваться чести занимать уголокъ за пышнымъ столомъ, играть въ вистъ въ позлащенныхъ комнатахъ, и быть безмолвнымъ свидѣтелемъ свѣтскихъ заботъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Съ другой стороны, людямъ знатнымъ, должностнымъ, богатымъ, некогда заниматься бесѣдами съ литераторами о предметахъ, съ которыми первые или разстались, или вообще мало знакомы. Знатные и должностные люди, не оказывая покровительства литераторамъ, обходятся съ ними, какъ съ подчиненными. Всѣ сіи и другія причины, о которыхъ я умалчиваю, воздвигнули родъ китайской стѣны между такъ называемымъ большимъ свѣтомъ и литераторами. Литераторы ничего отъ этого не теряютъ, напротивъ того выигрываютъ драгоцѣнное время; но знатные люди, издерживающіе значительныя суммы на балы и праздники, и жертвою половины жизни добивающіеся степеней для пріобрѣтенія извѣстности, не постигаютъ своихъ выгодъ, пренебрегая умомъ и дарованіями. Много громкихъ именъ забудется навсегда въ другомъ

поколѣніи, вмѣстѣ съ адресъ-календарями на лѣто отъ Рождества Христова такое-то; но имена Шувалова, Строгонова, Румянцова перейдутъ къ потомству съ уваженіемъ, единственно отъ того, что они любили собирать въ своемъ домѣ и покровительствовали ученыхъ, литераторовъ и артистовъ. Безъ Горація мы не знали-бы о существованіи Мецената.

Въ то время, когда я познакомился съ Карамзинымъ, весьма въ немногихъ домахъ въ С.-Петербургѣ принимали литераторовъ и вообще всѣхъ гостей по ихъ внутреннему достоинству. Я говорю теперь о Карамзинѣ. Сей великій писатель былъ любезнѣйшимъ человѣкомъ въ обществѣ. Онъ зналъ въ совершенствѣ искуство бесѣдовать, которое вовсе различно съ искуствомъ разсказывать. Хорошій разскащикъ нравиться намъ иногда, когда мы расположены слушать; но человѣкъ, умѣющій поддерживать разговоръ и сообщать ему занимательность, нравится всегда, ибо онъ умѣетъ быть и слушателемъ и разскащикомъ.

Карамзинъ охотно говорилъ порусски — и говорилъ прекрасно. Иностранные языки онъ употреблялъ только съ иностранцами. Въ его рѣчахъ не было изысканныхъ выраженій и ссылокъ на авторовъ, столь утомительныхъ въ разговорахъ, но реченія его сами по себѣ имѣли полноту и круглость; онъ никогда не изъяснялся отрывисто. Соблюдая вообще хладнокровіе въ разговорахъ, онъ воспламенялся только тогда, когда рѣчь заходила о Россіи, объ исторіи и объ его старинныхъ друзьяхъ. Тогда физіономія его одушевлялась особенною выразительностію, и взоры искрѣли. Онъ никогда изъ вѣжливости не соглашался съ чужимъ мнѣніемъ вопреки собственному убѣжденію, но не спорилъ, а умѣлъ своему противорѣчію сообщать такую нѣжность и снисходительность, что всегда побѣждалъ своего противника, который если не перемѣнялъ мнѣнія, то по крайней мѣрѣ долженъ былъ замолчать. Карамзинъ никогда не хотѣлъ торжествовать въ разговорѣ, и если примѣчалъ, что противникъ его уклонялся отъ противорѣчій, то нѣжно, ласково и постепенно, не пере-

скакивая быстро къ другому предмету, перемѣнялъ разговоръ, выводя всегда своихъ собесѣдниковъ на самыя блестящія мѣстя разговорнаго поприща.

Первое мое посѣщеніе продолжалось два часа. Я не могъ рѣшиться оставить бесѣду: мнѣ такъ было хорошо и весело. Умъ и сердце безпрестанно имѣли новыя, легкія, пріятныя занятія. Я хотѣлъ по модному обычаю выйти изъ комнаты, не простясь съ хозяиномъ, но Карамзинъ не допустилъ меня до этого. Онъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ ко мнѣ, пожалъ руку (по-англійски), и пригласилъ посѣщать его. Я видѣлъ почти всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ и литераторовъ на твердой землѣ Европы, во время моего странствія; но признаюсь, что весьма немногіе изъ нихъ произвели во мнѣ такое впечатлѣніе при первой встрѣчѣ, какъ Карамзинъ, и это отъ того, что весьма немногіе люди имѣютъ такое добродушіе въ обращеніи, такую простоту въ пріемахъ, какъ имѣлъ Карамзинъ; что онъ при обширныхъ свѣдѣніяхъ зналъ искуство бесѣдовать, и наконецъ, что въ каждомъ его словѣ видна была душа добрая, благородная. Вотъ магнитъ сердецъ. Нѣсколько дней спустя послѣ перваго моего посѣщенія, я встрѣтилъ Карамзина въ одной изъ отдаленныхъ улицъ пѣшкомъ поутру въ восемъ часовъ. Погода была самая несносная: мокрый снѣгъ падалъ комками и ударялъ въ дице; оттепель испортила зимній путь. Одинъ только процессъ, или другая какая бѣда могли выгнать человѣка изъ дому въ эту пору. Я думалъ, что Карамзинъ меня не узнаетъ, ибо онъ два раза только видѣлъ меня, и то вечеромъ. Но онъ узналъ меня Я изъявилъ ему мое удивленіе, что встрѣчаю его въ такое время. „Я имѣю обыкновеніе“, сказалъ Карамзинъ „прогуливаться пѣшкомъ поутру до девяти часовъ. Въ эту пору я возвращаюсь домой, къ завтраку. Если я здоровъ, то дурная погода не мѣшаетъ мнѣ; напротивъ того, послѣ такой прогулки лучше чувствуешь пріятность теплаго кабинета. — „Но должно сознаться“, возразилъ я: „что вы выбираете не

лучшія улицы въ городѣ для своей прогулки.“ — „Необыкновенный случай завелъ меня сюда“, отвѣчалъ Карамзинъ. — „Чтобъ не показаться вамъ слишкомъ скрытнымъ, я долженъ вамъ сказать, что я отыскиваю одного бѣднаго человѣка, который часто останавливаетъ меня на улицѣ, называетъ себя чиновникомъ, и проситъ подаянія именемъ голодныхъ дѣтей. Я взялъ его адресъ, и хочу посмотрѣть, что могу для него сдѣлать.“ — Я взялся сопутствовать Карамзину. Мы отыскали квартиру бѣднаго человѣка, и не застали его дома. Семейство его въ самомъ дѣлѣ было въ жалкомъ положеніи. Карамзинъ далъ денегъ старушкѣ, и распросилъ ее о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни отца семейства. Выходя изъ воротъ, мы встрѣтили его, но въ такомъ видѣ; который тотчасъ объяснилъ намъ загадку его бѣдности. Карамзинъ не хотѣлъ обременять его упреками: онъ покачалъ только головою и прошелъ мимо. — „Досадно,“ сказалъ Карамзинъ, улыбаясь: „что мои деньги попали не туда, куда я назначилъ ихъ. Но я самъ виноватъ: мнѣ надлежалобы прежде освѣдомиться объ его положеніи. Теперь буду умнѣе, и не дамъ денегъ ему въ руки, а въ домъ.“ — Благородный человѣкъ! Вотъ какъ онъ услаждалъ свои прогулки передъ утреннею работою. Мудренно-ли послѣ этого, что каждая его строка дышитъ любовью къ человѣчеству, ко всему доброму, полезному? Бюффонъ справедливо сказалъ, и Карамзинъ повторилъ: что человѣкъ изображается въ слогѣ своемъ. Правильность, нѣжность, простота, занимательность слога Карамзина были отпечатками его характера. Различіе въ мнѣніяхъ никогда не могло ослабить уваженія къ нему въ человѣкѣ благомыслящемъ. Отдаленное потомство скажетъ: Карамзинъ былъ великій писатель, — и благородный, добрый человѣкъ. Одно стоитъ другаго. Но какое счастіе, если это соединено въ одномъ лицѣ!

Булгаринъ.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хазарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ,
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ;
И къ другому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро-ль, на радость сосѣдей враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любаго возьмешъ ты коня.

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ!
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

Запомни-же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Царяграда,
И волны и суша покорны тебѣ,
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы . . .

Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,
Незримый хранитель могущему данъ.

Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ, и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего."

Олегъ усмѣхнулся, однако чело
И взоръ омрачилися думой;
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга, прощальной рукой,
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки други, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ устцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите."
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана;
И кудри ихъ бѣлы какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана.....
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ-ли? Все такжель легокъ его бѣгъ?
Все тотъ-же-ль онъ бурный, игривый?"

*

И внемлютъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „что-же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть-бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня.“
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости:
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „спи, другъ, одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь...

Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мертвой главы гробовая змія
Шипя между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась
И вскрикнулъ внезапно ужаленный Князь.

Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега!
Бойцы поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

ПОЕДИНКИ И КРОВОМЩЕ́НІЕ ВЪ ЧЕРНОГО́РІИ.

Ча́сто поража́лъ меня́ стари́къ, дря́хлый, но всё ещё стро́йный, безъ руба́хи, едва́ прикры́тый ру́бищемъ, но го́рдаго, повели́тельлаго ви́да, безъ приста́нища, но снискива́вшій вездѣ́ кровь и гостепріи́мство. Въ Черного́ріи, какъ и въ Евро́пѣ, бѣ́дность не поро́къ, но ху́же поро́ка: е́то я зналъ, и тѣ́мъ бо́лѣе удивля́лся старику́, пока́ не разгада́лась мнѣ та́йна. „Это сла́вный юна́къ (удале́цъ, богаты́рь) Янко: онъ отруби́лъ 12 Туре́цкихъ голо́въ,“ — сказа́лъ съ уваже́ніемъ Ви́до и тутъ же разсказа́лъ мнѣ о его́ поедѝнкѣ съ други́мъ юна́комъ.

На́добно бы́ло васъ предупреди́ть, что здѣсь поедѝнки быва́ютъ ча́ще, не́жели гдѣ́-либо; хотя́ они́ пресле́дуются нынѣшнимъ Влады́кой со все́ю стро́гостію, и убі́йца на поединкѣ кара́ется сме́ртною ка́знію, одна́ко ста́рый обы́чай, пусти́вшій глубо́ко свои́ ко́рни, всё ещё и́мѣетъ си́лу. Здѣсь бо́лѣе, чѣ́мъ гдѣ́-нибудь, кипя́тъ стра́сти и, перепо́лнивъ бре́нный сосу́дъ челове́ка, сі́лятся вы́рваться нару́жу; Черного́рецъ не ждётъ, пока́ опадётъ пѣ́на ихъ, пока́ пра́вый судъ разберётъ дѣ́ло; узда́ зако́на для него́ нова́ и деретъ че́люсти вмѣ́сто того́, что́бы удѐрживать то́лько уси́ленный поры́въ. Поедѝнки быва́ютъ одѝнъ проти́въ одного́ и пле́мя противъ пле́мени, при свидѣ́теляхъ и безъ нихъ. Предме́ты ссо́ры — всего́ ча́ще же́нщины и оскорблённое честолю́біе, иногда́ кра́жа коро́вы или козы́. Именно послѣ́днее бы́ло по́водомъ поедѝнка на́шего юна́ка, Янко,

съ другимъ, по имени Трипо, а потому удивительно, что поединокъ былъ на-смерть, какъ водится между юнаками, безъ свидѣтелей: совѣсть каждаго была ему судьёю, и какъ увидимъ, судьёю самымъ строгимъ. Поединокъ, столь необыкновенный по лицамъ состязающимся, не могъ остаться тайною, и толпа, всегда жадная подобнаго рода зрѣлищъ, собралась близъ мѣста ратованія и притаилась за взгорьемъ. Враги пришли, сошлись, кое-о-чёмъ пошутили, выпили ракіи*), зарядили свои длинныя ружья и разошлись; ихъ хладнокровіе, слѣдствіе совершеннаго равнодушія къ жизни и смерти, было слишкомъ натурально, — это отличительная черта Черногорскихъ поединковъ отъ нашихъ — ихъ шутки, какъ и лица, не вытягивались въ „два аршина съ половиною“, и звено мірскихъ привязанностей и радостей не тянуло назадъ отъ барьера. Поединщики стали на условленномъ разстояніи; вслѣдъ за тѣмъ раздался выстрѣлъ — и только одинъ; ружьё Трипа дало осѣчку. Пуля расшибла ему локоть лѣвой руки, поддерживавшей ружьё, и засѣла въ лѣвомъ боку: онъ упалъ безъ чувствъ, откинувъ далеко отъ себя ружьё, но вскорѣ, усиліями товарища, былъ возвращёнъ на мигъ къ жизни, и этимъ предсмертнымъ мигомъ поспѣшилъ воспользоваться Янко; не смотря на то, что по закону Черногорскихъ поединковъ, осѣчка, въ такомъ случаѣ, почитается правымъ судомъ Божіимъ, онъ велѣлъ Трипу стрѣлять въ себя. „Не могу придвинуть ружья,

*) хлѣбное винo.

не могу́ удержа́ть его́“, произнёсъ тотъ умира́ющимъ го́лосомъ. Янко по́далъ ему́ ружьё, посади́лъ на зе́млю; но ру́ки Три́на склони́лись до́лу, те́ло вали́лось; Янко приподня́лъ его́ пра́вое коле́но, упёръ на него́ ружьё и, склони́въ его́ коле́блющуюся го́лову къ прикла́ду, сказа́лъ: „я не хочу́, чтобъ тако́й юна́къ отошёлъ на тотъ свѣтъ не отомщённымъ, а кто за тебя́ здѣсь отомсти́тъ: у тебя́ ни бра́та, ни дру́га, кру́глый сироти́на“, и сталъ въ двухъ шага́хъ проти́въ ружёйнаго ду́ла. Разда́лся вы́стрѣлъ, и благоро́дный сопе́рникъ зашата́лся. Сты́дно па́дать юна́ку: кре́пко упершись одно́ю руко́ю о ка́мень, друго́ю о своё ружьё, онъ удержа́лся на нога́хъ, и въ э́томъ положе́нiи, какъ наибо́лѣе прили́чномъ геро́ю, каза́лось, рѣши́лся ожида́ть сме́рти; ни одинъ стонъ, ни одно́ болѣзненное движе́ніе не обнару́жили его́ муче́нія. Прише́дшая толпа́ нашла́ Три́по уже́ мёртвымъ; Янко былъ безъ чувствъ, но иску́ство здѣшнихъ доморо́щенныхъ врачей исцѣли́ло его́ ра́ну, не смотря́ на всю опа́сность ея; э́то была́ два́дцать пе́рвая.

Кста́ти, здѣсь я разскажу́ вамъ поедино́къ цѣлаго племени противъ друга́го: это бы́ло не такъ давно́. — Одна́ же́нщина, о́тданная въ замужство въ друго́е пле́мя, наску́чивъ гру́бымъ обраще́ніемъ му́жа, бро́сила его́ и убѣжа́ла къ свои́мъ бра́тьямъ; она́ разсказа́ла имъ во всей подро́бности пре́жнюю, го́рькую жизнь свою́ и намѣреніе не возвраща́ться бо́лѣе къ му́жу; но вмѣстѣ съ тѣмъ заклина́ла не мстить ему́; на пра́сно, — бра́тья затрудня́лись то́лько въ томъ, кому́ изъ нихъ нанесть уда́ръ: ка́ждый доби-

вáлся э́той чéсти, и кóнчили тѣмъ, что отпрáвились всѣ трóе; ихъ рóдственники и друзья́ не хотѣ́ли ихъ отпусти́ть одни́хъ, къ нимъ присоедини́лись други́е, на слу́чай отмще́нія или ми́ра, и вотъ всё плéмя поднялóсь противъ другáго плéмени. О ми́рѣ съ Черногóрцемъ нéчего и говори́ть, пока́ у негó заряжены́ óба пистолéта и ружьё; это знáчитъ толковáть голóдному о воздéржности, когдá передъ нимъ стои́тъ сы́тный обѣ́дъ. Раздали́сь вы́стрѣлы, снача́ла рѣ́дко, потóмъ чáще, то удаля́ясь, то приближáясь, смотря́ по движе́нію толпы́. Крúки заглуша́ли вы́стрѣлы: „Эй! сóколы, сóкожы! — Ви́до, Пе́тро, юнáкъ! юнáкъ! на прáво, на лѣ́во, впередъ“ вто́рилось повсю́ду. — Дрáлись бóльшею ча́стію въ рассыпну́ю, то набѣга́я, то убѣга́я, замáнивая въ среди́пу удальцóвъ, и отрѣзывая ихъ отъ остально́й толпы́, то скрыва́ясь за кáмнями, то пока́зываясь нежда́нно на верши́нѣ, слóвомъ, употребля́ли всѣ хи́трости свои́хъ оши́бокъ, пока́ ожесточе́ніе не овладѣ́ло и́ми, тогдá они́ столпи́лись; нéкогда бы́ло ду́мать заряжáть ру́жья или пистолéты, — схвати́лись за ятагáны. Старѣ́йшины уви́дѣли, что сли́шкомъ уже́ мно́го кро́ви проли́то для одно́й жéнщины, и съ обѣ́ихъ сторóнъ по́дняли ша́пки на дли́нныхъ ру́жьяхъ свои́хъ, знáменіе перемúрія, бу́ря сти́хла и враги́ разошли́сь на прили́чное разстоя́ніе.

Но э́то было тóлько начáло. Слѣ́довало изложе́ніе предмéта, для котóраго собрали́сь спóрящіяся стóроны: нáдобно бы́ло рѣши́ть, кто правъ — жена́ или мужъ? и въ пéрвомъ слу́чаѣ принýдить мýжа взять обрáтно женý, и по-

ступа́ть съ не́ю, „какъ сле́дуетъ.“ Начали́сь спо́ры и доказа́тельства, крича́ли пу́ще, чѣмъ при дра́кѣ, молоды́е горячи́лись, главари́ выслу́шивали терпѣли́во сужде́нія ка́ждаго, иногда́ нѣсколькихъ вдругъ, и почёсывали заты́лки, какъ бу́дто тамъ и́менно былъ у нихъ найбо́льшій запа́съ ума́; серда́рь *) того́ пле́мени, отку́да была́ жена́, причи́на раздо́ра, гото́вился уже́ произнести́ приговоръ, какъ вдругъ, въ противополо́жной сторонѣ, раздало́сь сло́во „ложь.“ Послѣдній Черногóрскій сѣрома́хъ не стерпитъ бра́ни, и сло́во ложь въ э́томъ слу́чаѣ было то́-же, что и выстрѣлъ. Би́тва закипѣла сильнѣе пре́жняго; отва́жнѣйшіе схвати́лись въ рукопа́шную борьбу́; тѣсни́ли, дави́ли другъ дру́га, би́лись ка́мнями, би́лись чѣмъ ни попа́ло; на крикъ, на выстрѣлы сбѣжа́лись лю́ди други́хъ племёнъ: не успѣвъ примири́ть враждую́щихъ, они́ приста́ли къ нимъ, то подкрѣпля́я слабѣйшую сто́рону, то, вмѣсто съ не́ю, уступа́я си́лѣ. Наконе́цъ главари́, уличи́въ мину́ту, когда́ о́бѣ сто́роны, утомлённыя и разро́зненныя, тѣсни́ли слабѣе другъ дру́га, кри́комъ и выставленными ша́пками успѣли останови́ть кровопроли́тіе; сосчита́ли уби́тыхъ: со стороны́ супру́га было де́сять, — ра́неные не иду́тъ въ счётъ — со стороны́ оскорблённой жены́ четы́ре. Эта сторона́, повторёнными нѣсколько разъ выстрѣлами, провозгласи́ла побѣду; побѣждённый оста́лся, какъ во́дится, винова́тымъ; уцѣлѣвшій мужъ до́лженъ былъ взять

*) начальникъ.

обра́тно жену́ и обяза́ться кля́твою жи́ть съ не́ю въ ми́рѣ и согла́сіи. Враждующія сто́роны примири́лись и разошли́сь.

Вотъ ещё оди́нъ поеди́нокъ, кото́рый совершённо выхо́дитъ изъ кру́га на́шихъ поня́тій: онъ случи́лся въ одно́мъ изъ сме́жныхъ Черного́ріи племёнъ. — Два сопе́рника, разлучённые въ тече́ніи двадцати́ лѣтъ обстоя́тельствами и людьми́, наконецъ сошли́сь; потре́бовали по 25 челове́къ и ста́ли на вы́стрѣлъ, каждый мѣ́тою двадцати́ пяти́ ру́жей: дру́жно раздали́сь два за́лпа, почти́ въ одно́ вре́мя. Какъ ни привы́чны бы́ли тузе́мцы къ подо́бной мѣ́тѣ, одна́ко рука́, видно, не у одного́ дро́гнула, потому́ что о́ба сопе́рника бы́ли изра́нены, но ещё жи́вы: на́добно бы́ло прибѣ́гнуть къ ятага́намъ, что́бы ко́нчить остально́е.

Здѣсь же мѣ́сто разсказа́ть объ ужа́сномъ кровомще́ніи, соверши́вшемся, пра́вда не въ Черного́ріи, но на ея́ грани́цахъ, и въ ея́ ду́хѣ. — Коне́чно не всѣмъ извѣ́стно, что Мирди́тъ, одно́ изъ сильне́йшихъ незави́симыхъ племёнъ въ Ту́рціи, занима́етъ значи́тельный уча́стокъ земли въ ве́рхней Алба́ніи и мо́жетъ вы́ставить до 10,000 оруженосцевъ, что стремины и утёсы составля́ютъ его́ вѣ́рный опло́тъ, а мѣ́ткое ружьё и страсть къ независимости надёжную охра́ну противъ всѣхъ покуше́ній Паши; что оно примыка́етъ къ границамъ Черного́рцевъ и слѣ́дственно нахо́дится во всегда́шней съ нимъ враждѣ́, пита́емой неугасимымъ кровомще́ніемъ, враждѣ́, кото́рую ра́зность вѣроисповѣ́данія облека́етъ въ соверше́нную за-

ко́нность. Должно́ заме́тить, что пле́мя Мирдитъ име́етъ прете́нзію на католическое вѣроисповѣ́даніе.

Дидо́, досто́йный правитель э́того пле́мени, у́меръ, оста́вивъ своего́ единственнаго сы́на прее́мникомъ вла́сти; родно́й братъ Дидо́ убилъ наслѣ́дника, чтобы, въ свою́ о́чередь, сдѣ́латься зако́ннымъ правителемъ; мать убитаго отомстила смерть сы́на, умертвивъ своими рука́ми уби́йцу; сынъ послѣ́дне-убитаго не могъ тѣ́мъ-же отплатить уби́йцѣ, потому́ что обы́чаи кра́я, кото́рые сильнѣе вся́каго зако́на, запреща́ютъ соверша́ть мще́ніе надъ же́нщинами; онъ до́лженъ былъ довóльствоваться тѣ́мъ, что убилъ ея́ бра́та, Вико; сынъ Вико застрѣ́лилъ уби́йцу во́злѣ са́маго тру́па своего́ отца, ещё не оста́вшаго, ещё сохранившаго выраже́ніе угро́зы и мще́нія, послѣ́дняго, и, мо́жетъ, единственнаго чу́вства, съ кото́рымъ онъ отошёлъ отъ земли, и палъ мёртвый на трупъ отца́ отъ руки одного́ изъ ро́дственниковъ убитаго имъ. Мще́ніе не заме́длило: опя́ть явилась жена Дидо́, и уби́йца палъ отъ ея́ руки — друга́я очистительная же́ртва, кото́рую она́ принесла́ своему́ ро́ду . . . Отъ всего́ пле́мени оста́лся двухлѣ́тній младе́нецъ и э́та ужа́сная же́нщина. Совершивъ второ́е уби́йство, она́ явилась въ Скутари, не для оправда́нія, чего́ такъ добива́лись Туре́цкія правительственныя лица, жела́я показа́ть своё влія́ніе на дѣла́ Мирдита, но, каза́лось, для того́, чтобы пощеголя́ть своимъ по́двигомъ. Это была́ же́нщина лѣтъ 45, небольша́го ро́ста, съ выдавшимися ску́лами на лицѣ, съ вы-

раже́ніемъ угро́зы въ я́рко бле́щушемъ взо́рѣ и съ несмѣ́нною улы́бкой презрѣ́нія на губа́хъ, нѣкогда прекра́сныхъ. Всѣ ея́ движе́нія бы́ли бы́стры и такъ сказа́ть су́дорожны; ея́ рѣчь, ея́ по́ступь обнару́живали въ ней нервическое сложе́ніе и кипя́щую страстя́ми кровь.

Ковале́вскій.

ФИНЛЯНДІЯ.

Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, сосѣднюю Гиперборе́йскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно — только въ теченіи двухъ мѣсяцевъ; но гдѣ, также какъ въ странахъ благословенныхъ природою, люди могутъ находить счастіе. Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюменя до шумной Улеи, въ бурное, военное время, и спѣшу сообщить тебѣ глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей, при видѣ новой земли, дикой, но прелестной и въ дикости своей. Здѣсь повсюду земля кажетъ видъ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и угрюма. Здѣсь лѣто продолжается не болѣе шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ теченіи девяти мѣсяцевъ, осень ужасная и самая весна не рѣдко принимаетъ видъ мрачной осени; куда ни обратишь взоры, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды или камни. Здѣсь глубокія, длинныя озера омываютъ волнами утесы гранитные, на которыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи; тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранитныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ или разлитіемъ океана. Въ концѣ апрѣля начинается весна; — снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣной низвергаются въ озера, которыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Ботническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе, пирамидальные утесы, по берегамъ стоящіе, начертываются длинными полосами въ зеркалѣ водъ. На нихъ-

то хищныя птицы вьютъ свои гнѣзда, и, по древнему преданію Скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера вызываютъ крикомъ своимъ бурю — изъ тайной глубины пещеръ. Вѣтеръ повѣялъ съ сѣвера и поверхность соннаго озера пробудилась какъ отъ сна! .... Видишь-ли, съ какимъ глухимъ и протяжнымъ шумомъ разбивается о гранитныя, неподвижныя скалы, которыя нѣсколько вѣковъ презираютъ порывъ бурь и ярость волнъ! — Сосѣдніе лѣса повторяютъ голосъ бури, и вся природа является въ ужасномъ растройствѣ. Сіи страшныя явленія напоминаютъ мнѣ мрачную миѳологію Скандинавовъ, которымъ божество являлось почти всегда въ гнѣвѣ, карающимъ слабое человѣчество.

Лѣса финляндскіе непроходимы; они растутъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаетъ. Деревья, сокрушенныя временемъ или дуновеніемъ бури, заграждаютъ путь предпріимчивому охотнику. Въ сей ужасной и безплодной пустынѣ, въ сихъ пространныхъ вертепахъ, путникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плотоядной птицы; завываніе волковъ, ищущихъ добычи; паденіе скалы, низвергнутой рукою всесокрущающаго времени; или ревъ источника образованнаго снѣгомъ, который стрѣлой протекаетъ по каменному дну между скалъ гранитныхъ, быстро превозмогаетъ всѣ препятствія и увлекаетъ въ теченіи своемъ деревья и камни. Вокругъ его пустыня и безмолвіе! — Посмотри далѣе: огнь небесный или неутомимая рука пахаря зажгли сей боръ? опаленныя сосны, исторгнутыя изъ утробы земной съ глубокими корнями; обожженныя скалы; дымъ, восходящій густымъ чернымъ облакомъ отъ сего огнища: все это образуетъ картину столь дикую, столь мрачную, что путешественникъ невольно содрогается и спѣшитъ отдохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ, которое величественно дремлетъ въ отлогихъ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ волъ жуетъ сочную и густую траву, орошенную водами источника.

Какіе народы населяли въ древности землю сію? — Гдѣ признаки ихъ бытія? — Гдѣ слѣды ихъ? —

Время все изгладило; или сіи сыны дикихъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ, и исторія, начертавшая малѣйшія событія странъ полуденныхъ и восточныхъ, молчитъ о народахъ сѣвера. — Но существовали народы сіи — угрюмые, непобѣдимые сыны первобытной природы, или изгнанники изъ странъ счастливѣйшихъ: они населяли сіи пещеры, питались млекомъ звѣрей, и полагали предѣломъ блаженства удачу на охотѣ, побѣду надъ врагомъ, изъ черепа котораго (страшное воспоминаніе!) пили кровь и славили свое могущество. Когда зима покрывала рѣки льдами, сыпала пней и снѣга, тогда дикія чада лѣсовъ выходили изъ логовищъ своихъ, и пролагали путь по морямъ Гиперборейскимъ къ новымъ пустынямъ, къ новымъ лѣсамъ. Вооруженные сѣкирою и палицей, они идутъ войной на стада пустынныхъ чудовищъ; ихъ мчатъ быстрые олени; ихъ несутъ лыжи по равнинамъ снѣжнымъ; они сражаются, побѣждаютъ и учреждаютъ кровавую трапезу! — Томимые голодомъ, нуждою, исполненные мужества, рѣшимости, презирая равно и смерть и жизнь, они не знаютъ опасности; въ звѣрскомъ изступленіи наполняютъ крикомъ лѣса — и эхо повторяетъ гласъ ихъ въ пространной пустынѣ.

Здѣсь царство зимы. Въ началѣ октября все покрыто снѣгомъ. Едва сосѣдняя скала выказываетъ безплодную вершину; иней падаетъ въ видѣ густаго облака; деревья, при первомъ утреннемъ морозѣ, блистаютъ радугою, отражая солнечные лучи тысячью пріятныхъ цвѣтовъ. Но солнце, кажется, съ ужасомъ смотритъ на опустошеныя зимы; едва явится — и уже погружено въ багровый туманъ, предвѣстникъ сильной стужи. Мѣсяцъ, въ теченіе всей ночи, изливаетъ сребряные лучи свои и образуетъ круги на чистой лазури небесной, по которой изрѣдка пролетаютъ блестящіе метеоры. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не колеблетъ деревъ, обѣленныхъ инеемъ: они кажутся очарованными въ новомъ своемъ видѣ. Печальное, но пріятное зрѣлище — сія необыкновенная тишина и въ

воздухѣ и на земли! — Повсюду безмолвіе! — Робкая лань торопливо пробирается въ чащу, отрясая съ роговъ своихъ оледенѣлый снѣгъ; стадо тетеревей дремлетъ въ глубокой тишинѣ лѣса, и всякій шагъ странника слышенъ въ снѣжной пустынѣ.

Но и здѣсь природа улыбается веселой, но кроткой улыбкой. Когда снѣга растаяли отъ теплаго лѣтняго вѣтра и яркихъ лучей солнца; когда воды съ шумомъ утекли въ моря, образовавъ въ теченіи своемъ тысячу ручьевъ, тысячу водопадовъ: тогда природа примѣтно выходитъ изъ тягостнаго и продолжительнаго усыпленія. Вдругъ озимыя поля одѣваются зеленымъ бархатомъ, луга душистыми цвѣтами. Ходъ растительной силы примѣтенъ. Сегодня все мертво, — завтра все цвѣтетъ, все благоухаетъ. Народныя басни всегда имѣютъ основаніемъ истину. Древніе Скандинавы полагали, что Оденъ, сей великій чародѣй, чуткимъ ухомъ своимъ слышитъ, какъ весною прозябаютъ травы. Конечно быстрое, почти невѣроятное ихъ возрастаніе подало поводъ къ сему вымыслу. Лѣтніе дни и ночи здѣсь особенно пріятны. Дню предшествуетъ обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтомъ, является во всемъ великолѣпіи на концѣ озера, позлащеннаго внезапу румяными лучами. Пустынныя птицы радостно сотрясаютъ съ крыльевъ своихъ сонъ и нѣгу; рѣзвыя бѣлки выбѣгаютъ изъ прачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подъ тѣнь березокъ растущихъ на отлогомъ берегѣ. Все тихо, все торжественно въ сей первобытной природѣ! Большія рыбы плещутъ среди озера златыми чешуями, между тѣмъ какъ мелкіе жители влажной стихіи играютъ стадами у подошвы скалъ или близъ песчанаго берега. Вечеръ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи медленно умираютъ на гранитныхъ скалахъ, которыхъ цвѣтъ измѣняется безпрестанно. Тысячи насѣкомыхъ (минутные жители сихъ прелестныхъ пустынь) то плаваютъ на поверхности озера, то кружатся надъ камышемъ и наклоненными ивами. Стада дикихъ утокъ и крикливыхъ журавлей летятъ въ сосѣднее болото, и важные лебеди

торжественнымъ плаваніемъ привѣтствуютъ вечернее солнце. — Оно погружается въ безднѣ Ботническаго залива, и сумракъ, вмѣстѣ съ безмолвіемъ, воцарился въ пустынѣ.... Но какой предметъ для кисти живописца: ратный станъ, расположенный на сихъ скалахъ, когда лучи мѣсяца проливаются на утружденныхъ ратниковъ и скользятъ по блестящему металлу ружей, сложенныхъ въ пирамиды! — Какой предметъ для живописи и сіи великіе огни, здѣсь и тамъ раскладенные, вокругъ которыхъ воины толпятся въ часы холодной ночи? этотъ лѣсъ, хранившій безмолвіе можетъ быть отъ созданія міра, вдругъ оживляется при внезапномъ пришествіи полковъ. Войско расположилось; все приходитъ въ движеніе: пуки зажженной соломы, переносимые съ одного мѣста на другое, пылающіе костры хвороста, древніе пни и часто цѣлыя деревья, внезапно зажженныя, отъ которыхъ густой дымъ клубится и восходитъ до небесъ, — однимъ словомъ, движеніе ратныхъ снарядовъ, ржаніе и топотъ коней, блескъ оружія, смѣшанные голоса воиновъ, и звуки барабана и конной трубы: все это представляетъ зрѣлище новое и разительное! Вскорѣ гласы умолкаютъ; огонь пылающихъ костровъ потухаетъ; ратники почили, и прежнее безмолвіе водворилось: изрѣдка прерываемо оно шумомъ горнаго водопада, или протяжными окликами часовыхъ, распложенныхъ на ближнихъ вышинахъ, противъ лагеря непріятельскаго: мѣсяцъ склоняясь къ своему западу, освѣщаетъ уже безмолвный станъ.

Батюшковъ.

ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ:
Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ,
Рудольфъ, Императоръ избранный, сидѣлъ
Во блескѣ вѣнца и въ порфирѣ;
Тамъ кушанья Рейнскій Фальцграфъ разносилъ;
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;
И семь Избирателей, чиномъ

Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; престала война;
Безцарственны грозны прошли времена;
Судья надъ землею былъ снова:
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабы, вдова, сирота
Могущимъ во власть безъ покрова.

И Кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
„Прекрасенъ мой пиръ! Все пируетъ со мной!
Все царскій мой духъ восхищаетъ!
Но гдѣжь утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
Придетъ ли мнѣ душу растрогать Пѣвецъ
Игрой и благимъ поученьемъ?
Я пѣснямъ былъ другомъ какъ рыцарь простой!
Днесь Кесарь, покину ль обычай святой,
Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?“

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣянъ таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
„Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ!
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святаго есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ ....
О чемъ же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?“

— Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душей!
(Пѣвцу отвѣчаетъ Властитель)
Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
Минута ему повелитель!

По воздуху вихорь свободно шумитъ:
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ! —

И смѣло ударилъ Пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
„На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-другъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ!
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ:
И слѣдомъ священникъ съ Дарами.“

„И набожный Графъ, умиленный душей,
Колѣна свои приклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь Дары отдаетъ;
И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
Съ священною ношею въ воду.“

„„Куда?““ изумившійся Графъ вопросилъ.
— Въ село; умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ —
Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою.“ —

„И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,

Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня,
Приходитъ ко Графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.“

„„Дерзну ли помыслить я,““ Графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
„„Чтобъ конь сей ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю-Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила, и честь;
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу и честь и дыханье.““

— Да будетъ же вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою!
Тебя да почтитъ Онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ тобою!
Гельвеція славой сіяетъ твоей;
И шесть разцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будетъ же (молвилъ пророчески онъ),
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды!“

И въ думѣ главу Императоръ склонилъ;
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ —
И таинство словъ объяснилось:
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой!
И слезы, изъ глазъ побѣжавши струей,
Порфирой закрылъ въ умиленьи....

Все смолкло, на Кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный Графъ;
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

В. Жуковскій.

МОСТЪ ЧЕРЕЗЪ МОРАЧУ ВЪ ЧЕРНОГОРІИ.

Опя́ть на́добно бы́ло переправля́ться чере́зъ Мора́чу: мостъ Черного́рскаго устро́йства, то́лько коро́че не́жели мостъ въ Ма́ркахъ и не́сколько шире: и́менно, въ бревно́ длины́ и въ три ширины́: за то его́ на́добно бы́ло переходить, а не переполза́ть. И тепе́ръ моро́зная дро́жь пробѣга́етъ по тѣ́лу при воспомина́ніи, какъ скрыпѣ́лъ и шевели́лся подъ мое́й пято́й, и голова́ кружится отъ оглуша́ющаго шу́ма Мора́чи. Къ одному́ я ника́къ не могу́ привы́кнуть въ Черного́ріи, къ этимъ живо-трепе́щущимъ моста́мъ, мо́жетъ потому́, что, къ сча́стію, они рѣ́дко встѣча́ются. А Черного́рецъ, навы́ченный свое́й тя́жестью, иногда́ влача́ за собо́ю бара́на, кото́рый упира́ется и бода́етъ, идётъ такъ же ло́вко и небре́жно, какъ бы по гла́дѣ. *)

Вблизи мо́ста, гдѣ рѣка́ Мора́ча образу́етъ глубь, подъ утёсомъ, далёко вы́давшимся и соверше́нно нависшимъ надъ не́ю, говоря́тъ, живётъ въ са́момъ о́мутѣ человѣ́къ, и нерѣдко выплыва́етъ на пове́рхность воды́; проводникъ нашъ видѣ́лъ, какъ этотъ житель пучины бро́сился въ неё съ ужа́снаго утёса и скры́лся; други́е слы́шали его голосъ. — Не́которые полагаютъ, что это не человѣ́къ, а змій, — иные,

*) гладкое, ровное мѣсто.

— что это духъ или дьяволъ. — Я держусь послѣдняго мнѣнія, потому что мѣсто чрезвычайно удобно и привольно для временной квартиры дьявола, особенно, если онъ романическаго расположенія и плѣняется красотами природы.

„Это ещё что такое?“ воскликнулъ я невольно, указывая на нѣчто живое, движущееся, висящее между небомъ и быстриною рѣки. — „Ничто,“ отвѣчалъ равнодушно одинъ изъ Черногорцевъ. — „Какъ ничто!“ воскликнулъ я, подходя ближе къ рѣкѣ и поражённый пуще прежняго: „вѣдь это человѣкъ.“

„Долазитъ на ту банду, переходитъ на ту сторону,“ отвѣчалъ онъ, зѣвая во весь ротъ. Подлинно „долазитъ,“ подумалъ я, только этого „лазанія“ недоставало мнѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, стѣснённая крутыми берегами, собрала воды свои въ русло, болѣе узкое, и тѣмъ быстрѣе, тѣмъ сердитѣе мчала ихъ, въ томъ мѣстѣ были перекинуты съ одного берега на другой двѣ жерди, въ два бревна длиною, поддерживаемыя на серединѣ рѣки двумя высокими стойками, кое-какъ скрѣплёнными вверху, ещё хуже укрѣплёнными внизу, въ водѣ, между валунами камней. — Брёвна были au naturel *), въ ихъ корѣ, съ выдавшимися выпуклостями и неровностями, а потому во многихъ мѣстахъ расходились, одно возвышалось надъ другимъ, представляя такимъ образомъ ломаную линію. О перилахъ не-было и помину. Но

*) въ первобытномъ видѣ.

этому-то фантастическому мосту переходилъ, — нѣтъ, не переходилъ, я не умѣю опредѣлить этого движенія человѣческаго тѣла, — переползалъ человѣкъ, осѣдлавъ верхомъ обѣ перекладины и замѣнивъ для своего движенія ноги руками. — Скорѣе переплавлюсь я черезъ рѣку верхомъ на дьяволѣ! воскликнулъ я, и, за неимѣніемъ на ту пору въ наличности чорта, уже закинулъ ногу черезъ перекладину, повинуясь необходимости. Добрый мой спутникъ снабдилъ меня нужными наставленіями, отправляя въ это, новаго рода, путешествіе: „Не гляди внизъ,“ говорилъ онъ, „не то закружится голова и найдётъ брудь.“ У насъ на оборотъ, подумалъ я, брудь находитъ на тѣхъ, которые глядятъ очень высоко. — „Не оборачивайся назадъ, не гляди по сторонамъ, не гляди никуда, — зарябитъ въ глазахъ.“ — Что жъ, зажмуриться, что-ли? спросилъ я его. „О, сохрани Боже, воскликнулъ онъ, испугавшись самой мысли, „назовутъ трусомъ; надобно глядѣть весело, но ничего не видѣть, ничего не слышать, ни о чёмъ не думать.“ Болѣе всего совѣтовалъ онъ мнѣ крѣпко держаться за перекладины и не ползти, потому что, въ такомъ случаѣ, притягивая своё тѣло къ точкѣ опоры рукъ, съ тѣмъ вмѣстѣ тянешь къ себѣ перекладины и легко можешь ихъ сдвинуть, но должно только опираться объ нихъ, и, приподимаясь нѣсколько, такъ сказать перескакивать всё впередъ и впередъ. „Есть,“ произнёсъ я, скрѣпивъ сердце и, благословясь внутренно, отправился въ путь скачкомъ — ползкомъ. Дорогой я имѣлъ довольно времени, что-

бы разсуждáть о порядкѣ возникáющихъ искýсствъ, между котóрыми этотъ мостъ дóлжно бы́ло постáвить въ сáмой головѣ; но бы́ло не до разсужде́ній. Я однáко начинáлъ привыкáть къ своемý положе́нію, какъ вдругъ, взглянýвъ нечáянно впередъ, остолбенѣлъ и остáлся недви́жимъ. Одно́ изъ двухъ брёвенъ слѣдующей полови́ны мóста вы́шло изъ своего́ гнѣздá, и тѣмъ концóмъ, котóрый былъ обращёнъ ко мнѣ и, слѣдовательно, находи́лся на сáмой среди́нѣ Морáчи, едвá касáлось подстáвокъ, едвá задѣвáло ихъ полови́ной своéй оконéчности; казáлось, малѣ́йшее движе́ніе низвéргнетъ его́ въ бéздну. По какóму-то инстúнкту я обернýлся назáдъ: воздýшное простра́нство, óколо пяти́ саженéй за мнóю и перéдо мнóю, отдѣля́ло меня́ отъ земли́; потóмъ взглянýлъ нечáянно внизъ: бéздна бы́ла подо мнóю, вóлны кипѣ́ли и рвали́сь изъ ущелья съ оглушáющимъ шýмóмъ, брызги долетáли до меня́; и обратúлъ взóръ своúй къ нéбу — тщéтная надéжда. Голова закружи́лась, сéрдце сжáлось, я пошатнýлся и едвá не потеря́лъ равновѣ́сія; но это бы́ло одúнъ мигъ. Разсýдокъ взялъ власть свою́. Легкó бы́ло убѣди́ться въ физúческой невозмóжности вернýться назáдъ: для этого нýжно бы́ло сдѣ́лать надъ бéздною сáльто-мортáле, на котóрый у меня́ нéбыло ни искýсства, ни охóты; другáя, вспáвшая мнѣ мысль бы́ла всползти́ внизъ по стóйкѣ, на котóрую опирáлся мостъ; но éслибъ я и достúгъ рѣки́, то какъ удержáться на стремни́нѣ, катя́щей валуны́ кáмней на пути́ своёмъ? Я остáвилъ и эту мысль и, не колéблясь бó-

лѣе ни мину́ты, отпра́вился впередъ, не каса́ясь рука́ми полуниспада́ющей перекла́дины, и е́сли задѣва́лъ её ногою́, то то́лько для того́, что́бы прижа́ть къ другоѝ. Тще́тное уси́ліе; она́ колеба́лась подо мной при ка́ждомъ движе́ніи и тѣ́ло моё; опираясь все́ю тя́жестью на одну́ зы́бкую перекла́дину, съ трудо́мъ сохраня́ло равнове́сіе. Обѣтова́нный бере́гъ былъ, одна́ко, бли́зокъ; изму́ченный безпресста́ннымъ уси́ліемъ и жела́ніемъ дости́днуть земли́, я забы́лъ благоразу́міе и рѣши́лся соскочи́ть на́-берегъ съ мо́ста; упёршись объ него́ все́ю си́лою, я занёсъ одну́ но́гу въ во́здухъ, — вдру́гъ зы́бкая перекла́дина полетѣ́ла въ стремни́ну..... но я уже́ стоя́лъ на землѣ́, и уже́ дыша́лъ свобо́дно.

Ковалевскій.

РЕЙНСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Пріѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; я чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ-бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокій утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галлерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ.

Теперь представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагамыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею

твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ, и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смогрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію, давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизгла голанномъ! Я наслаждался .... Долѣе часа стояли мы въ сей галлереѣ; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на цирихскомъ берегу, и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ (подобно великому мужу, скажетъ стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій, и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злаго рока), а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ — старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и дерева: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Наконецъ, отпустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли мы лодку и поплыли внизъ по Рейну. Нѣсколько разъ обращались глаза мои на водопадъ:

онъ скрылся — но шумъ его долго еще отзывался въ моемъ слухѣ.

Карамзинъ.

ДѢВУШКА И ЧИЖЪ.

„Что это за житье? Терпѣнья право нѣтъ!“ —
(Такъ Лиза, дѣвушка четырнадцати лѣтъ,
Сама съ собою говорила) —
„Все хочетъ маменька, чтобъ я училась, шила,
Не дастъ почти и погулять.
Едва три раза въ годъ бываю я на балѣ;
А то вертись себѣ безъ кавалера въ залѣ!
Куда какъ весело одной вальсировать!“ —
Тутъ Лиза тяжело вздохнула,
Отерла слезку, и взглянула
Нечаянно на верхъ окна;
И чтожь увидѣла она?
Любимый чижъ ея въ рѣшетчатой темницѣ,
Конечно вспомнивъ про лѣсокъ,
Сидѣлъ на жердочкѣ, новѣсивши носокъ.
„Ахъ! вольность дорога и птицѣ!“
Сказала Лизанька, — „я по себѣ сужу.
О бѣдной Пипинька! ужъ болѣ
Тебя не удержу.
Ступай, лети, мой другъ, и веселись на волѣ!“
Съ симъ словомъ отперла она у клѣтки дверь.
Встряхнулся Пипинька, летитъ въ окно, кружится,
На крышку ближнюю садится;
Запѣлъ. — „Какъ счастливъ онъ теперь!“
Мечтаетъ Лизанька; и видитъ изъ окошка,
„Что къ Пипинькѣ подкралась кошка,
Прыгнула на него, и при ея глазахъ
Бѣдняжку растерзала.
Въ раскаяньи, въ слезахъ,
Вотъ Лиза что сказала:
„Какъ смѣла я на маменьку роптать?

Теперь я вижу очень ясно,
Что волю тѣмъ имѣть опасно,
Кто слабъ, и самъ себя не можетъ сохранять!“

А. Измайловъ.

ВОРЪ.

(Сказка изъ Хрест. Шафранова.)

Жилъ былъ старикъ со старухою; у нихъ былъ сынъ по имени Иванъ. Кормили они его, пока большой выросъ; а потомъ и говорятъ: „ну, сынокъ! доселева мы тебя кормили, а нынче корми ты насъ до самой смерти.“ Отвѣчалъ имъ Иванъ: „когда кормили меня до возраста лѣтъ, то кормите и до уса.“ Выкормила его до уса, и говорятъ: „ну сынокъ! мы кормили тебя до уса, теперь ты корми насъ до самой смерти.“ Эхъ батюшка и ты матушка! отвѣчаетъ сынъ, когда кормили меня до уса, то кормите и до бороды. Нечего дѣлать: кормили, поили его старики до бороды, а послѣ и говорятъ: „ну сынокъ, мы кормили тебя до бороды, нынче ты насъ покорми до самой смерти-“ — А коли кормили до бороды, такъ кормите и до старости! Тутъ старикъ не выдержалъ, пошелъ къ барину бить челомъ на сына. Призываетъ господинъ Ивана: „что-жь-ты дармоѣдъ, отца съ матерью не кормишь.“ — Да чѣмъ кормить-то? рязвѣ воровать прикажете? работать я не учился, а теперь и учиться поздно. — „А по мнѣ какъ знаешь! говоритъ ему баринъ; хоть воровствомъ, да корми отца съ матерью, чтобъ на тебя жалобъ небыло!“ Тѣмъ временемъ доложили барину, что баня готова, и пошелъ онъ

париться; а дѣло-то шло къ вечеру. Вымылся баринъ, воротился назадъ и сталъ спрашивать: „эй, кто-тамъ есть? подать босовики!“ А Иванъ тутъ какъ тутъ, стащилъ ему сапоги съ ногъ; подалъ босовики; сапоги тотчасъ подъ мышку и унесъ домой. „На батюшка! говоритъ отцу; снимай свои лапти, обувай господскіе сапоги.“ На утро хватился баринъ — нѣтъ сапоговъ; послалъ за Иваномъ: ты унесъ мои сапоги?“ — Знать-не-знаю, вѣдать-не-вѣдаю, а дѣло мое! — „Ахъ ты плутъ, мошенникъ! какъ-же ты смѣлъ воровать?“ — Да развѣ ты, баринъ, не самъ сказалъ: хоть воровствомъ, да корми отца и матерью? я твоего господскаго приказу не хотѣлъ ослушаться. — „Коли такъ, говоритъ баринъ, вотъ тебѣ мой приказъ: укради у меня чорнаго быка изъ-подъ плуга; уворуешь — дамъ-тебѣ сто рублей, не уворуешь — влеплю сто плетей.“ — Слушаю-сь! отвѣчаетъ Иванъ, тотчасъ бросился онъ на деревню, стащилъ гдѣ-то пѣтуха, ощипалъ ему перья, и скорѣй на пашню; подползъ къ крайней бороздѣ приподнялъ глыбу земли, подложилъ подъ нее пѣтуха, а самъ за кусты спрятался. Стали плугатари вести новую борозду, зацѣпили ту глыбу земли и воротили на-сторону: ощипанной пѣтухъ выскочилъ и что-силъ-было — побѣжалъ по кочкамъ, по рытвинамъ. „Что за чудо изъ земли выкопали!“ закричали плугатари и пустились въ догонку за пѣтухомъ. Иванъ увидалъ, что они побѣжали какъ угорѣлые, бросился сейчасъ къ плугу, отрубилъ у одного быка хвостъ, да воткнулъ другому въ ротъ, а

а третьяго отпрегъ и увелъ домой. Плугатири гонялись-гонялись за нѣтухомъ, такъ и не поймали, воротились назадъ: чорнаго быка нѣтъ; а пестрой безъ хвоста. „Ну братцы! пока мы за чудомъ бѣгали быкъ быка съѣлъ: чорнаго то совсѣмъ сожралъ, а пестрому хвостъ откусилъ!“ Пошли къ барину съ повинною головою: „помилуй, отецъ! быкъ быка съѣлъ.“ — Ахъ, вы дурачье безмозглое! закричалъ на нихъ баринъ; ну гдѣ-это видано, гдѣ-это слыхано, чтобъ быкъ да быка съѣлъ? Позвать ко мнѣ Ивана! — Позвали.“ Ты быка укралъ?“ — Я, баринъ. — „Куда-жъ ты дѣвалъ его?“ — Зарѣзалъ; кожу на базаръ снесъ, а мясомъ стану отца да мать кормить.“ — Молодецъ! говоритъ баринъ; вотъ-тебѣ сто рублей. Ну, укрядь же теперь моего любимаго жеребца, что стоитъ за тремя дверями, за шестью замками; уведешь — плачу двѣсти рублей, не уведешь — влеплю двѣсти плетей?“ — Изволь, баринъ! украду. Вечеромъ поздно забрался Иванъ въ барской домъ; входитъ въ переднюю — нѣтъ ни души, смотритъ — виситъ на вѣшалкѣ господская одежда; взялъ барскую шинель да фуражку, надѣлъ на себя, выскочилъ на крыльцо и закричалъ громко кучерамъ и конюхамъ: „эй, ребята! осѣдлать поскорѣй моего любимаго жеребца да подать къ крыльцу.“ — Кучера и конюхи признали его за барина, побѣжали въ конюшню, отперли шесть замковъ, отворили трое дверей, въ мигъ все дѣло исправили и подвели къ крыльцу осѣдланнаго жеребца. — Воръ сѣлъ на него верхомъ, ударилъ хлыстикомъ — толь-

ко и видѣли! На другой день спрашиваетъ баринъ: „ну, что мой любимой жеребецъ? а онъ еще съ вечера выкраденъ. Пришлось посылать за Иваномъ: „ты укралъ жеребца?“ — Я, баринъ. — „Гдѣ же онъ?“ — Купцамъ продалъ. — „Счастливъ твой Ботъ, что я самъ украсть велѣлъ! Возьми свои двѣсти рублей. Ну, укради же теперь керженскаго *) наставника.“ — А что, баринъ, за труды положишь? — „Хочешь триста рублей?“ — Изволь, украду! — „А если не украдешь?“ — Твоя воля! дѣлай, что самъ знаешь.

Призвалъ баринъ наставника: берегись, говоритъ, стой на молитвѣ всю ночь, спать не моги! Ванька — воръ на тебя похваляется.“ Перепугался старецъ, не-до-сна-ему, сидитъ въ кельѣ да молитву твердитъ. Въ самую полночь пришелъ Иванъ-воръ съ рогозиннымъ кошелемъ и случится въ окно. „Кто-ты, человѣче?“ — Ангелъ съ небеси, посланъ за тобою унести живаго въ рай; полѣзай въ кошель. Наставникъ съ дуру и влѣзъ въ кошель; воръ завязалъ его, поднялъ на-спину и понесъ на колокольню. Тащилъ-тащилъ, „скоро ли?“ спрашиваетъ наставникъ. „А вотъ и увидишь! Сначала дорога хоть долга, да гладка, а подъ конецъ коротка да колотлива.“ Втащилъ его наверхъ, и спустилъ внизъ по лѣстницѣ: больно пришлось наставнику, пересчиталъ всѣ ступеньки! „Охъ, говоритъ, правду сказывалъ Ангелъ: передняя дорога хоть долга, да гладка, а послѣдняя коротка да ко-

*) Раскольничій.

лотлива! И на томъ свѣтѣ такой бѣды не знавалъ!“ — Терпи спасенъ будешь! отвѣчалъ Иванъ; поднялъ кошель и повѣсилъ у воротъ на ограду, положилъ подлѣ два березовыхъ прута толщиною въ палецъ и написалъ на воротахъ: „кто мимо пройдетъ, да не ударитъ по кошелю три раза, — да будетъ анаѳема-проклятъ!“ Вотъ всякой, кто ни проходитъ мимо — непремѣнно стегнетъ три раза. Идетъ баринъ: „что за кошель виситъ?“ Приказалъ снять его и развязать. Развязали, а оттуда лѣзетъ керженскій наставникъ. „Ты какъ сюда попалъ? вѣдь говорилъ тебѣ: берегись, такъ нѣтъ! Не жалко мнѣ, что тебя прутьями били, а жалко мнѣ, что изъ-за тебя триста рублей даромъ пропали.“

РУСАКЪ

(Разсказъ Владиміра Даля.)

У Нѣмца на все струментъ есть,“ говоритъ пословица, которая неоспоримо доказываетъ, что Русскій любитъ браться за дѣло, какъ можно проще, безъ затѣйливыхъ снарядовъ.

... Кто не знаетъ Телушкина, смѣтливости и смѣлости его, удивившей въ свое время весь бѣлый свѣтъ? Тонкій и высокій адмиралтейскій шпиль въ Петербургѣ, — который еще недавно въ глазахъ нашихъ для починку обставленъ былъ цѣлымъ лѣсомъ лѣсовъ, — потребовалъ и въ то время какой-то менѣе значительной починки; но само собою разумѣется, что на вершину шпиля, на эту иглу, одѣтую сверху до низу вызолоченнымъ листовымъ желѣзомъ, нельзя иначе попасть, какъ обгородивъ ее цѣлымъ городомъ лѣсовъ, отъ земли до самаго кораблика: издержки огромныя въ работѣ и въ припасахъ. Простой работникъ, кровельщикъ, былъ при разсужденіи объ этомъ, слышалъ о торгахъ, о совѣщаніяхъ подрядчиковъ, пошелъ осмо-

трѣть еще разъ на-глазомѣръ шпиль и узнать, высоко ли можно будетъ подняться внутри его въ пространствѣ трехъ мачтовыхъ деревъ, составляющихъ иглу, и, сообразивъ все это, явился самъ на торги и предложилъ сдѣлать требуемую поправку не за десятки тытячъ рублей, а за нѣсколько сотъ, сколько пожалуютъ изъ милости. Подумавъ, — согласились, но никто не вѣрилъ успѣху. Кровельщихъ отправился въ шпиль, поднялся по желѣзнымъ скрѣпамъ между тремя мачтовыми деревьями до самаго нельзя, тамъ сдѣлалъ осторожно окошечко, вынувъ желѣзный листъ; высунулъ голову и посмотрѣлъ на Питеръ. Насмотрѣвшись, онъ примостился, сталъ твердою ногою снаружи шпиля, закинулъ веревку, размахавъ ее вокругъ шпиля, поймалъ другой конецъ, пронялъ въ него веревку удавкой, или петлей, затянулъ ее и, подымая шестомъ постепенно все выше и выше, продолжалъ затягивать, не давая ей опускаться внизъ. Кончивъ пріемъ этотъ, онъ опоясался концомъ этой веревки, соскочилъ во славу Господню на вольный свѣтъ, будто хотѣлъ полетѣть, и, цѣпляясь босыми ногами за почти отвѣсный шпиль, пошелъ улиткой вокругъ него, подымая шестомъ обороты веревки, какъ можно выше, и ложась вѣсомъ всего тѣла прочь отъ шпиля на воздухъ, чтобы натягивать веревку. Такимъ образомъ, онъ, обвивая веревку вокругъ шпиля и укорачивая ее этимъ, подымался все выше и выше; тамъ примостился снова, какъ ласточка, съ гнѣздомъ своимъ, снаружи шпиля, опять закинулъ оттуда веревку петлей и кончилъ тѣмъ, что добрался до верхушки — до желѣзного стержня, на которомъ стоитъ знаменитый корабликъ. Привязавъ къ этому мѣсту стремянку (веревочную лѣстницу), мой кровельщикъ сѣлъ отдыхать, и смотрѣлъ на подножный Петербургъ глазомъ побѣдителя. Весело было ему теперь оглянуться! Въ нѣсколько дней починка была окончена, лѣсенка снята, окно зачинено, и всѣ незатѣйливые снаряды убраны.

. . . Десятокъ нашихъ мужиковъ или извощиковъ возившихъ товаръ на Лейпцигскую ярмарку, удивили

Нѣмцевъ въ какомъ-то городкѣ, взявши окрасить высокій, многоярусный домъ, съ такими малыми затѣями и издержками, что весь городъ сходился дивиться и любоваться этимъ необычайнымъ дѣломъ. Цеховые Нѣмецкіе баумейстеры *), сошедшись на торги къ хозяину дома, просили большую цѣну, сообразную съ ихъ способомъ обѣлки и окраски: а они для того ставятъ лѣса и дѣлаютъ помосты вокругъ всего зданія до самаго верху, какъ у насъ при постройкѣ домовъ. Мужички мои, которые съ-молоду бывали, кто сапожникомъ, кто мостовщикомъ, долго стояли у воротъ заѣзжаго дома, насупротивъ котораго все это дѣлалось, и когда хозяинъ не сошелся съ мастерами въ цѣнѣ, то наши и стали поговоривать, что дѣло это можно бы сдѣлать вдвое дешевле противъ Нѣмцевъ. Слово-за словомъ, ихъ вызвали принять на себя работу, а они, посовѣтовавшись между собою, ударили по рукамъ. Приставивъ съ одной стороны обычный костыль нашъ, котораго за-границей и не знаютъ, подвѣсивъ съ другой койку, которая спускается и подымается на веревкѣ, на которой внизу стоитъ одинъ работникъ, ради безопасности висѣльника, — да выставивъ изъ оконъ верхнихъ ярусовъ тутъ и тамъ по плахѣ, на которую одинъ садится верхомъ внутри окна, а другой снаружи, — мои мастеровые окрасили домъ, къ большому изумленію и даже соблазну туземцевъ, и особенно каменьщиковъ или бѣлильщиковъ.

... Огромный колоколъ, въ саженныхъ размѣрахъ, былъ отлитъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ Петербурга, куда его слѣдовало доставить. Не столько огромный объемъ, сколько вѣсъ его чрезвычайно затруднялъ дѣло: никакой лѣтній ходъ, то-есть, оси и колеса, не могли выдержать такой тяжести, а на зимнемъ ходу, на полозьяхъ, ее нельзя стащить съ мѣста, потому что она „прилипаетъ,“ какъ крестьяне выражаются, то-есть, отъ непомѣрнаго давленія своего, не только врѣзывается въ снѣгъ до земли, но и останавливаетса намертво на каждомъ сучкѣ или ка-

*) Строительные мастера.

мешкѣ, который попадается на дорогѣ, и забивается въ самое дерево полоза. Нашелся однако же крестьянинъ, который принялъ на себя съ торговъ доставку за весьма умѣренную плату, и всѣ отступились, полагая, что онъ поплатится залогомъ. Но онъ ухитрился очень просто, и сдѣлалъ свое дѣло, какъ нельзя лучше: онъ положилъ колоколъ бокомъ, приподнялъ и подперъ уши такъ, чтобы ось колокола лежала по уровню; за тѣмъ онъ придѣлалъ, со стороны ушей, большой деревянный кругъ, того же размѣра, какъ и самое жерло колокола. которое также накрылъ такимъ кругомъ; обшивъ всю поверхность между днами, или кругами этими толстыми досками, и вставивъ въ средину того и другаго дна по желѣзному стержню, вмѣсто оси, онъ сдѣлалъ изъ колокола огромный катокъ, который не слишкомъ тяжело было катить по дорогѣ, заложивъ нѣсколько десятковъ лошадей за каждый конецъ оси. Ломки не было никакой, и колоколъ прибылъ благополучно къ сроку на мѣсо своего назначенія.

. . . При расчисткѣ дороги наткнулись на большой дикій камень, гранитъ, составлявшій гребень подземной скалы, и не знали, какъ его сбыть съ рукъ: вести для него дорогу въ обходъ не хотѣлось, и потому принялись разбивать его въ-ручную молотами. Проработали цѣлый день, щебню набили цѣлую кучу, а между тѣмъ камня почти не убываетъ. Прикинули глазомъ, да и испугались: приходилось заняться однимъ этимъ камнемъ болѣе мѣсяца. Одинъ изъ работниковъ взялся убрать его въ двои либо трои сутки: онъ настакалъ на него цѣлый костеръ хворосту, зажегъ его и, раскаливъ камень, велѣлъ поспѣшно полить его водой изъ ближайшей канавы; камень весь растрескался, началъ осыпаться подъ молотомъ, какъ рухлякъ, и когда такимъ образомъ легко сняли верхній пластъ, то повторили тоже въ другой разъ, и камня не стало, — дорогу сравняли.

Еще лучше и проще этого сдѣлалъ загадливый мужичокъ, который за сто рублей убралъ камень, за уборку котораго просили тысячу. Большое мѣсто рав-

няли, проходили на-проглядъ, какъ говорятъ наши рабочіе, и камень въ добрую сажень лежалъ тамъ, гдѣ ему быть не слѣдовало. Рѣшили свезти его подъ гору и свалить на берегъ рѣки; но это обходилось не дешево, и на торгахъ никто не бралъ менѣе тюсячу рублей. Выходитъ простой работникъ, наслушавшійся всѣхъ толковъ объ этомъ камнѣ, и говоритъ: — залоговъ у меня нѣтъ, господа, и нѣтъ денегъ на гербовый листъ, на просьбу и на контрактъ; а коли повѣрите не слову, а дѣлу, то завтра камня не будетъ на этомъ мѣстѣ; а вы мнѣ за это что пожалуете, то и возьму.

Согласилися. Мужикъ пошелъ, выкопалъ подъ камнемъ яму, подкопалъ и свалилъ его туда, и засыпалъ землей. Всѣ до того изумились, что не знали: посмѣяться шуткѣ этой и подтрунить надъ самими собой, или ужь лучше притвориться, будто никто ничего не видалъ. . . .

. . . Смышленостью и находчивостью неоспоримо можетъ похвалиться народъ нашъ: но надобно сознаться, что, кромѣ нѣсколькихъ простыхъ и превосходныхъ древнихъ изобрѣтеній, съ которыми уже свыкся Русскій крестьянинъ, онъ не только мало склоненъ къ новымъ, самобытнымъ изобрѣтеніямъ, но вообще, даже не любитъ, собственно для себя, улучшеній и нововведеній подражательныхъ; и это особенно относится до домашняго его быта и хозяйства. За то онъ крайне понятливъ и переимчивъ, если дѣло пойдетъ по промышленной и ремесленной части.

Владиміръ Даль.

ВЕЛЬМОЖА.

Какой-то, въ древности вельможа,
Съ богато-убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ.
Сказать простѣе, — умеръ онъ;
И такъ, какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.

Тотчасъ допросъ ему: „Чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?“
— „Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;
Но такъ-какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ.“
— „Чтожь дѣлалъ ты?“ — „Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ.“
— „Скорѣй же въ рай его!“ — „Какъ, гдѣ же справедливость?“
Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
— „Эхъ, братецъ!“ отвѣчалъ Эакъ:
Не знаешь дѣла ты никакъ.
Не видишь, развѣ, ты? Покойникъ — былъ дуракъ!
Что, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастію?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край....
И ты бъ тамъ слезъ не обобрался!
Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался.“ —
Вчера я былъ въ судѣ, и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

И. А. Крыловъ.

МАРКО-КРАЛЕВИЧЪ.

БЫЛИНА СЕРБСКАЯ.

(Перевелъ Иванъ Боричевскій.)

Рано вышла Туркиня-дѣвица *), до зари и до бѣлаго утра, мыть полотно на Марицу. До солнца протекала вода чистая, а при солнцѣ она замутилася, и мутна потекла и кровавая; по ней понеслись колпаки и лошади, передъ ними плыли витязи израненные. Одного ви-

*) По-сербски Туркиня — Турчанка.

тязя вода унесла въ быстрину. Витязь увидѣлъ дѣвицу у-берега, сталъ просить-умолять ее:

„По Богу сестра, милая дѣвица! перекинь ко мнѣ конецъ полотна; изъ пучины быстрой извлеки меня; наградить тебя я не забуду.“

Бога-ради дѣвица послушалась: перекинула витязю конецъ полотна, и къ берегу его изъ воды привлекла. На витязѣ было семнадцать ранъ, и платье на немъ чудесное, у бедра сабля окованная: три рукояти изъ золота, а на нихъ три камня драгоцѣнные. Стоила сабля три града царевыхъ.

Взговорилъ витязь Туркинѣ-дѣвицѣ:

„Сестра моя, Туркиня-дѣвица! кто во дворѣ твоемъ бѣломъ находится?“

Отвѣчаетъ Туркиня-дѣвица:

— „Есть у меня тамъ мать престарѣлая, да братъ Мустафъ-Ага.“

Сталъ просить, умолять израненный витязь:

„Сестра моя, Туркиня-дѣвица! попроси ты брата Мустафъ-Агу, что бы во дворъ бѣлый принесъ меня. Есть у меня полныхъ три кошелька по триста червонцевъ въ каждомъ. Однимъ поклонюсь я тебѣ, другимъ — брату Мустафъ-Атѣ, а триста при себѣ оставлю, чтобъ залѣчить мои раны тяжкія. Если, Богъ дастъ, мои раны закроются, наградить тебя не забуду и твоего брата Мустафъ-Агу.“

Побѣжала дѣвица въ дворъ бѣлый, и говоритъ брату Мустафъ-Агѣ.

— „Ты, братецъ мой, Мустафъ-Ага! встрѣтила я витязя раненаго на студеной рѣкѣ на Марицѣ; есть у него полныхъ три кошелька:

однимъ хочетъ поклониться мнѣ, а другимъ тебѣ, Мустафъ-Ага; третій — при себѣ оставить, чтобы залѣчить свои раны кровавыя. Не дай, братъ, погибнуть витязю раненому; донеси его во дворъ нашъ бѣлый."

Сошелъ Турокъ къ рѣкѣ Марицѣ, и, увидѣвъ витязя, сталъ разсматривать его саблю окованную, махнулъ ею, и отсѣкъ витязю голову; снялъ съ него платье богатое и воротился къ своему дому бѣлому.

Какъ увидѣла Туркиня-дѣвица, что совершилося, стала говорить брату Мустафъ-Агѣ:

— „Братъ, Богъ да накажетъ тебя! ты за что погубилъ моего побратима? Чѣмъ ты, безумный, прельстился? — одной только саблей окованной! . . . Далъ бы Богъ, чтобъ она и твою снесла голову!"

Сказавъ, дѣвица убѣжала въ свой теремъ.

Немного прошло времени, какъ пришелъ фирманъ султана Турецкаго идти на войну Мустафъ-Агѣ. И поѣхалъ Мустафъ-Ага къ султанскому войску, малъ и великъ сталъ разглядывать саблю, но никому не далась она изъ ноженъ вынуть; изъ рукъ въ руку переходила, и какъ попалась Марку Кралевичу — сама изъ ноженъ выскочила *); увидѣлъ Марко на ней три имена Христіанскія, одно имя Новака, ея мастера, другое имя — Вукашина-краля **), третье имя — Марка Кралевича.

---

*) Въ Славянскихъ разсказахъ безъ суевѣрныхъ чудесъ не бываетъ: есть не только башмаки-самоходы, ковры-самолеты, но и сабли-самоскоки.

**) Краль Вукашинъ — отецъ Марка Кралевича.

Марко спросилъ Мустафъ-Агу:

„Молодой витязь Турецкій! Бога ради, скажи, ты откуда добылъ саблю острую? . . . Аль въ кровавомъ бою получилъ ее, или досталась по завѣту отца? Али въ приданое люба *) ее принесла по-наслѣдству?

Говоритъ ему Турокъ Мустафъ-Ага:

— Во имя Бога, Марко-гяуринъ **), если говорить мнѣ съ тобою, — всю правду сказать безъ-утайки.

И все, какъ съ витяземъ раненымъ было, Мустафъ-Ага разсказалъ ему.

Отвѣчаетъ ему Марко Кралевичъ:

„Турокъ, Богъ да накажетъ тебя! ты зачѣмъ не хотѣлъ излѣчить витязю раны? — у султана высокаго я тебѣ упросилъ бы агалыкъ.“ ***)

Возразилъ ему Турокъ Мустафъ-Ага:

— Ба, ба, ба: полно шутить-то, Марко-гяуринъ! Если бъ ты могъ мнѣ агалыкъ добыть, то прежде всего себѣ бы ты добылъ его; — а пока возврати мнѣ саблю окованную,

Саблей взмахнулъ Марко - Прилипчанинъ ****), и голову снесъ Мустафъ-Агѣ.

Султану обо всемъ донесли, и за Маркой прислалъ онъ прислужниковъ. Марку зовутъ: а онъ, молча, сидитъ, и вино попиваетъ алое. Когда и вино Марку не взмилилось, тогда вскинулъ шубу на плеча. а въ руки схватилъ бу-

*) Люба — милая, жена.

**) Гяуринъ — невѣрный, неисповѣдующій Магометанской вѣры.

***) Должность Аги — правителя какого-либо города или села.

****) Изъ города Прилипа.

лаву претяжелую *), и прямо пошелъ въ султанскій шатеръ. Тамъ Марко въ-конецъ разъярился: на ковры драгоцѣнные сѣлъ въ сапогахъ, съ-искоса поглядывалъ на султана, — поглядываетъ, а глаза налились у него кровью.

Когда Султанъ на Марку взглянулъ, и при немъ увидалъ булаву претяжелую, то сталъ отсѣдать, а Марко къ нему присѣдать: присѣдалъ до тѣхъ поръ, пока не притеръ султана къ стѣнѣ.... Нечего дѣлать! Султанъ запустилъ въ карманъ руки, и добылъ цѣлую сотню червонцевъ...

„На, — говоритъ онъ — Марко, возьми и напейся вина.... Да скажи, чѣмъ такъ разъярили тебя?“

— Государь-поотчимъ! — отвѣчаетъ Марко Кралевичъ — чѣмъ такъ разъярили меня, ты не спрашивай: — я узналъ саблю отцовскую... Если бъ я видѣлъ ее и въ твоей рукѣ; — и ты разъярилъ бы меня.

Больше не могъ говорить. Всталъ и пошелъ въ свой шатеръ **).

ДОЧЬ ПАСТУХА.

(Сказка изъ Хрестоматіи Шафранова.)

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; наскучило ему ходить холо-

---

*) О необыкновенной величинѣ булавы Марка — у Сербовъ много разсказовъ.

**) О Маркѣ Кралевичѣ у Сербовъ весьма много разсказовъ. За силу и молодечество онъ былъ въ большой чести у султана, но познакомился и со Стамбулскими темницали: обстоятельства, требовавшія силы и удали, не-разъ выводили Марку изъ заключенія и опять доставляли ему полное благоволеніе султана. Марко пилъ мертвую чашу, но изумительно былъ крѣпокъ на голову.

стому, и задумалъ жениться; долго присматривался, и никакъ не могъ найдти себѣ невѣсты по-сердцу. Въ одно время поѣхалъ онъ на охоту и увидалъ на-полѣ: пасетъ скотину крестьянская дочь — такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, а другой такой во всемъ свѣту не сыскать. Подъѣхалъ царь къ ней и говоритъ ласково: здравствуй, красная дѣвица! — „Здравствуй, государь!“ — Котораго отца ты дочь? — „Мой отецъ — пастухъ, недалече живетъ.“ Царь разспросилъ про все подробно: — какъ зовутъ ея отца и какъ слыветъ ихъ деревня, распрощался и поѣхалъ прочь. Немного погодя, день или два, пріѣзжаетъ царь къ пастуху въ домъ: „здравствуй, добрый человѣкъ! я хочу на твоей дочери жениться.“ — Твоя воля, государь! — „А ты, красная дѣвица, пойдешь за меня? — Пойду! говоритъ. „Только я беру тебя съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ ни однимъ словомъ мнѣ не поперечила; а коли скажешь супротивъ хоть единое словечко — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!“ Она согласилась. Царь приказалъ ей готовиться къ свадьбѣ, а самъ разослалъ по всѣмъ окрестнымъ государствамъ пословъ, чтобъ съѣзжались къ нему короли и королевичи на пиръ на веселье. Собрались гости; царь вывелъ къ нимъ свою невѣсту въ простомъ деревенскомъ платькѣ: „что, любезные гости, нравится ли вамъ моя невѣста?“ — Ваше величество! сказали гости; коли тебѣ нравится, а намъ и подавно. Тогда велѣлъ ей нарядиться въ царскіе уборы, и поѣхали къ вѣнцу. Извѣстное дѣло: у царя ни пиво варить ни вино курить — всего вдоволь! Перевѣнчались и подняли пиръ на весъ міръ: пили-ѣли, гуляли и потѣшались. Отпировали, и зачалъ царь жить съ своей молодой царицею въ любви и согласіи. Черезъ годъ времени родила царица сына, и говоритъ ей царь грозное слово: „твоего сына убить надо, а то сосѣдскіе короли смѣяться будутъ, что всѣмъ моимъ царствомъ завладѣетъ послѣ меня мужицкой сынъ!“ — Твоя воля! не могу тебѣ поперечить, отвѣчаетъ бѣдная царица. Царь взялъ ребенка, унесъ отъ матери

и тайно велѣлъ отвезти его къ своей сестрѣ, пусть у ней ростетъ до поры до времени. Прошолъ ещо годъ — царица родыла ему дочь; царь опять говоритъ ей грозное слово: „надобно изгубить твою дочь; а то сосѣдніе короли смѣяться будутъ, что она не царевна, а мужицкая дочь!“ — Твоя воля! дѣлай, что знаешь, не могу тебѣ поперечить. Царь взялъ дѣвочку, унесъ отъ бѣдной матери и отослалъ къ своей сестрѣ. Много лѣтъ прошло, много воды утекло; царевичъ съ царевною выросли: онъ хорошъ, она ещо лучше — другой такой красавицы нигдѣ не найдти! Царь собралъ своихъ думныхъ людей, призвалъ жену и сталъ говоритъ: „не хочу съ тобой больше житъ; ты — мужичка, а я — царь! Снимай царскіе уборы, надѣвай крестьянское платье и ступай къ своему отцу.“ Ни слова не сказала царица, сняла съ себя богатые уборы, надѣла старое крестьянское платье, воротилась къ отцу и по прежнему начала въ поле скотину гонять. А царь задумалъ на иной жениться; отдалъ приказъ, чтобы все было къ свадьбѣ готово, и призвавъ свою прежнюю жену, говоритъ ей; „хорошенько прибери у меня въ комнатахъ; я сегодня невѣсту привезу.“ Она убрала комнаты, стоитъ — дожидается. Вотъ привезъ царь невѣсту, за нимъ слѣдомъ наѣхало гостей видимо-невидимо; сѣли за столъ, стали ѣсть-пить, веселиться. „Что хороша ли моя невѣста?“ спрашиваетъ царь у прежней жены. — отвѣчаетъ она; если тебѣ хороша, такъ мнѣ и подавно! „Ну, сказалъ ей царь, надѣвай опять царскіе уборы и садись со мной рядомъ; была ты и будешь моей женою. А эта невѣста — дочь твоя, а это — сынъ твой!“ Съ этихъ поръ началъ царь жить съ своею царицею безъ всякой хитрости, пересталъ ее испытывать и до конца своей жизни вѣрилъ ей во всякомъ словѣ.

КРЕСТЬЯНИНЪ И КЛЯЧА.

Ну, матушка! . . . о, дьяволъ! стала!“
(Филатъ такъ клячѣ говорилъ
Въ лѣсу, гдѣ дровъ онъ пропасть парубилъ,

И возъ престрашный навалилъ.)
„И съ мѣста не сошла еще, уже устала, —
Такъ я тебѣ вотъ дамъ!...“
При словѣ семъ схватилъ Филатъ мой хворостину,
И ею ну возить онъ бѣдную скотину
И по спинѣ, и по бокамъ.
Упала кляча на колѣни,
Какъ-будто милости хотѣла симъ просить;
Филатъ неумолимъ, терпѣть не можетъ лѣни,
И продолжаетъ бить.
Приподнялась она тутъ нехотя на ноги
И кой-какъ потащила возъ.
„Пошла! пошла! легко; смотри, какой морозъ!“
Но кляча стала вдругъ опять среди дороги
И далѣе не йдетъ.
Опять Филатъ ее съ-плеча дубиной бьетъ.
Упала, бѣдная, ужь не встаетъ,
Не тронется, не шевелится.
Филатъ, примѣтя то, дивится —
Посмотритъ: кляча умерла!...
Какъ взвоетъ мой мужикъ: „Одна лишь и была
Лошадушка — и та вотъ пала!
Пропала голова моя теперь, пропала!
Чѣмъ прогнѣвилъ тебя, о Господи, Филатъ?...“
А самъ, бездѣльникъ, виноватъ.

Александръ Измайловъ.

ДОБРОЕ СЛОВО.

(Сказка изъ Хрестоматіи Шафранова.)

Жи́лъ-былъ купе́цъ, да поме́ръ; остава́лся у него́ сынъ Ива́нъ несча́стной — въ большо́й бѣ́дности прожива́лъ. Пришо́лся онъ по мы́сли одно́й дѣ́вицѣ, дочкѣ бога́таго купца́; собрала́сь идти́ за него́ за́мужъ. Оте́цъ на́чалъ

ее́ остана́вливать: что́ ты за тако́го за бѣ́днаго за́мужъ идёшь? я тебя́ лу́чше за бога́таго отда́мъ. Она́ говори́тъ: „я не хочу́ за бога́таго; отда́йте меня́ хоть за бѣ́днаго; да жела́ннаго. Говори́тъ она́ ка́къ-то Ива́ну Несча́стному: „поди́ въ го́родъ, купи мнѣ оди́нъ золотни́къ шо́лку.“ Онъ пошо́лъ и купи́лъ; принёсъ своей женѣ́ шо́лку. Она́ вы́вязала ковёръ тако́й сла́вной, что ни вздумать ни взгада́ть, то́лько въ ска́зкѣ сказа́ть! и говори́тъ му́жу: „поди́, прода́й ковёръ.“ Ива́нъ Несча́стной понёсъ въ ла́вку и сталъ продава́ть старичку́; а старичо́къ нака́зываетъ: „вы́шей ты мнѣ ещо́ тако́й ковёръ; я тебѣ́ зара́зъ де́ньги отда́мъ.“ Ива́нъ Несча́стной пошо́лъ домо́й: спра́шиваетъ у него́ жена́: „что́ же про́далъ ковёръ?“ Онъ говори́тъ: я его́ купцу́ отда́лъ, а де́ньги по́слѣ отда́стъ; велѣ́лъ ещо́ та́кой же вы́шить ковёръ. — Ну, хорошо́! поди́, купи́ два золотника́ шо́лку. Онъ купи́лъ, жена́ его́ вы́шила друго́й ковёръ вдво́е лу́чше того́, и посыла́етъ своего́ Ива́на Несча́стнаго продава́ть. Онъ понёсъ ковёръ къ пре́жнему купцу́. Говори́тъ ему́ купе́цъ: „вы́шей ты мнѣ тре́тій ковёръ; я тогда́ за всѣ ра́зомъ де́ньги отдамъ.“ Купе́ческой сынъ пошо́лъ домо́й; жена́ его́ спра́шиваетъ: „что́-же ты про́далъ ковёръ? „Онъ говори́тъ, что купе́цъ велѣ́ль ещо́ тре́тій вы́шить. Жена́ посыла́етъ купи́ть три золотника́ шо́лку; онъ отпра́вился въ го́родъ и купи́лъ три золотника́ шо́лку; а она́ вы́шила тре́тій ковёръ ещо́ лу́чше. Посыла́етъ Ива́на Несча́стнаго продава́ть; онъ понёсъ ковёръ опя́тъ къ тому́-же купцу́. Купе́цъ взялъ и

тре́тій ковéръ и говори́тъ: „что́ тебѣ́ де́ньгами заплати́ть, или возьме́шь съ меня́ три до́брыя сло́ва?“ Ива́нъ Несча́стной поду́малъ про себя́: „вотъ у моего́ отца́ мно́го де́негъ бы́ло, а всѣ пра́хомъ пошли́, да́й-калу́чше три сло́ва возьму́.“ И сказа́лъ ему́ стари́къ: „при ра́дости не ра́дуйся; при стра́сти не страши́сь; подними́ да не опусти́!“ Ива́нъ Несча́стной взялъ эти три сло́ва и пошолъ домо́й. Ско́лько за ковры́ получи́лъ? спра́шиваетъ жена́. — Три до́брыя сло́ва взялъ: при ра́дости не ра́дуйся; при стра́сти не страши́сь; подними́ да не опусти́!

Пошо́лъ Ива́нъ Несча́стной на корабли́ нанима́ться, и нанялся́ въ прика́щики на три́дцать корабле́й. Поплы́ли по си́нему мо́рю; плы́ли-плы́ли, вдругъ ни съ того́, ни съ сего́ останови́лись всѣ эти корабли́ и не иду́тъ съ мѣ́ста. Хозя́инъ сталъ посыла́ть въ во́ду водола́зовъ: „кто полѣ́зетъ да дѣ́ло испра́витъ, тому́ (говори́тъ) три корабля́ подарю.“ Ива́нъ Несча́стной воспо́мнилъ, что ему́ стари́къ сказа́лъ: при стра́сти и не страши́сь! и согласи́лся лѣ́зть въ во́ду. Опусти́ли его́ на цѣпи́; ви́дитъ онъ, стои́тъ подъ водо́ю домъ, въ томъ до́мѣ сидя́тъ стари́къ и дѣ́вица, передъ ни́ми лежи́тъ оси́новая пла́ха, въ пла́хѣ топо́ръ торчи́тъ; кре́пко спо́рятъ они́ межъ собо́ю; дѣ́вица говори́тъ, что о́лово доро́же, стари́къ что ста́ль доро́же. — Ста́ли они спра́шивать у Ива́на Несча́стнаго; что́ доро́же — о́лово или ста́ль? Отвѣча́етъ онъ: „ста́ль доро́же.“ То́тчасъ стари́къ ухвати́лъ топо́ръ и отруби́лъ дѣ́вицѣ го́лову, а Ива́ну Несча́стному далъ три брилліа́нтовыхъ ка́мушка. Вы́шелъ Ива́нъ Не-

сча́стной изъ-подъ воды; сейчасъ корабли́ поплы́ли; хозя́инъ о́тдалъ ему́ три корабля́. Поспо́рилъ Ива́нъ Несча́стной съ хозя́иномъ: у кого́ бо́льше това́ру? Хозя́инъ говори́тъ: „у меня́ на двадцати́ семи́ корабля́хъ бо́льше!“ а Иванъ Несча́стной говори́тъ: „у меня́ на трехъ бо́льше!“ Спо́рили-спо́рили и рѣши́ли, у кого́ това́ру бо́льше, тому́ отда́ть всѣ корабли́; ста́ли смотрѣ́ть и на́шли у Ива́на Несча́стнаго три ка́мушка брилліа́нтовые — цѣны́ ка́мушкамъ нѣтъ! Забра́лъ Ива́нъ Несча́стной всѣ три́дцать корабле́й и поплы́лъ въ чужі́я зе́мли; приста́лъ къ большо́му го́роду, вы́кинулъ флагъ, и распро́далъ свой това́ръ на мно́го тысячъ. Вороти́лся въ сво́ю ро́дину и сталъ на я́коряхъ; тутъ всѣ горожа́не удиви́лися: ка́къ-такъ былъ Ива́нъ Несча́стной не при-че́мъ, жилъ бѣ́дно, а тепе́рь, ско́лько корабле́й пригна́лъ. Прихо́дитъ Ива́нъ Несча́стной въ свой домъ и ви́дитъ: жена́ его́ съ до́брымъ мо́лодцемъ цѣлу́ется: поднялъ са́блю и хотѣ́лъ зарубѝть ихъ, да воспо́мнилъ до́брое сло́во: поднимѝ да не опусти́! сталъ свою́ жену́ распра́шивать, и узна́лъ, что тотъ моло́дѣцъ его́ сынъ: когда Ива́нъ Несча́стной пое́халъ на корабля́хъ, вте́поры жена́ безъ него́ родила́! Обра́довался онъ, поздоро́вался и на́чали-себѣ́ жи́ть да богатѣ́ть.

СОНЪ.

I.

Было насъ у отца три дочери. Я была самая старшая. Куда строгъ былъ нашъ отецъ! рѣдко, рѣдко выпустятъ насъ на улицу погулять съ дѣвушками.

„Негодное племя бабье,“ говоритъ онъ; бывало: „все бы имъ гулять! Гуляютъ да стрехочутъ, словно сороки.“

„Будто и ты никогда не гулялъ?“ скажетъ матушка.

„А я, слава тебѣ, Господи, съ роду дуракомъ не бывалъ.“

Хотя и строгъ былъ отецъ, а насъ жаловалъ. Бывало, какъ поѣдетъ въ Кіевъ, такъ и навезетъ намъ гостинцевъ хорошихъ: матушкѣ очипокъ *), вышитый шелкомъ, или красную плахту, мнѣ ожерелье, или ленты, или поясъ красный, такой, что любо-дорого смотрѣть, маленькимъ сестрамъ сережки, монисты.

Бывало, какъ бы рано онъ ни пріѣхалъ, а гостинцы роздастъ только на другой, или на третій день. Мы ему и въ глаза заглядываемъ и увиваемся около него, а онъ словно не понимаетъ, да разсказываетъ, какъ онъ тамъ съ торговкой поссорился, или что-нибудь другое придумаетъ. А какъ вынетъ наконецъ гостинцы да начнетъ всѣхъ обдаривать, Господи, какъ мы обрадуемся! „Батюшка нашъ, голубчикъ!“ говоримъ, милый нашъ батюшка!“

„Ну, ну, полноте,“ говоритъ онъ. „Что это вы всполошились, да разжужжались, словно пчелы? Ужъ не думаете ли вы, что это я на деньги купилъ? Эхъ-вы, умныя головы! Продалъ пшеницу, осталось ее у меня съ мѣрку, вотъ и привяжись ко мнѣ какой-то взбалмошный купчишка съ краснымъ товаромъ: „Помѣняемся да помѣняемся! Ну, я и помѣнялся, лишь бы только отвязаться.“

Вотъ такъ-то онъ, бывало, что-нибудь придумаетъ, и ни за что не признается, что вспомнилъ, молъ, про васъ, купилъ вамъ гостинца. Ни за что онъ этого не скажетъ, такой-то былъ покойникъ, царство ему небесное.

Хата у насъ была славная, и садъ былъ плодовый, огородъ большой, а въ саду вишни росли, че-

*) головный уборъ.

решни, яблока и волошскіе орѣхи, и груши, и калина.

Дворъ былъ широкій, ворота новыя. А въ хатѣ мило взглянуть: лавки и столы липовые, образа кіевскіе, расписаны чудесно и обвѣшаны вышитыми рушниками, и на рушникахъ цвѣты, и кругомъ цвѣты и пахучія травы.

II.

Минулъ мнѣ шестнадцатый годъ; пошелъ семнадцатый. Отпраздновали мы Зеленую недѣлю. Однажды ночью приснился мнѣ сонъ. Стою я въ зеленой ржи, а рожъ выше пояса, вокругъ меня колосится пшеница и краснѣетъ макъ. а напротивъ меня два полныхъ мѣсяца. Одинъ мѣсяцъ ясенъ, а другой еще яснѣе, и плывутъ оба прямо на меня, и все самый ясный другаго перегоняетъ, и потомъ вдругъ скатился мнѣ наруки, а другой мѣсяцъ за тучу зашелъ. Проснулась я, да и разсказываю, какой мнѣ дивный сонъ приснился.

„Ужъ точно дивный,“ сказала матушка; сама усмѣхается. „Что ужъ этимъ глупымъ дѣвкамъ не приснится!“ отозвался отецъ. „Смотри-ка! молодой мѣсяцъ схватила, словно вола за рога. Снится, такъ и снится“

„Отчегоже?“ говоритъ мать. „Сонъ мара, а Богъ вѣра.“

III.

Въ воскресенье я упросила отца погулять съ дѣвушками. Вышли мы за село на курганы, поемъ себѣ, рѣзвимся, шалимъ, какъ вдругъ закричалъ кто-то: гей, гей! такъ-что даже отголосокъ пошолъ между горами. Мы такъ и вздрогнули; смотримъ, — а это чумаки идутъ съ горы. Волы все половые *) крутороге, ярма узорчатыя, чумаки статные, молодые.

„Вотъ, вражьи бурлаки, какъ перепугали!“ заговорили дѣвушки.

„Послушайте-ка,“ начала Мотря Чемеривна (бой-

*) цвѣту половы — мякины,

кая такая, живая была дѣвушка черноглазая.) „Встрѣтимъ мы чумаковъ пѣснями!“ да и затянула:

„Ой чумаче, чумаче, хрещатій барвінку!“

Дѣвушки подхватили, а чумаки только поглядываютъ, да вдругъ какъ ударятся бѣжать за нами! Мы въ разсыпную! чумаки все за нами, и перегородили намъ дорогу, словно туча.

„Пустите насъ, паны чумаченьки, будьте ласковы!“ просится Мотря.

„Эгежъ!“ гаркнулъ чумакъ, высокій какъ дубъ, протянулъ руки, ловить собирается, а самъ съ мѣста не трогается, — въ зубахъ трубка. „Эге! не знаешь ты, моя красавица, чумацкихъ обычаевъ!“

Сказалъ да и замолчалъ.

А другіе чумаки стали съ дѣвушками заигрывать. Я все за Мотрю хоронюсь. Вдругъ, вижу — выступаетъ чумакъ, пригожій-распригожій, чернявый, очи орлиные; сталъ противъ меня, уперъ руки въ боки, да и говоритъ: „Дѣвушки голубушки! что это между вами за дѣвушка, какъ ясная звѣздочка свѣтится? Еслибы она море рыбкой переплывала, я бы ее шелковымъ неводомъ изловилъ; если-бы щебетуньей пташкой летала, я бы ее золотымъ пшеномъ приманилъ, а теперь долженъ я у васъ просить: какого она отца дочь?“

А дѣвушки всѣ въ одинъ голосъ: „Ивана Самуся, Ивана Самуся.“

И взялъ онъ меня тогда за-руку.

„Дѣвушка, голубушка! говоритъ, „позволишь ли мнѣ сватовъ присылать?“

У меня такъ въ глазахъ и потемнѣло. —

IV.

Поздно мы воротились домой. Чумаки пропли своей дорогой.

Не спится мнѣ: въ головѣ шумитъ, словно въ мельницѣ, а сердце такъ и подсказываетъ мнѣ сладкія рѣчи чумака. Съ той поры мнѣ словно свѣтъ завѣсили. Одна у меня дума, одна тоска. Ужъ матушка стала примѣчать да безпокоиться: „Дочка моя, дочка

спрашиваетъ меня, что-это съ тобой приключилось? отчего захудала, мое дитятко?“

А отецъ, хотя ничего не говоритъ, за-то все пристально на меня посматриваетъ.

Выду я къ дѣвушкамъ, тѣ такъ меня и обступятъ: „Отчего ты такая печальная? о чемъ все думаешь? что молчишь, словно воды въ ротъ набрала? Или кто тебя сглазилъ, или на тебя такой вѣтеръ повѣялъ? Отчего ты такъ смотришь, словно тебя за немилаго сосватали? Скажи намъ все, скажи по истинной правдѣ, Домаха голубушка!“

А я все не говорю: боюсь, какъ-бы не высказать, что у меня насердцѣ.

„Видишь какая!“ упрекаютъ меня дѣвушки; „ты насъ дичишься.“

„Да чтожъ я вамъ скажу, сестрицы?

Такъ мнѣ что-то нездоровится.“

Ужъ я не знаю, какъ мнѣ отговориться.

„Ну, такъ давай въ хрещика, или въ короля!“

Сцѣпятся руками и меня схватятъ, да и понесутся, хохочутъ, бѣгутъ такъ, что земля гудитъ.

„Эге, дѣвушки!“ говоритъ Мотря, „у Домахи не наше гулянье на умѣ. А я, такъ знаю, какая у ней печаль въ головѣ.“

Дѣвушки такъ и пристали къ ней: „Скажи, Мотря, сестрица наша, голубушка наша, скажи!“

„Полюбила наша Домаха чумака молодаго перехожаго.“

„А, а, того чернявого, высокаго! такъ-такъ-такъ! того, у котораго сапоги скрипятъ! О, да и хорошъ же онъ уродился! какой забавникъ, рѣчистый! золотыя уста, нечего сказать!“

Меня будто жаромъ обсыпало. „Стыда у тебя нѣтъ, Мотря!“ говорю я ей.

„Чего стыдишься? Я тебѣ истинную правду говорю.

„Разрѣ не правду? А ну, побожись!

„Вотъ, видишь, языкъ не поворачивается!

„Слушай-ка, что я тебѣ скажу; а вы дайте мнѣ

духъ перевести.... Чего всѣ вдругъ приступили? садитесь въ кружокъ, да и слушайте.“

Мы сѣли, да и слушаемъ; а у меня сердце только что не выскочитъ.

„Я развѣдала, откуда тѣ чумаки родомъ.“

Я такъ и вскрикнула: „Откуда они?“

„Они всѣ изъ Мазовища.“

„А откуда ты эту вѣсточку добыла?“

„Со дна моря.“

А эта Мотря и взаправду была такая: со дна моря бы достала, что захотѣла.

„Тотъ, что къ Домахѣ льнулъ, Данило Дончукъ; а который мнѣ всѣхъ больше понравился — Кирило Савтырь.“

„А кто-же изъ нихъ Кирило?“ спрашиваетъ Олена Яковенкова: „тотъ бѣлокурый, веселый?“

„Какъ не такъ! Я и не спрашивала про твоего бѣлокураго. Тебѣ его самъ Господь присудилъ, а дурачиться намъ не пригоже. Мой Кирило золото, а не чумакъ: брови такія высокія, черныя, все трубку куритъ да хмурится, словно на Турки собирается идти, а самъ съ мѣста не сдвинется, точно взаправду изъ золота выкованъ. И проговорилъ онъ только разъ, ни одной дѣвушки не тронулъ, да и на меня раза два взглянулъ, и то такъ, будто нехотя, мелькомъ. А мнѣ такое горе-досада: всѣ шутятъ, всѣ смѣются, а онъ все стоитъ да брови подымаетъ. Вотъ я какого себѣ журавля выбрала! да ужъ нечего дѣлать, лишь бы поскорѣй изъ Крыма вернулись.“

„А что-жъ тогда?“ спрашиваю я.

„Будутъ насъ сватать и высватаютъ, какъ пить-дадутъ.“

„А ну те, дѣвушки, повеличаемте Домаху!“ да и начала:

Сияла зіронька, сияла, —
Съ кимъ ты, Дамасю, стояла?
Съ тобою, Данилко, съ тобою.
Підъ зеленою вербою;
Съ тобою, чумаче, Данильцемъ

*

Підъ вишиванимъ рукавцемъ.

„Да скажи-ка, Мотря, душка, кто это все тебѣ сказалъ?“

„Посылала я сороку бѣлобоку, а она мнѣ принесла двѣ вѣсточки подъ правымъ крылышкомъ: одну про Данила, а другую про Кирила.“

Такъ шутками да смѣшками и отговорилась она, а правды не сказала.

V.

Наступала осень. Отработались въ полѣ. По улицамъ стали сваты сновать. Только и слышишь, какъ дѣвушки хвалятся: „Я со своимъ Михалкомъ обручена.“ — „А меня за моего Петрусю отецъ благословилъ.“

Грустно мнѣ, тяжко, словно черная туча на меня опустилась. Только мнѣ и радости, что встрѣчусь съ Мотрею, да наговорюсь. Ужъ какъ я ее упрашивала: „Правду ли ты мнѣ говорила, или у тебя все однѣ шутки были? Кто тебѣ это сказалъ, что за меня свататься будутъ?“

„А развѣ я тебѣ не сказала, кого я посылала сороку бѣлобоку!“

Да и примется хохотать.

„Ты послушай, душа моя, какой я тебѣ дамъ хорошій совѣтъ: о чемъ не надо, не спрашивай, а лучше подумай, — какъ-то мы къ чужимъ людямъ привыкать станемъ. На чужую сторону замужъ пойдемъ, — какая-то намъ доля выпадетъ! Ахъ, когда бы намъ Господь долю счастливую послалъ! Пріѣдемъ мы тогда къ отцамъ, къ матерямъ въ гости. Я пріѣду пышно да богато, а ты еще пышнѣй — на парѣ сивыхъ воловъ (ты знаешь въ Мазовищахъ все волы сивые), въ тоненькихъ, какъ дымъ, намиткахъ, съ милымъ мужемъ. Пускай тогда наши недруги съ досады лопнутъ!“

Бывало, какъ начнетъ она прибирать да выдумывать — я такъ и заслушаюсь.

Вотъ, какъ-то я разъ роюсь въ своемъ садикѣ.

вдругъ бѣжитъ ко мнѣ меньшая сестра: „Домаха, Домаха, сваты идутъ! вонъ, вонъ, ужъ близко!“

Охъ бѣда! побѣжала я въ хату. Слышу — кто-то съ отцемъ переговариваетъ. „Пришли, дескать, къ вашей милости отъ пана Игната.“

Вышелъ отецъ имъ двери отворять, а я ему въ ноги кланяюсь да плачу.

„Батюшка родненькій! не топите свое дитя!“

„А какой вражій сынъ тебя топить хочетъ!“ говоритъ отецъ. „Полно же полно, не плачь!“

„Развѣ мы тебя станемъ приневоливать, дочка?“ подхватила матушка. „Чего же ты плачешь?“

А я рада-радехонька, — благодарю ихъ: „спасибо, матушка, что вы меня жалѣете, не отдаете за немилаго!“

Отецъ угостилъ сватовъ, поблагодарилъ ихъ за ласки! „а дитя наше еще,“ говоритъ, „молодое; мы ее еще сами полелѣемъ, да уму разуму поучимъ.“

„Вотъ, дочка,“ говоритъ мнѣ матушка, когда проводили мы сватовъ, „вотъ тебѣ и мѣсяцъ твой, что за тучу зашелъ!“

VI.

Какъ отдѣлалась я отъ этой бѣды, мнѣ какъ-будто и повеселѣе стало. Поджидаю я Данила изъ Крыма.

„Какъ-то онъ вернется, какъ-то я увижусь съ нимъ!“

А какъ подумаю, что ему какая-нибудь напасть на пути приключилась, такъ сердце у меня и похолодѣетъ. Выду, сяду гдѣ-нибудь въ саду, да и задумаюсь. Одна дума другую гонитъ. Ничто мнѣ не мило; работа изъ рукъ валится. Такъ я и маюсь цѣлый день.

Въ одно утро очень мнѣ ужъ тяжко было; вдругъ слышу — матушка меня кличетъ: „Домаха, иди въ хату: Господь хорошихъ гостей прислалъ!“

„Какихъ, матушка?“ спрашиваю я, а сама такъ и дрожу.

„Отъ пана Корнія Дончука! Сватаетъ за своего сына, за Данила!“

Господи Боже! Я и не помню, какъ мать меня благословила.

Подали рушники (я самый лучшій вынесла, вышеньками разшитый), да и обручили насъ.

Старики съ сватами совѣщаются, а Данило наклонился ко мнѣ близехонько. „Любишь ли ты меня,“ говоритъ онъ, „какъ я тебя люблю, всею душою?

Я молчу, а какъ сладко, мнѣ его было слушать! Каждый вечеръ, бывало, придетъ ко мнѣ въ садикъ; смотримъ — ночь уже и промигнула.

А матушка и говоритъ мнѣ: „Вотъ тебѣ и тотъ мѣсяцъ, что на-руки скатился!“

М. Вовчокъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ БѢДѢ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть, и на просторѣ,
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ:
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ!...
Ну такъ, что нашъ мужикъ бѣднякъ
Богатымъ легъ, а голью всталъ такою, —
Хоть по-міру поди съ сумою...
Не дай-Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
„Нельзя ли“ — говоритъ — „помочь бѣдѣ моей?“
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: „Эхъ, свѣтъ!
Не надобно бъ тебѣ по міру славить,

Что столько ты богатъ."
Сватъ Климычъ говоритъ: — „Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить..."
„Эхъ, братцы, это все не такъ",
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
„Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возми-ка у меня щенка любого
Отъ Жучки, — я бы радъ сосѣда дорогого
Отъ-сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить..."
И, словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ,
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ, —
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.
На свѣтѣ таково-жь: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямъ;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ глухъ.

Иванъ Крыловъ.

НИКОЛАЙ УГОДНИКЪ.

(Изъ Хрестоматіи Шафранова.)

Въ нѣкоемъ цáрствѣ жи́лъ-былъ бога́той мужи́къ; жа́дность и ску́пость совсѣмъ одолѣ́ли его́: если кому́ и дава́лъ онъ въ займы́ де́ньги, то всегда́ подъ закла́дъ и за больши́е проце́нты. Въ то́мъ-же ца́рствѣ жи́лъ-былъ бѣ́дной мужи́къ; кромѣ жены́ да семеры́хъ дѣте́й ничего́ у него́ не́-было. До́лго перебива́лся онъ коé-какъ и

добыва́лъ себѣ и ребятѝшкамъ дневно́е пропита́ніе; а тамъ пришло́ тако́е вре́мя — хоть зу́бы на по́лку клади́: три дня безъ ѣды́ сидѣлъ. Ка́къ быть? чѣмъ семью́ прокорми́ть? Ду́малъ онъ, ду́малъ, и рѣши́лся пойти́ къ бога́тому мужику́ и попроси́ть въ-займы́ де́негъ.

„Ахъ, ты дурачи́на! закрича́лъ на него́ бога́той. Ну, съ каки́ми глаза́ми пришо́лъ ты занима́ть де́ньги? Ну, можно-ль тебѣ повѣрить? Что съ тебя́ по́слѣ взять!...“

— Бу́дь ми́лостивъ, выручи изъ бѣды́; не дай помере́ть голо́дною сме́ртію, по вѣкъ не забу́ду.... Заработаю — съ ли́хвою отда́мъ.

„Отда́мъ!... зна́ю, какъ вы отдаёте.“

— Пра́во сло́во, отда́мъ; во́тъ тебѣ Нико́ла пору́кою! отвѣча́лъ бѣдной и показа́лъ на о́бразъ Нико́лы-уго́дника. Сми́ловался бога́той, отсчита́лъ ему́ два́дцать рубле́въ: „смотри́-же, говори́тъ, непремѣнно въ срокъ заплати́.“ Бѣдня́къ взялъ де́ньги, пошо́лъ на база́ръ, накупи́лъ хлѣба и сталъ корми́ться со всею́ семьею́. Пришло́ вре́мя плати́ть, а у него́ по ста́рому нѣтъ ни копѣйки. „Что́ дѣлать?“ ду́маетъ онъ. „Пойду, попрошу́ отстро́чки.“ Прихо́дитъ къ бога́тому и ну́ кла́няться ему́ въ зе́млю: „обожди́, роди́мой; дай ещо́ вздохну́ть хоть ма́лое вре́мя.“ — Чего́ ждать-то? Пришо́лъ срокъ и подава́й де́нежки; небо́сь, умѣлъ брать! — „Ра́дъ бы, отѣцъ ро́дной, хоть сейча́съ заплати́ть, да вѣрь со́вѣсти — не́чѣмъ!“

— Ви́дно, съ тобо́ю, моше́нникомъ, хорошо́ не сдѣлаешься! сказа́лъ бога́той мужи́къ; а на́до бу́детъ за пору́ку принима́ться. Пришо́лъ домой,

сталъ передь о́бразомъ Нико́лы-уго́дника и говори́тъ: „что́жъ ты не отдае́шь за бѣ́днаго де́негъ? вѣдь ты за него́ поручи́лся.“ Ико́на ничего́ не отвѣча́етъ. „Что́-же ты молчи́шь? У меня́ не отмолчи́шься: не оста́ну до тѣхъ поръ, пока не запла́тишь всѣ до оди́ной копѣ́йки.“ Снялъ о́бразъ со стѣны, положи́лъ на пово́дку и вы́ѣхалъ со двора́; ло́шадь пусти́лъ впере́дъ, а самъ идетъ за пово́зкой сза́ди, и все по о́бразу кнуто́мъ стега́етъ да приговари́ваетъ: „отда́й мои де́ньги! отда́й мои де́ньги!“ Только ѣдетъ онъ мимо гости́ннаго двора́, увида́лъ его́ купе́ческой сынъ и сталъ спра́шивать: „что́ ты, безбо́жный, дѣлаешь? А то, что дава́лъ я въ займы одному́ мужику́ два́дцать рублёвъ, и э́тотъ о́бразъ былъ по немъ пору́кою; пришо́лъ срокъ отдава́ть де́ньги — у мужика́ нѣтъ ни полу́шки; вотъ и принялся я за пору́ку! „На́, возьми́ свои́ два́дцать рубле́въ, только отда́й мнѣ о́бразъ.“ — Изво́ль, братъ! мнѣ ещо лу́чше безъ хлопо́тъ!

Взялъ купе́ческой сынъ о́бразъ, поста́вилъ въ ла́вкѣ и засвѣти́лъ передъ нимъ лампа́дку. На у́тро яви́лся къ нему́ сѣдо́й стари́къ и сталъ нанима́ться замѣсто прика́щика; купе́ческой сынъ поду́малъ-поду́малъ и взялъ его́ въ ла́вку. Съ той са́мой поры пошла́ у него́ така́я торго́вля, что ника́къ това́ровъ не напасе́тся: покупщики́ та́къ и вала́ютъ въ ла́вку со всѣхъ сторо́нъ. Разбогатѣлъ купе́ческой сынъ; постро́илъ два корабля́, нагрузи́лъ ихъ ра́зными това́рами, и поѣхалъ съ старико́мъ въ друго́е госуда́рство торгъ вести́. А въ томъ госуда́рствѣ на ту́пору

бѣда́ приключи́лася: зла́я вѣдьма испо́ртила царе́вну — днемъ она́ лежи́тъ словно ме́ртвая, а по ночам̀ъ встаётъ и люде́й поѣда́етъ! Что́ тутъ дѣлать? Положи́ли ее́ въ гробъ, наби́ли све́рху кры́шку, и вы́несли въ це́рковь. Царь повелѣлъ кли́кать кличъ по всему́ госуда́рству: не най-де́тся ли кто тако́й, чтобы могъ отчита́ть царе́вну? а кто ее́ отчита́етъ, тотъ бу́детъ ца́рскимъ зя́темъ и полу́читъ въ прида́ное полови́ну ца́рства. Кли́кнули кличъ; только никто́ не вы́искался, никто́ не бере́тся за э́то дѣло хи́трое. И говори́тъ стари́къ купе́ческому сы́ну: „ступа́й къ царю́ и скажи́, что ты мо́жешь отчита́ть царе́вну.“ —

— А какъ не съумѣю? — „Не бо́йся! Богъ помо́жетъ и я научу.“ Отпра́вился купе́ческой сынъ къ царю́, объяви́лъ о себѣ; царь обра́довался и велѣлъ ему́ отчи́тывать. Въ то́тъ же са́мой день ве́черомъ пошо́лъ стари́къ вмѣстѣ съ купе́ческимъ сы́номъ въ це́рковь, поста́вилъ около гро́ба нало́й и отчерти́лъ кругъ; послѣ того́ далъ купе́ческому сы́ну кни́гу, и прика́зываетъ: „становя́сь въ э́тотъ кругъ, и что́ бы ни́-было, что́ бы тебѣ ни каза́лось — не переходи́ за черту́, моля́сь и чита́й кни́гу.“ Сказа́лъ и ушо́лъ; оста́лся въ це́ркви оди́нъ купе́ческой сынъ, сталъ въ кругу́ передъ нало́емъ и принялся́ чита́ть. Ро́вно въ по́лночь сорвала́сь съ гро́ба кры́шка; царе́вна встаётъ и броса́ется пря́мо на купе́ческаго сы́на; во́тъ уже бли́зко.... но ско́лько ни си́лится — ника́къ не мо́жетъ переступи́ть проведе́нной черты́. Бѣшено рве́тся она впере́дъ, напуша́етъ ра́зные стра́хи

и грозитъ бѣдою; но купеческой сынъ не ужасается, стоитъ въ кругу и все читаетъ, да читаетъ. Стало свѣтать, запѣли пѣтухи — и въ ту-жъ минуту грохнулась царевна на-земь и сдѣлалась совсѣмъ — мертвою. Поутру рано посылаетъ царь узнать: все ли благополучно? Приходятъ посланные; видятъ, что купеческой сынъ живъ, и не могутъ надивиться, какъ онъ уцѣлѣлъ. Подняли они царевну, положили опять въ гробъ, заколотили крышку, воротились къ царю и разсказали обо всемъ. На другую ночь было тоже; а на третью купеческой сынъ отчиталъ царевну: вышла изъ нея вся нечисть; тутъ только переступила она черту и подошла къ купеческому сыну. взяла его за-руку, поцѣловала въ уста и сказала: „будь ты моимъ мужемъ, а я — твоей женою.“ На томъ они и поладили, стали рядомъ передъ мѣстными иконами и начали молиться Богу тихо и любовно.

Какъ донесли объ этомъ посланные царю, онъ сейчасъ-же приказалъ обвѣнчать купеческаго сына на царевнѣ и далъ ему въ приданое половину своего государства.

ПѢВЦЫ.

(Изъ записокъ охотника.)

Былъ невыносимо жаркій іюльскій день, когда я, медленно передвигая ноги, вмѣстѣ съ моей собакой подымался вдоль Колотовскаго оврага въ направленіи Притыннаго кабачка. Солнце разгорѣлось на небѣ, какъ-бы свирѣпѣя, парило и пекло неотступно; воздухъ былъ весь пропитанъ душной пылью. Покрытые лоскомъ грачи и вороны, разинувъ носы, жалобно глядѣли на проходящихъ, словно прося ихъ участья;

одни воробьи не горевали и, распуща перушки, еще яростнѣе прежняго чирикали и дрались по заборамъ, дружно взлетали съ пыльной дороги, сѣрыми тучками носились надъ зелеными кононлянниками. Жажда меня мучила. Воды не было близко; въ Колотовкѣ, какъ и во многихъ другихъ степныхъ деревняхъ, мужики, за неимѣньемъ ключей и колодцовъ, пьютъ какую-то жидкую грязцу изъ пруда... Но кто-же назоветъ это отвратительное пойло водою? Я хотѣлъ спросить у Николая Иваныча стаканъ пива или квасу.

Усталыми шагами приближался я наконецъ къ жилищу Николая Иваныча, возбуждая, какъ водится, въ ребятишкахъ изумленіе, доходившее до напряженно-безмысленнаго созерцанія, въ собакахъ негодованіе, выражавшееся лаемъ, до того хриплымъ и злобнымъ, что, казалось, у нихъ отрывалась вся внутренность, и онѣ сами потомъ кашляли и задыхались, — какъ вдругъ на порогѣ кабачка показался мужчина высокаго роста, безъ шапки, во фризовой шинели, низко подпоясанной голубымъ кушачкомъ. На видъ онъ казался дворовымъ; густые сѣдые, волосы въ безпорядкѣ вздымались надъ сухимъ и сморщеннымъ его лицомъ. Онъ звалъ кого-то, торопливо дѣйствуя руками, которыя очевидно размахивались гораздо далѣе, чѣмъ онъ самъ желалъ. Замѣтно было, что онъ уже успѣлъ выпить.

— Иди, иди-же! залепеталъ онъ, съ усиліемъ поднимая густыя брови: — иди, Моргачъ, иди! экой ты, братецъ, ползешь, право слово. это не хорошо, братецъ. Тутъ ждутъ тебя, а ты вотъ ползешь... Иди.

— Ну, иду, иду, раздался дребезжащій голосъ, и изъ-за избы на-право показался человѣкъ низенькій, толстый и хромой. На немъ была довольно опрятная, суконная чуйка, вдѣтая на одинъ рукавъ; высокая, остроконечная шапка, прямо надвинутая на брови, придавала его круглому, пухлому лицу выраженіе лукавое и насмѣшливое. Его маленькіе, желтые глазки такъ и бѣгали, съ тонкихъ губъ не сходила сдержанная напряженная улыбка, а носъ, острый и длинный, на-

хально выдвигался впередъ какъ руль. — Иду, любезный, продолжалъ онъ, ковыляя въ направленіи питейнаго заведенія: — зачѣмъ ты меня зовешь? . . . Кто меня ждетъ?

— Зачѣмъ я тебя зову? сказалъ съ укоризной человѣкъ во фризовой шинели. — Екой ты, Моргачъ чудной, братецъ: тебя зовутъ въ кабакъ, а ты еще спрашиваешь, зачѣмъ? А ждутъ тебя все люди добрые; Турокъ — Яшка, да Дикій Баринъ, да рядчикъ съ Жиздры. Яшка-то съ рядчикомъ о закладъ побились: осьмуху пива поставили — кто кого одолѣетъ, лучше споетъ, то-есть . . . понимаешь?

— Яшка пѣть будетъ? съ живостью проговорилъ человѣкъ, прозванный Моргачемъ. — И ты не врешь, Обалдуй?

— Я не вру, съ достоинствомъ отвѣчалъ Обалдуй: — а ты брешешь. Стало быть будетъ пѣть, коли объ закладъ побился, божья коровка ты этакая, плутъ ты этакой, Моргачъ.

— Ну, пойдемъ, простота, возразилъ Моргачъ.

— Ну, поцалуй-же меня, по крайней мѣрѣ; душа ты моя, залепеталъ Обалдуй, широко раскрывъ объятія.

— Вишь Езопъ изнѣженный, презрительно отвѣчалъ Моргачъ, отталкивая его локтемъ, и оба, нагнувшись, вошли въ низенькую дверь.

Слышанный мною разговоръ сильно возбудилъ мое любопытство. Уже не разъ доходили до меня слухи объ Яшкѣ—Туркѣ, какъ объ лучшемъ пѣвцѣ въ околоткѣ, и вдругъ мнѣ представился случай услышать его въ состязаніи съ другимъ мастеромъ. Я удвоилъ шаги и вошелъ въ заведеніе.

Вѣроятно не многіе изъ моихъ читателей имѣли случай заглядывать въ деревенскіе кабаки; но нашъ братъ, охотникъ, куда не заходитъ! Устройство ихъ чрезвычайно просто. Они состоятъ обыкновенно изъ темныхъ сѣней и бѣлой избы, раздѣленной на двое перегородкой, за которую никто изъ посѣтителей не имѣетъ права заходить. Въ этой перегородкѣ, надъ

широкимъ дубовымъ столомъ, продѣлано большое, продольное отверстіе. На этомъ столѣ или стойкѣ продается вино. Запечатанные штофы разной величины рядкомъ стоятъ на полкахъ, прямо противъ отверстія. Въ передней части избы, предоставленной посѣтителямъ, находятся лавки, двѣ, три пустыя бочки, угловой столъ. Деревенскіе кабаки большей частью довольно темны, и почти никогда не увидите вы на ихъ бревенчатыхъ стѣнахъ какихъ-нибудь ярко раскрашенныхъ лубочныхъ картинъ, безъ которыхъ рѣдкая изба обходится.

Когда я вошелъ въ Притынный Кабачокъ, въ немъ уже собралось довольно многочисленное общество.

За стойкой, какъ водится, почти во всю ширину, отверстія, стоялъ Николай Иванычъ, въ пестрой ситцевой рубахѣ, и, съ лѣнивой усмѣшкой на пухлыхъ щекахъ, наливалъ своей полной и бѣлой рукой два стакана вина вошедшимъ пріятелямъ. Моргачу и Обалдую; а за нимъ въ углу, возлѣ окна, виднѣлась его востроглазая жена. По серединѣ комнаты стоялъ Яшка-Турокъ, худой и стройный человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, одѣтый въ долгополый нанковый кафванъ голубого цвѣта. Онъ смотрѣлъ удалымъ фабричнымъ малымъ и, казалось, не могъ похвастаться отличнымъ здоровьемъ. Его впалыя щеки, большіе, безпокойные сѣрые глаза, прямой носъ съ тонкими, подвижными ноздрями, бѣлый покатый лобъ съ закинутыми назадъ свѣтло-русыми кудрями, крупныя, но красивыя, выразительныя губы — все его лицо изобличало человѣка впечатлительнаго и страстнаго. Онъ былъ въ большомъ волненьи: мигалъ глазами, неровно дышалъ, руки его дрожали какъ въ лихорадкѣ, — да у него и точно была лихорадка, та тревожная, внезапная лихорадка, которая такъ знакома всѣмъ людямъ, говорящимъ или поющимъ передъ собраніемъ. Подлѣ него стоялъ мужчина лѣтъ сорока, широкоплечій, широкоскулый, съ низкимъ лбомъ, узкими татарскими глазами, короткимъ и плоскимъ носомъ, четвероугольнымъ подбородкомъ и черными, блестящими волосами, жесткими какъ ще-

тина. Выраженіе его смуглаго съ свинцовымъ отливомъ лица, особенно его блѣдныхъ губъ можно было бы назвать почти свирѣпымъ, еслибъ онъ не былъ такъ спокойно-задумчивъ. Онъ почти не шевелился и только медленно поглядывалъ кругомъ, какъ быкъ изъ подъ ярма. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то поношенный сюртукъ съ мѣдными, гладкими пуговицами; старый черный шелковый платокъ окутывалъ его огромную шею. Звали его Дикимъ Бариномъ. Прямо противъ него, на лавкѣ подъ образами, сидѣлъ соперникъ Яшки — рядчикъ изъ Жиздры: это былъ не высокаго роста, плотный мужчина лѣтъ тридцати, рябой и курчавый, съ тупымъ вздернутымъ носомъ, живыми карими глазками и жидкой бородой. Онъ бойко поглядывалъ кругомъ, подсунувъ подъ себя руки, безпечтно болталъ и постукивалъ ногами, обутыми въ щегольскіе сапоги съ оторочкой. На немъ былъ новый, тонкій армякъ изъ сѣраго сукна съ плисовымъ воротникомъ, отъ котораго рѣзко отдѣлялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокругъ горла. Въ противоположномъ углу, направо отъ двери, сидѣлъ за столомъ какой-то мужичокъ въ сѣроватой, изношенной свитѣ, съ огромной дырой на плечѣ. Солнечный свѣтъ струился жидкимъ желтоватымъ потокомъ сквозь запыленныя стекла двухъ небольшихъ окошекъ и, казалось, не могъ побѣдить обычной темноты комнаты; всѣ предметы были освѣщены скупо, словно пятнами. За то въ ней было почти прохладно, и чувство духоты и зноя, словно бремя, свалилось у меня съ плечъ, какъ только и переступилъ порогъ.

Я спросилъ себѣ пива и сѣлъ въ уголокъ, возлѣ мужичка въ изорванной свитѣ.

— Ну, что-жь! возопилъ вдругъ Обалдуй, выпивъ духомъ стаканъ вина и сопровождая свое восклицаніе тѣми странными размахиваніями рукъ, безъ которыхъ онъ, по видимому, не произносилъ ни одного слова. — Чего еще ждать? Начинать такъ начинать, А? Яша?...

— Начинать, начинать, одобрительно похватилъ Николай Иванычъ.

— Начнемъ, пожалуй, хладнокровно и съ самоувѣренной улыбочкой примолвилъ рядчикъ: — я готовъ.

— И я готовъ, съ волненіемъ произнесъ Яковъ.

— Ну, начинайте, ребятки, начинайте, пропищалъ Моргачъ.

Но, несмотря на единодушно изъявленное желаніе, никто не начиналъ; рядчикъ даже не приподнялся съ лавки, — всѣ словно ждали чего-то.

— Начинай! угрюмо и рѣзко проговорилъ Дикій Баринъ.

Яковъ вздрогнулъ. Рядчикъ всталъ, осунулъ кушакъ и откашлялся.

— А кому начать? спросилъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ у Дикаго Барина, который все продолжалъ стоять неподвижно по серединѣ комнаты, широко разставивъ толстыя ноги и почти по локоть засунувъ могучія руки въ карманы шароваръ.

— Тебѣ, тебѣ, рядчикъ, залепеталъ Обалдуй: тебѣ братецъ.

Дикій Баринъ посмотрѣлъ на него изъ подлобья. Обалдуй слабо пискнулъ, замялся, глянулъ куда-то въ потолокъ, повелъ плечами и умолкъ.

— Жеребій кинуть, съ разстановкой произнесъ Дикій Баринъ: — да осьмуху на стойку.

Николай Иванычъ нагнулся, досталъ, кряхтя, съ полу осьмуху и поставилъ ее на столъ.

Дикій Баринъ глянулъ на Якова и промолвилъ: „ну!“

Яковъ зарылся у себя въ карманахъ, досталъ грошъ и намѣтилъ его зубомъ. Рядчикъ вынулъ изъподъ полы кафтана новый кожаный кошелекъ, не торопясь распуталъ шнурокъ и, насыпавъ множество мелочи на руку, выбралъ новенькій грошъ. Обалдуй подставилъ свой затасканный картузъ съ обломаннымъ и отставшимъ козырькомъ: Яковъ кинулъ въ него свой грошъ, рядчикъ — свой.

— Тебѣ выбирать, проговорилъ Дикій Баринъ, обратившись къ Моргачу.

Моргачъ самодовольно усмѣхнулся, взялъ картузъ въ обѣ руки и началъ его встряхивать.

Мгновенно воцарилась глубокая тишина: гроши слабо звякали, ударяясь другъ о друга. Я внимательно поглядѣлъ кругомъ: всѣ лица выражали напряженное ожиданіе; самъ Дикій Баринъ прищурился; мой сосѣдъ, мужичокъ въ изорванной свиткѣ, и тотъ даже съ любопытствомъ вытянулъ шею. Моргачъ запустилъ руку въ картузъ и досталъ рядчиковъ грошъ: всѣ вздохнули. Яковъ покраснѣлъ, а рядчикъ провелъ рукой по волосамъ.

— Вѣдь, я-же говорилъ, что тебѣ, воскликнулъ Обалдуй: — я, вѣдь, говорилъ.

— Ну, ну, не „цыркай“ *)! презрительно замѣтилъ Дикій Баринъ. — Начинай, продолжалъ онъ, качнувъ головой на рядчика.

— Какую-же мнѣ пѣсню пѣть? спросилъ рядчикъ, приходя въ волненье.

— Какую хочешь, отвѣчалъ Моргачъ. — Какую вздумается, ту и пой.

— Конечно, какую хочешь, прибавилъ Николай Иванычъ, медленно складывая руки на груди. Въ этомъ тебѣ указу нѣту. Пой какую хочешь; да только пой хорошо; а мы ужъ потомъ рѣшимъ по совѣсти.

— Разумѣется, по совѣсти, подхватилъ Обалдуй и полизалъ край пустаго стакана.

— Дайте, братцы, откашляться маленько, заговорилъ рядчикъ, перебирая пальцами вдоль воротника кафтана.

— Ну, ну, не прохлаждайся — начинай! рѣшилъ Дикій Баринъ и потупился.

Рядчикъ выступилъ впередъ, закрылъ до половины глаза и запѣлъ высочайшимъ фальцетомъ. Голосъ у него былъ довольно пріятный и сладкій, хотя нѣсколько сильный; онъ игралъ и вилялъ этимъ голо-

*) Цыркаютъ ястреба, когда они чего-нибудь испугаются.

сомъ, какъ юлой, безпрестанно заливался и переливался сверху внизъ и безпрестанно возвращался къ верхнимъ нотамъ, которыя выдерживалъ и вытягивалъ съ особеннымъ стараньемъ, умолкалъ, и потомъ вдругъ подхватывалъ прежній напѣвъ съ какой-то залихватской, заносистой удалью. Его переходы были иногда довольно смѣлы, иногда довольно забавны: знатоку они-бы много доставили удовольствія; нѣмецъ пришелъ-бы отъ нихъ въ негодованіе. Это былъ русскій tenore di grazia, ténor léger. Пѣлъ онъ веселую, плясовую пѣсню, слова которой, сколько я могъ уловить сквозь безконечныя украшенія, прибавленныя согласныя и восклицанія были слѣдующія:

Распашу я молода-молоденька
Землицы маленько;
Я посѣю молода-молоденька
Цвѣтика аленька.

Онъ пѣлъ; всѣ слушали его съ большимъ вниманьемъ. Онъ видимо чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ людьми свѣдущими, и потому, какъ говорится, просто лѣзъ изъ кожи. Дѣйствительно, въ нашихъ краяхъ знаютъ толкъ въ пѣніи, и не даромъ село Сергіевское, на большой Орловской дорогѣ, славится во всей Россіи своимъ особенно пріятнымъ и согласнымъ напѣвомъ. Долго рядчикъ пѣлъ, не возбуждая слишкомъ сильнаго сочувствія въ своихъ слушателяхъ: ему недоставало поддержки, хора; наконецъ, при одномъ особенно удачномъ переходѣ, заставившемъ улыбнуться самого Дикаго Барина, Обалдуй не выдержалъ и вскрикнулъ отъ удовольствія. — Всѣ встрепенулись. Обалдуй съ Моргачемъ начали въ полголоса подхватывать, подтягивать, покрикивать: „лихо!... Забирай, шельмецъ!... Забирай, вытягивай, аспидъ! Вытягивай еще! Накалывай еще, собака ты эдакая, пёсъ!... Погуби Иродъ твою душу!“ и пр. Николай Иванычъ изъ-за стойки одобрительно закачалъ головой направо и налѣво. Обалдуй наконецъ затопалъ, засѣменилъ ногами и задергалъ плечикомъ, — а у Якова

глаза такъ и разгорѣлись какъ уголья, и онъ весь дрожалъ, какъ листъ, и безпорядочно улыбался. Одинъ Дикій Баринъ не измѣнился въ лицѣ и попрежнему не двигался съ мѣста; но взглядъ его, устремленный на рядчика, нѣсколько смягчился, хотя выраженіе губъ оставалось презрительнымъ. Ободренный знаками всеобщаго удовольствія, рядчикъ совсѣмъ завихрился, и ужъ такія началъ отдѣлывать завитушки, такъ защелкалъ и забарабанилъ языкомъ, такъ неистово заигралъ горломъ, что, когда, наконецъ, утомленный, блѣдный и облитый горячимъ потомъ, онъ пустилъ, перекинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдній замирающій возгласъ, — общій, слитный крикъ отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ. Обалдуй бросился ему на шею и началъ душить его своими длинными, костлявыми руками; на жирномъ лицѣ Николая Иваныча выступила краска, и онъ словно помолодѣлъ; Яковъ, какъ сумасшедшій, закричалъ: „молодецъ, молодецъ!“ — Даже мой сосѣдъ, мужикъ въ изорванной свитѣ не вытерпѣлъ и, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ: „А-га! хорошо, чортъ побери — хорошо!“ и съ рѣшительностью плюнулъ въ сторону.

— Ну, братъ, потѣшилъ: кричалъ Обалдуй, не выпуская изнеможеннаго рядчика изъ своихъ объятій, потѣшилъ, нечего сказать! Выигралъ, братъ, выигралъ! Поздравляю — осьмуха твоя! Яшкѣ до тебя далеко . . . Ужь я тебѣ говорю далеко . . . А ты мнѣ вѣрь. (И онъ снова прижалъ рядчика къ своей груди).

— Да пусти-же его, пусти, неотвязная... съ досадой заговорилъ Моргачъ: — дай ему присѣсть на лавку-то; вишь, онъ усталъ . . . Экой ты Фофанъ, братецъ, право, Фофанъ! Что присталъ, словно банный листъ.

— Ну, что-жь, пусть садится, а я за его здоровье выпью, сказалъ Обалдуй, и подошелъ къ стойкѣ. — На твой счетъ, братъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ рядчику.

Тотъ кивнулъ головой, сѣлъ на лавку, досталъ изъ шапки полотенце и началъ утирать лицо; а Обал-

дуй съ торопливой жадностью выпилъ стаканъ и, по привычкѣ горькихъ пьяницъ, крякая, принялъ грустно-озабоченный видъ.

— Хорошо поешь, братъ, хорошо, ласково замѣтилъ Николай Иванычъ. — А теперь за тобой очередь, Яша; смотри, не сробѣй. Посмотримъ кто кого, посмотримъ . . . А хорошо поетъ рядчикъ, ей Богу, хорошо.

— Очинно хорошо, замѣтила Николая Иваныча жена и съ улыбкой поглядѣла на Якова.

— Ну, хорошо, сказалъ Дикій Баринъ. — Яковъ, начинай!

Яковъ взялся рукой за горло.

— Что, братъ, того . . . что-то . . . Гмъ . . . Не знаю, право, что-то того . . .

— Ну, полно, не робѣй, Стыдись!... чего вертишься? . . . Пой, какъ Богъ тебѣ велитъ.

И Дикій Баринъ потупился, выжидая.

Яковъ помолчалъ, взглянулъ кругомъ и закрылся рукой. Всѣ такъ и впились въ него глазами, особенно рядчикъ, у котораго на лицѣ, сквозь обычную самоувѣренность и торжество успѣха, проступило невольное, легкое безпокойство. Онъ прислонился къ стѣнѣ и опять положилъ подъ себя обѣ руки, но уже не болталъ ногами. Когда-же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо — оно было блѣдно, какъ у мертваго; глаза едва мерцали сквозь опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ . . . Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровенъ и, казалось. не выходилъ изъ его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звенящій звукъ на всѣхъ насъ; мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Иваныча такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащій какъ струна, когда, внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ, быстро замирающимъ колебаньемъ, за вторымъ — третій, и, понемногу раз-

горячаясь и разширяясь, полилась заунывная пѣсня. „Не одна во полѣ дороженька пролегала.“ пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался что-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая то увлекательно безпечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ, и такъ и хватала васъ за сердце, хватила прямо за его русскія струны. Пѣснь росла, разливалась. Яковомъ видимо овладѣло упоеніе: онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастью; голосъ его не трепеталъ болѣе — онъ дрожалъ, но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и разширялся. Помнится, я видѣлъ однажды, вечеромъ во время отлива, на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжко шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку: она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянью зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья навстрѣчу знакомому морю, на-встрѣчу низкому, багровому солнцу: я вспоминалъ о ней, слушая Якова. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ, но видимо поднимаемъ, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участьемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ бозконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипали на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слезы; глухія, сдержанныя рыданья внезапно поразили меня . . . я оглянулся — жена цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго. Николай Иванычъ потупился; Моргачъ отвернулся; Обалдуй, весь разнѣженный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣ-

рый мужичокъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шопотомъ покачивая головой; и по желѣзному лицу Дикаго Барина, изъ-подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился. . . . Не знаю, чѣмъ-бы разрѣшилось всеобщее томленье, еслибъ Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ, необыкновенно тонкомъ звукѣ — словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевельнулся; всѣ какъ будто ждали, не будетъ ли онъ еще пѣть; но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаньемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидалъ, что побѣда была его . . .

— Яша, проговорилъ Дикій Баринъ, положилъ ему руку на плечо, и — смолкъ.

Мы стояли, какъ оцѣпенѣлые. Рядчикъ тихо всталъ и подошелъ къ Якову. — „Ты... твоя... ты выигралъ,“ произнесъ онъ наконецъ съ трудомъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Тургеневъ.

СОЛОВЕЙ И ЧИЖЪ.

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И Чижъ и Соловей висѣли,
И пѣли.
Лишь только Соловей, бывало, запоетъ,
Сынъ маленькій отцу проходу не даетъ;
Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
Что эдакъ хорошо поетъ.
Отецъ, обоихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.
„Ну,“ говоритъ, „узнай мой свѣтъ,
Которая тебя такъ много забавляетъ?“
Тотчасъ на Чижика мальчишка указалъ.
„Вотъ, батюшка, она!“ сказалъ.

И мальчикъ отъ Чижа въ великомъ восхищеньѣ.
Какія перушки! куда какъ онъ пригожъ!
За тѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!"
Вотъ дѣтско разсужденье!
Да полно, и въ житействѣ тожъ
О людяхъ многіе повиду заключаютъ:
Кто наряженъ, богатъ, пригожъ,
Того и умнымъ почитаютъ.

Хемницеръ.

ПОСЛОВИЦЫ.

Божья вода по Божьей землѣ бѣжитъ.

Ни отецъ до дѣтей, какъ Богъ до людей.

Другъ объ другѣ, а Богъ обо всѣхъ.

Человѣкъ ходитъ, Богъ водитъ.

Все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ.

Умная голова, разбирай Вожьи дѣла.

Богъ старый чудотворецъ.

Богъ вымочитъ, Богъ и высушитъ.

Богу молись, а въ дѣлахъ не плошись.

За добро Богъ плательщикъ.

Молитва мѣста не ищетъ.

Не всякій громъ бьетъ, а и бьетъ, да не по насъ.

Отогрѣлся въ Москвѣ, да замерзъ на Березинѣ.

Счастье безъ ума — дирявая сума.

Рабочій конь на соломѣ, а пустоплясъ на овсѣ.

Дума за горами, а смерть за плечами.

Сытий голоднаго не разумѣетъ.

Не боюсь богатыхъ грозъ, а боюсь убогихъ слезъ.

Бѣдность крадетъ, а нужда лжетъ.

И трава въ затѣньи желтнетъ.

Не тѣмъ богатъ, что есть, а тѣмъ богатъ, чѣмъ радъ.

Лучше свое поберечь, чѣмъ чужое прожить.

Утро вечера мудренѣе.

Сѣренькое утро — красный денекъ.

Тяжело ждать, какъ ничего не видать.

Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.

Никакое худо до добра не доведетъ.

Чужой бѣдой сытъ не будешь.

Волкъ по утробѣ воръ, а человѣкъ по зависти.

Полынь послѣ меду горьче самой себя.

Учись доброму, худое на умъ не пойдетъ.

Всѣмъ добро, никому зло, то законное житье.

Сердце сердцу вѣсть подаетъ.

Господинъ гнѣву своему — господинъ всему.

Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.

Разорвись надвое, скажутъ: а что не начетверо.

Подумаешь — горе, а раздумаешь — власть Господня!

Обиженнаго обижать — двойной грѣхъ.

Гдѣ наболѣно, тамъ не тронь (за болячку никого не хватай)!

Ни радости вѣчной, ни печали безконечной.

Вѣда бѣду родитъ.

Не ищи правды въ другихъ, коли ея въ тебѣ нѣтъ.

Голому разбой не страшенъ.

Гдѣ заборъ, тутъ и воръ.

И твоя правда и моя правда и вездѣ правда и нигдѣ ея нѣтъ.

Не умомъ грѣшатъ, а волей.

Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ.

Попытка не шутка, а спросъ не бѣда.

Кого милуетъ Богъ, того жалуетъ царь.

На службу не напрашивайся, отъ службы не отпрашивайся.

Войну хорошо слышать, да тяжело видѣть.

На трусливаго много собакъ; на смѣлаго лаютъ, трусливаго рвутъ.

Умереть сего дня страшно, а когда-нибудь ничего.

Хорошо море съ берегу.

Кто жить не умѣлъ, того помирать не выучить.

Не тотъ живетъ больше, кто живетъ дольше.

Смерть недосуговъ не знаетъ.

Умираетъ не старый, а поспѣлый.

Мірская молва — морская волна.

Кто гдѣ родится, тамъ и пригодится.

Гдѣ сосна взросла, тамъ она и красна.

Всякій человѣкъ впередъ смотритъ.

Не плюй въ колодецъ; случится напиться.

Ты отъ дѣла на пядень, а оно отъ тебя на сажень.

Бѣлыя ручки чужіе труды любятъ.

Богъ далъ руки, а веревки самъ вей.

На булатѣ ни написать, ни стереть.

Не сиди сложа руки, такъ не будетъ и скуки.

Наряди пень въ вешній день, и пень будетъ красавчивъ.

Всякому своя обида горька.

Пожалѣешь чужаго, Богъ дастъ свое.

Самолюбъ никому не любъ.

Слово не стрѣла, а пуще разитъ.

Вмѣстѣ потужимъ — спола горя.

И слѣпая лошадь везетъ, коли зрячій на возу сидитъ.

Назвался грибомъ, полѣзай въ кузовъ.

Не правъ медвѣдь, что корову съѣлъ; не права и корова, что въ лѣсъ зашла.

Знать бы гдѣ упасть, тамъ бы соломки подостлалъ.

Работы безъ заботы нѣтъ, а забота безъ работы живетъ.

Плохо молиться, какъ на умѣ двоиться.

Чаще счотъ, крѣпче дружба.

Коли надоѣлъ человѣкъ, такъ дай ему въ займы.

Свистаннымъ вѣтромъ не вѣютъ, наказаннымъ умомъ не живутъ.

Какъ хлѣба край, такъ и подъ елью рай.

ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать,
И правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню.
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню:
Но Гуси объ этомъ иначе толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пѣняли:
„Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто-бы простыхъ Гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ Гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.“ —
„А вы хочете быть за что отличены?“
Спросилъ прохожій ихъ. — „Да наши предки . . .“—
„Знаю,
И все читалъ, но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?“
— „Да наши предки Римъ спасли?
Все такъ, да вы что сдѣлали такое? —
— „Мы? ничего“ — „Такъ что-жъ и добраго въ васъ
есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по-дѣламъ была и честь;

А вы, друзья, лишь годны на жаркое.“ —
Баснь эту можно-бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ гусей не раздразнить.

Крыловъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ-ли дней и часовъ? Но — когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ — на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои — на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце — на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ; растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ,

и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. По что вамъ сказывать! — Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва-ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милый Петр .... провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; — тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго и сказалъ: прости! Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? — Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи въ Твери грусть моя такъ усилилась, что въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ каррикатурами королевы французской и римскаго императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, выплакать сердце свое. Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ. Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. — Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній. — Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства.

Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земнаго

творенія. Всѣ прочія животныя, будучи привязаны къ нѣкоторымъ климатамъ, не могутъ выдти изъ предѣловъ, начертанныхъ имъ натурою, и умираютъ, гдѣ родятся: но человѣкъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ — ищетъ вездѣ наслажденій, и находитъ ихъ — вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствія — вездѣ радуется бытіемъ своимъ, и благословляетъ свое человѣчество.

А мудрая связь общественности, по которой нахожу и во всякой землѣ всѣ возможныя удобства жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя; по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышленности, и призываютъ меня участвовать въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ...

Однимъ словомъ, друзья мои, путешествіе питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей гипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить человѣчество. Путешествуй, кто только можетъ!

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю· Счастливые Швейцары! всякій ли день, всякій ли часъ благодарите вы Небо за свое счастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ и служа одному Богу? Вся жызнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла смерти должна кротко влекать въ грудь вашу, не возмущаемую тиранскими страстями! Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ уклоненія отъ путей природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство

нашего сердца. Ахъ! еслибы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой — когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ природы — чувствую я тоже, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая благость не была бы Высочайшею благостію, если бы она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! Прости мнѣ, мудрое провидѣніе, если я когда нибудь, какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропталъ на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую.

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ виноградымъ стеблемъ — смотритъ на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. Высокія горы у насъ предъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь на долины. Нѣтъ; я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

Тунское озеро.

Темнота ночи мало по малу исчезаетъ. Горы открываются минута отъ минуты яснѣе. Все дымится! Тонкія облака тумана носятся вокругъ нашей лодки.

Влага проницаетъ сквозь мое платье, и сонъ смыкаетъ глаза мои. Добродушный Швейцаръ подаетъ мнѣ черный мѣшокъ, который долженъ служить мнѣ вмѣсто пуховой подушки. Величественная натура! прости слабому! на нѣсколько часовъ отвращаетъ онъ взоръ свой отъ твоего великолѣпія.

По обѣимъ сторонамъ озера безпрерывно продолжаются горы. Въ иныхъ мѣстахъ покрыты онѣ виноградными садами, въ другихъ елями. Внизу дымятся хижины, жилища бѣдности, невѣжества и — можетъ быть — спокойствія. Вѣчная Премудрость! какое разнообразіе въ твоемъ физическомъ и нравственномъ мірѣ!

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошелъ — съ благоговѣніемъ ступилъ первый шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростію началъ взбираться на крутизны. Утро было холодно; но скоро почувствовалъ я жаръ, и скинулъ съ себя теплый сертукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои — и потомъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, которые за десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратить въ пыль цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ катящагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному страннику, который встрѣтится съ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбѣжна. Болѣе четырехъ часовъ шедъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній и ступилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ провзошла по мнѣ удивительная перемѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ сной на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія

— Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое величіе, Свою вѣчность!... Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ для поклоненія Всевышнему!... Языкъ мой не могъ произнести ни одного слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минуву.

Го-Бюиссонъ.

Въ Иль-де-Франсѣ плоды уже зрѣлы — въ Пикардіи зелены — въ окрестностяхъ Булони все еще цвѣтетъ и благоухаетъ. Перемѣна климата чувствительна на каждой милѣ — и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ юга, горестно для души моей. Натура видимо бѣднѣетъ къ сѣверу.

Теперь сижу я одинъ подъ каштановымъ деревомъ, шагахъ въ двадцати отъ почтоваго двора, — смотрю черезъ луга и поля на синѣющееся вдали море и на городъ Кале, окруженный болотами и песками.

Странное чувство! Мнѣ кажется, будто я пріѣхалъ на край свѣта — тамъ необозримое море — конецъ земли — природа хладѣетъ, умираетъ — и слезы мои льются ручьями.

Все тихо, все печально; почтовой дворъ стоитъ уединенно; вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на травѣ, подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; постильоны впрягаютъ лошадей; вѣтеръ востъ, и листья уныло шумятъ надъ головой моей.

Кто видитъ мои слезы? кто беретъ участіе въ моей горести? кому изъясню чувства мои? Я одинъ... одинъ: — Друзья! гдѣ дворъ вашъ? гдѣ рука ваша? гдѣ ваше сердце? Кто утѣшитъ печальнаго?

О милыя узы отечества, родства и дружбы! я васъ чувствую, не смотря на отдаленіе — чувствую, и любываю съ нѣжностію!...

Дикій, переселенный изъ мрачныхъ канадскихъ лѣсовъ въ великолѣпный городъ Европы, на сцену

всѣхъ блестящихъ искуствъ, видитъ богатство и пышность — видитъ и плѣняется; — но черезъ минуту очарованіе исчезаетъ — хладъ остается въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась питательными лучами любви и дружбы.

Товарищи мои садятся въ карету — черозъ часъ будемъ въ Кале.

Море.

Я не сдержалъ слова, любезнѣйшіе друзья мои! оставляю Англію — и жалѣю! Таковое мое сердце: ему трудно разставаться со всѣмъ, что его хотя нѣсколько занимало.

И такъ другъ вашъ уже на морѣ! возвращается въ милое отечество, къ своимъ любезнымъ! скорѣе нежели думалъ! Отъ чего же? Скажу вамъ правду. Кошелекъ мой ежедневно истощался; становился легче, легче; звучалъ слабѣе, слабѣе; наконецъ рука моя ощупала въ немъ только двѣ гинеи.. Мнѣ осталось бѣжать на биржу скорѣе, скорѣе, уговориться съ молодымъ капитаномъ Вилліамсомъ, взлѣзть по веревкамъ на корабль его, и, снявъ шляпу, учтиво откланяться съ палубы Лондону. — Меня провожалъ русскій парикмахеръ Ѳедоръ, который здѣсь живетъ семь или восемь лѣтъ, женился на миловидной Англичанкѣ, написалъ надъ своею лавкою Fedor Obshakof, салитъ голову лондонскимъ щеголямъ, и доволенъ какъ царь. Онъ былъ въ Россіи экономическимъ крестьяниномъ, и служитъ всѣмъ Русскимъ съ великимъ усердіемъ.

Капитанъ ввелъ меня въ каюту, очень изрядно прибранную; указалъ мнѣ постелю, сдѣланную какъ гробъ, и въ утѣшеніе объявилъ, что одна прекрасная дѣвица, которая плыла съ нимъ изъ Новаго Іорка, умерла на ней горячкою. Жеребей брошенъ, думалъ я: посмотримъ, будетъ ли эта постеля и моимъ гробомъ! — Страшный дождь не дозволилъ мнѣ дышать чистымъ воздухомъ на палубѣ; я легъ спать, съ одною гинеею въ карманѣ (потому что другую отдалъ

парикмахеру), и поручилъ судьбу свою волнамъ и вѣтрамъ!

Сильный шумъ и стукъ разбудилъ меня: мы снимались съ якоря. Я вышелъ на палубу . . . солнце только-что показалось на горизонтѣ. Черезъ минуту корабль тронулся, зашумѣлъ, и на всѣхъ парусахъ пустился сквозь ряды другихъ стоящихъ на Темзѣ кораблей. Народъ, матросы желали капитану счастливаго пути, и маханіемъ шляпъ какъ будто бы давали намъ благополучный вѣтеръ. Я смотрѣлъ на прекрасные берега Темзы, которые, казалось, плыли мимо насъ съ лугами, парками и домами своими — скоро вышли мы въ открытое море, гдѣ корабль нашъ зашумѣлъ величественнѣе. Солнце скрылось. Я радовался и веселился необозримостію пѣнистыхъ волнъ, свистомъ бури и дерзостію человѣческою. Берега Англіи темнѣли . . .

Кронштатъ.

Берегъ! отечество! благословлю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои! . . . Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать Русскихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштата; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ, но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища: записки, книги, камешки, сухія травки и вѣтки, напоминающіе мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rhone, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которою Англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною!

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ! оно черезъ 20 лѣтъ, (если столько проживу на свѣтѣ), будетъ для меня еще пріятно — пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я

былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя?... Почему знать: можетъ быть и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ; можетъ быть и другіе... но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе приготовьте мнѣ опрятную хижинку, въ которой я могъ-бы на свободѣ веселиться китайскими тѣнями моего воображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями!

Карамзинъ.

МЕЛКІЯ ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭПИГРАММЫ.

Мнѣ лѣкарь говорилъ: нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что недоволенъ мной!
Конечно, думалъ я, никто того не скажетъ:
Смерть всякому языкъ привяжетъ.

И. Дмитріевъ.

Сожалѣніе.

Я разорился отъ воровъ!
„Жалѣю о твоемъ я горѣ.“
Украли пукъ моихъ стиховъ.
„Жалѣю я о ворѣ!“

И. Дмитріевъ.

Къ слезливому стихотворцу.

Когда плачевные стихи твои читаю,
Ты сердишься за то, что слезъ не проливаю;
Сердиться на меня за то тебѣ грѣшно:
Виновенъ-ли я въ томъ, что плачешь ты смѣшно?

И. Дмитріевъ.

Живописецъ.

Глядите, вотъ Ефремъ, домашній нашъ маляръ!
Онъ въ списываньи лицъ имѣлъ чудесный даръ,

И кисть его всегда надъ смертными играла:
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала.

И. Дмитріевъ.

Совѣтъ эпическому стихотворцу.

Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудикой:
Петръ длинный, Петръ большой, но только Петръ великой —
Ее не называй.

Батюшковъ.

Крезу.

Крезъ богатѣетъ каждый годъ,
И скупость каждый годъ его сильнѣе мучитъ;
Бѣда, коль новое наслѣдство Крезъ получитъ:
Онъ съ голоду умретъ!

Кн. Вяземскій.

Объясненное сомнѣніе.

Сиѣяться вы властны, а я клянуся вамъ,
Что я въ своихъ стихахъ не краду, подражаю.
— Безспорно, я и самъ съ тобою утверждаю,
Что подражаешь ты .... ворамъ.

В.

Исторія стихотворца.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свистъ;
Маракетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ, и въ лету —
Бухъ!

А. Пушкинъ.

Пріятелямъ.

Враги мои, покамѣсть я ни слова!
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ
И выберу когда-нибудь любаго:
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный.
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ индѣекъ и гусей.

А. Пушкинъ.

Ex ungue Leonem.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее злодѣй.
Но чтожъ? ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ меня узналъ въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

А. Пушкинъ.

Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышитъ.

Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышитъ;
Ихъ слушая — не спи, а сильно клонитъ сонъ.
Не говорю: за чѣмъ онъ пишетъ,
Но для чего читаетъ онъ?

Баратынскій.

Различіе.

И ты поэтъ, и онъ поэтъ;
Но межъ тобой и имъ различіе находятъ:
Твои стихи въ печать выходятъ,
Его стихи выходятъ въ свѣтъ.

Е. Б—й.

Нѣтъ, кажется тебѣ не суждено.

Нѣтъ, кажется тебѣ не суждено
Сразить врага: твой врагъ дѣтина чудный;
Въ немъ совѣсть спитъ спокойно, не пробудно.
Заставить, другъ, его стыдиться — мудрено;
Заставить покраснѣть — не трудно.

Д. Давыдовъ.

Остра твоя, конечно, шутка.

Остра твоя, конечно, шутка;
Но мнѣ прискорбно видѣть въ ней
Несчастье твоего разсудка
И счастье памяти твоей.

Д. Давыдовъ.

НАДПИСИ.

Эпитафіямъ.

Прохожій! пусть тебѣ напомнитъ этотъ стихъ,
Что все на часъ подъ небесами:
По-утру плакали о смерти мы другихъ,
А къ вечеру скончались сами.

И. Дмитріевъ.

Къ портрету Гете.

Природу смѣлую пріявъ себѣ въ законъ,
Всевластной мыслію надъ міромъ онъ носился,
И въ мірѣ все постигнулъ онъ,
И ничему непокорился.

Жуковскій.

Къ портрету Жуковскаго.

Подъ знаменемъ Москвы, предъ павшею столицей,
Онъ храбрымъ гимны пѣлъ, какъ пламенный Тиртей;
Въ дни мира, новый Грей,
Плѣняетъ насъ задумчивой цѣвницей.

Батюшковъ.

Къ портрету Александра перваго.

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель!
Какой вѣнецъ Ему? какой Ему алтарь?
Вселенная! пади предъ нимъ: Онъ твой спаситель!
Россія! Имъ гордись: Онъ сынъ твой, Онъ твой Царь!

Вяземскій.

ЭПИТАФІИ.

Гробу Суворова.

Ты ищешь монумента? . . . .
Суворовъ здѣсь лежитъ.

Гнѣдичъ.

Дельвигу.

Другъ, до свиданья! Скоро и я наслаждусь моей частью:
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить!

Гнѣдичъ.

Что жизнь его была? . . . .

Что жизнь его была? тяжелый сонъ;
Что смерть? отъ грезъ ужасныхъ пробужденье.
Въ просонкахъ улыбнулся онъ
И снова, можетъ быть, тамъ началъ сновидѣнье.

Дельвигъ.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ ПІЕСЫ.

Жизнь и смерть.

Жизнь — ночь, а день нашъ — смерть! иль смерть — ночная тѣнь, —
А краткій день нашъ — жизнь! но къ цѣли безопасной
Равно привесть должна послѣдняя ступень!
Прохожій, гость земли, отвергни страхъ напрасный!
Или по бурномъ днѣ насъ сонъ постигнетъ ясный;
Иль бурной ночи вслѣдъ проглянетъ ясный день!

Кн. Вяземскій.

Эхо.

Реветъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ-ли дѣва за холмоиъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ,
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ-жъ нѣтъ отзыва .... Таковъ
И ты, поэтъ.

А. Пушкинъ.

Послѣдніе цвѣты.

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцовъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

А. Пушкинъ.

ОБРАЗЦЫ РАЗЛИЧНЫХЪ МЕЛКИХЪ ПЕРЕПИСОКЪ.

(Изъ руководства для русск. и нѣм. бесѣдованія.)

Господинъ А., будучи принужденъ отправиться завтра въ деревню (на дачу), покорнѣйше проситъ Господина Ф. не приходить къ нему. Господину А. будетъ весьма пріятно видѣться съ Господиномъ Ф. послѣ завтра, въ удобнѣйшій для него часъ.

Госпожа В. имѣетъ честь свидѣтельствовать почтеніе Господину Е., увѣдомляя его, что, по случаю бала, она должна лишиться удовольствія сегодня видѣть

его, и проситъ въ то же время Гна Ф. не приходить къ ней завтра раньше 11-ти часовъ.

Господинъ и Госпожа С. имѣютъ честь засвидѣтельствовать почтеніе Гну и Гжѣ Н., прося ихъ сдѣлать честь пожаловать къ нимъ къ обѣду, въ будущій четвергъ въ 5 часовъ.

Госпожа Д. привѣтствуя Госпожу Л., проситъ ее сдѣлать ей честь пожаловать къ ней въ будущій Вторникъ вечеромъ на партію.

Госпожа Е. къ Дѣвицѣ П.

Я приглашаю васъ, дорогая пріятельница, прійдти сегодня вечеромъ къ мнѣ на чашку чаю. — Я буду одна и надѣюсь, что вы доставите мнѣ удовольствіе Вашимъ пріятнымъ обществомъ. — Не откажите мнѣ въ этомъ одолженіи. Прощайте.

Отвѣтъ.

Сердечно благодарю васъ, дорогая пріятельница, за ваше милое приглашеніе; но чрезвычайно сожалѣю, что не могу имъ воспользовѣться, такъ какъ мы сами ожидаемъ сегодня вечеромъ къ себѣ гостей. Завтра вы можете располагать мною, и, если вы не прійдете ко мнѣ по утру, то я навѣрное буду у васъ вечеромъ.

Госпожа Г. къ Госпожѣ Ф.

Я только что пріѣхала изъ . . .: если ваши занятія позволятъ вамъ пожаловать ко мнѣ, то я сообщу вамъ новости которыя доставятъ Вамъ удовольствіе. Я буду цѣлый день дома а потому вы можете выбрать найудобнѣйшее для васъ время.

Отвѣтъ.

Я въ восхищеніи, узнавши, что вы возвратились наконецъ изъ . . . Если бъ я не имѣла никакой другой надобности придти къ вамъ, какъ развѣ только поздравить — послѣ такого долгаго отсутствія, — то этого мнѣ было бы уже достаточно, чтобы увидѣться съ вами. И такъ вы можете быть увѣрены, что я непремѣнно буду у Васъ въ шесть часовъ.

Господинъ А. къ Господину Д.

Покорнѣйше прошу васъ прислать мнѣ назадъ книгу которую я вамъ далъ, какъ скоро вы ее прочитаете. Моя сестра весьма желаетъ читать ее послѣ васъ; вы слишкомъ вѣжливы и надѣюсь, поспѣшите по возможности сдѣлать мнѣ это одолженіе.

Примите, милостивый Государь, выраженіе отличнаго уваженія, съ которымъ.

Отвѣтъ.

Посылаю вамъ назадъ книгу, которую вы мнѣ дали. Чтеніе ея доставило мнѣ великое удовольствіе. Я не сомнѣваюсь, что она займетъ и вашу сестрицу, потому что эта книга весьма забавна и поучительна для молодыхъ людей, желающихъ поучиться чему-нибудь.

Господинъ Г. къ Господину М.

Такъ какъ сегодня прекрасная погода, то я буду ожидать Васъ послѣ обѣда: мы сдѣлаемъ сперва прогулку въ Паркъ, а потомъ пойдемъ пить чай въ сады кенсингтонскіе, гдѣ мы можемъ провести пріятно время до вечера. Не забудьте же придти какъ скоро вы отобѣдаете.

Господинъ Н. къ Господину С.

Прошу васъ не ожидать меня сегодня вечеромъ, потому что я приглашенъ въ другое мѣсто на цѣлый вечеръ. Податель этого письма сообщитъ вамъ причины, заставляющія меня отсрочить удовольствіе видѣться съ вами. Я убѣжденъ что вы ихъ одобрите и мнѣ повѣрите въ глубокомъ уваженіи и пр.

Милостивый Государь!

Сегодня вечеромъ даютъ въ театрѣ новую трагедію, и я имѣю намѣреніе идти туда рано, чтобы достать хорошое мѣсто, потому что не люблю сидѣть въ тѣснотѣ. Говорятъ, будто Г. Кинъ играетъ главную

роль! Представьте какое тамъ будетъ стеченіе народа! Если время позволяетъ вамъ идти со мной, то вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе.

Милостивый Государь!

Не удивляйтесь тому, что я не пришелъ на наше условленное свидѣніе; сильная головная боль удержала меня дома, и, какъ можете полагать, она никакъ не могла произойти отъ моихъ занятій, скорѣе же отъ моей нѣсколько лѣнивой натуры. Но завтра я буду непремѣнно цѣлый день къ вашимъ услугамъ.

Милостивая Государыня.

Я услышала съ величайшимъ удовольствіемъ, что вы возвратились изъ деревни; теперь а могу надѣяться что буду часто имѣть счастіе видѣть васъ. Придите, ежели можете, сегодня къ намъ, мы будемъ играть въ карты. Сестра и братъ мой приглашаютъ Васъ также со мною. Прощайте!

Образы векселей.

На 236 франковъ.

Лондонъ, 1. янв. 1846.

По представленію, Вы имѣете заплатить Господину А. за этотъ prima-вексель Двѣсти тридцать шесть франковъ, валюта получена наличными деньгами (или товарами), что Вы имѣете вписать въ мой счетъ, смотря по этому увѣдомленію.

Госнодину П., купцу въ Парижѣ.

Господину Р. банкиру въ Парижѣ.

На 200 Руб. 70 Коп.

Іоркъ, 7. марта 1846.

Чрезъ мѣсяцъ по представленію сего, Вы имѣете заплатить Гну Л., или по его предписанію (или кому онъ предписалъ) Двѣсти рублей, 70 Коп. — Валюта получена товарами, что изволите внести въ мой счетъ, смотря по моему увѣдомленію.

Гну Е., купцу въ Нантѣ.

Лондонъ, 11. февр. 1846.

Чрезъ два мѣсяца имѣете заплатить Гну — —, или по его предписанію, сумму — Франковъ — Шелинговъ — Пенсовъ, что внесите въ счетъ вашему покорнѣйшему слугѣ.

А. Ф.

Гну Л., въ Марсельи.

Записки и росписки.

На 220 Франковъ.

Я обѣщаю заплатить въ теченіе шести мѣсяцевъ Гну А., или по его приказанію, сумму Двухъ сотъ двадцати Франковъ. Валюта получена товарами отъ него. Руанъ, 8. января 1846.

Обязательство.

Лондонъ, 12. февр. 1846.

По представленію сего я обѣщаю выплатить Гну Эвансу, или по его приказанію, сумму — Фунтовъ Стерлинговъ. Валюта получена. Т. Б.

На 600 Франковъ.

Чрезъ сего мы обѣщаемъ выплатить въ сіе будущее 18. е. августа Гну С., сумму Шести сотъ Франковъ. Валюта получена. — Лондонъ, 26. марта 1846.

Росписка.

Симъ свидѣтельствую, что я получилъ отъ Гна Дюбоа тѣ сто фунтовъ стерлинговъ, которые я далъ ему въ займы, смотря по его квитанціи отъ 4. прошедшаго января. Валонь, 10. мая 1846.

Другаго рода росписки.

Симъ свидѣтельствую что я получилъ отъ Гна Н. Двадцать Франковъ, причитающіеся мнѣ въ проценты, за двѣсти франковъ, которые онъ мнѣ остался еще долженъ и которые должны были уплачены еще 1. число прошедшаго февраля. Каэнъ; 10. апряля 1846.

Образцы коммерческихъ писемъ.

Первое письмо.

Чтобы вступить въ коммерческія сношенія.

Въ намѣреніи увеличить число нашихъ корреспондентовъ, мы просили разныхъ нашихъ друзей (сообщить намъ адресы) снабдить насъ адресами тѣхъ купеческихъ домовъ вашего города, съ которыми безопасно можно вступить въ коммерческія сношенія. И такъ какъ насъ увѣряли въ вашей честности и о значительныхъ заказахъ, которые Вы дѣлаете при покупкѣ и продажѣ различныхъ товаровъ, то мы смѣемъ просить васъ о благосклонномъ пріемѣ нашихъ услугъ при каждомъ возможномъ случаѣ, особливо въ покупкѣ и продажѣ. . . .

Мы льстимъ себѣ что, познавши нашъ образъ поступленій въ торговлѣ, и какимъ образомъ мы стараемся о интересахъ нашихъ поручителей (вѣрителей), вы не откажетесь отъ корреспонденціи ровно полезной для обѣихъ сторонъ. Что касается до насъ, то мы надѣемся, что никто не можетъ справедливо дать вамъ о насъ худаго мнѣнія.

Слѣдовательно мы надѣемся что вы сдѣлаете намъ честь поручить намъ ваши заказы. Будьте увѣрены, что мы ихъ исполнимъ съ внимательностью и бдительностью, и что наше величайшее желаніе не есть ничто иное какъ показать вамъ съ какимъ уваженіемъ мы бываемъ ваши покорнѣйшіе слуги.

Отвѣтъ.

Господа!

Отвѣчая на ваше почитаемое письмо отъ 15. сего мѣсяца, мы имѣемъ честь васъ увѣдомлять, что мы видѣли съ удовольствіемъ, какое вы имѣете о насъ лестное мнѣніе. Мы схватимъ съ радостью случай вступить съ вами въ знакомство, не нуждаясь впрочемъ въ никакихъ освѣдомленіяхъ относительно васъ, и не пропустимъ найперваго случая воспользоваться вашими одолжительными предложеніями. —

Однакожъ въ этой порѣ мы можемъ васъ увѣрять что наши заказы очень незначительны, потому

что торговля съ долгаго времени въ упадкѣ, такъ что мы уже съ начала войны ничего предпринимать не смѣли; но чтобы начинать корреспонденцію, которая можетъ для насъ быть полезной, мы просимъ васъ послать намъ вашъ прейсъ-курантъ о . . . — Въ случаѣ какой хоть слабой надежды счастливаго успѣха, мы пошлемъ вамъ двѣ или три кипи (тюки) . . ., чтобы вамъ показать охоту, съ которою мы васъ считали бы среди нашихъ корреспондентовъ. Прося васъ сдѣлать намъ честь вашихъ заказовъ во всякихъ случаяхъ, гдѣ наши услуги могутъ вамъ быть полезными, мы имѣемъ честь быть съ величайшимъ уваженіемъ,

Господа,

ваши преданѣйшіе слуги.

Второе писмо.

Милостивый Государь!

Я получилъ ваше письмо отъ —го послѣдняго мѣсяца, съ прибавленной фактурою и коносаментомъ. Я присылаю вамъ чрезъ это векселъ на Г. Г. — и Комп. въ —, прося васъ послать мнѣ при первомъ случаѣ, тридцать штукъ холстины, по шелинговъ шесть за метръ — и дванадцать штукъ сукна, по гвинею за метръ, цѣлое совершенно по вашему вкусу. Я есмь

милостивый государь

вашъ и т. д.

Отвѣтъ.

Милостивый государь,

Ваше письмо отъ . . . . лежитъ передъ моими глазами. Я получилъ съ нимъ векселъ на Г. — и Комп., на сумму — Фунтовъ, который былъ акцептованъ, и итогъ котораго я внесъ въ вашъ счетъ. Смотря по вашему приказанію я пошлю съ кораблемъ —, капитанъ —, тридцать штукъ сукна, и льщусь получать ваши заказы при дальнѣйшихъ случаяхъ. Я есмь

милостивый государь

вашъ и т. д.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Утренная пѣснь. — Стихотвореніе Бестужева.
2. Житіе просвѣтителей Славянъ св. Кирилла и Меѳодія. „Изъ Чет. Мин. 14. февраля и 11. мая.“
3. Принятіе Русью христіанской вѣры. Великій князь Владиміръ Святославичъ. — Изъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Николая Карамзина.
4. Землетрясеніе. — Стихотвореніе Н. Языкова.
5. Святая гора Аѳонская. (Восхожденіе на вершину ея). — Изъ писемъ Святогорца.
6. Начало Кіево-Печерской лавры. (Въ 1062 году.) — Изъ „Исторіи государства Россійскаго.“ Николая Карамзина.
7. Вечерняя молитва. — Стихотвореніе Кюхельбекера.
8. Нѣкоторыя черты изъ жизни Пресвятыя Богородицы по Вознесеніи Господа нашего Исуса Христа. — Отъ Авдотьи Глинки.
9. Великая княгиня Ольга. — Изъ „Исторіи государства Россійскаго.“ Николая Карамзина.
10. На воскресеніе Христово. — Стихотвореніе Кюхельбекера.
11. Ломоносовъ. — Изъ „Исторіи русской словесности.“

Рыбакъ. — Николая Полеваго.

Бѣгство Ломоносова.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, или: чтеніе первыхъ стиховъ Ломоносова у императрицы Анны Іоанновны.

Смерть Ломоносова. — Ксенофонта Полеваго.

12. Послѣдняя борьба. — Стихотвореніе А. Кольцова.
13. Виѳлеемъ. — Изъ „Хрестоматіи Шафранова.“
13. Путешественникъ. — Стихотвореніе Жуковскаго.
15. Разореніе Кіева Батыемъ. — Карамзина.
16. Пѣсня бѣдняка. — Стихотвореніе Жуковскаго.
17. Чувствительный и хладнокровный. — Карамзина.
18. Скупой. — Гоголя.
19. Казачья колыбельная пѣсня. — Стихотвореніе Лермонтова.

20. Петръ I. — Изъ „Хрестоматіи Галахова.“
21. Встрѣча съ Карамзинымъ. — Булгарина.
26. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. — Стихотвореніе А. Пушкина.
23. Поединки и кровомщеніе въ Черногоріи. — Ковалевскаго.
24. Финляндія. — Батюшкова.
25. Графъ Габсбурскій. — Стихотвореніе В. Жуковскаго.
26. Мостъ черезъ Морачу въ Черногоріи. — Ковалевскаго.
27. Рейнскій водопадъ. — Карамзина.
28. Дѣвушка и чижъ. — Басня А. Измайлови.
29. Воръ. — Сказка изъ Хрестоматіи Шафранова.
30. Русакъ. — Разсказъ Владиміра Даля.
31. Вельможа. — Басня И. А. Крылова.
32. Марко Кралевичъ. — Былина Сербская. Перевелъ Иванъ Боричевскій.
33. Дочь пастуха. — Сказка изъ Хрестоматіи Шафранова.
34. Крестьянинъ и кляча. — Стихотвореніе Александра Измайлова.
35. Доброе слово. — Сказка изъ „Хрестоматіи Шафранова.“
36. Сонъ. — М. Вовчка.
37. Крестьянинъ въ бѣдѣ. — Стихотвореніе Ивана Крылова.
38. Николай Угодникъ. — Изъ „Хрестоматіи Шафранова.“
39. Пѣвцы. — Изъ „Записокъ охотника“ Тургенева.
4*. Соловей и чижъ. — Басня Хемницера.
41. Пословицы.
42. Гуси. — Басня Крылова.
43. Изъ писемъ русскаго путешественника. — Николая Карамзина.
44. Мелкія лирическія стихотворенія.
45. Образцы различныхъ мелкихъ переписокъ.

Лавочная цѣна одного экз. 1. гульд. а. ц.

☞ Чистый доходъ этой книги обратится на кавцію для политической русской газеты въ Ужгородѣ.

☞ У издателя этой книги еще можно получить „Грамматику письменнаго русскаго языка“ имъ же составленную въ цѣнѣ 1 гульд. а. ц.